

Евгений Костюченко
Спецназ обиды не прощает

ЛГ Информэйшн Груп, Гелеос; 2001
ISBN 5-8189-0042-8

Аннотация

Старые друзья, служившие в спецназе еще в годы афганской войны, снова собрались вместе, чтобы подстраховать своего товарища, участвующего в спец операции. Они предусмотрели все, чтобы остановить преступников, но жизнь диктует свои условия. Кто пожнет лавры победителей — мужественные воины или матерые бандиты, отвергающие все понятия о чести?

Евгений Костюченко
«СПЕЦНАЗ ОБИДЫ НЕ ПРОЩАЕТ»

Автор хотел бы выразить свою благодарность тем, без кого эта книга никогда бы не появилась, живым и вечно живым. Вот их имена: Валерий Волков, Анвар Хамзин, Геннадий Должиков, Сергей Козлов.

Пролог

Октябрь 1987, Афганистан

Возвращаясь в отряд из отпуска, капитан Герман Клейн торопился, чтобы прибыть на базу именно в субботу. После обычных забот парково-технического дня спецназовцев ожидала баня, и среди традиционных гостинцев Клейна были два березовых веника, плюс ленинградская водка. Встреча отпускника должна была превратиться в запоминающееся событие.

Но эта суббота всем запомнилась не только баней.

В штабе Клейна встретила напряженная тишина.

— Ты очень кстати, — сказал комбат. — Первая рота ведет бой. С восьми ноль-ноль нет связи. Принимай бронегруппу, будь в готовности. Как только уточним место, получишь приказ на выход.

— Какой район?

— Лучше не придумай. Кишлак Агай.

У Клейна заныла поясница. В зоне этого кишлака он как раз перед отпуском подорвался на фугасе. Тогда им повезло, но снова испытывать судьбу не хотелось.

— Да ты не грусти, — сказал комбат. — Кишлак трогать не придется. Подставишь Ковальскому броню, и домой. Вторым офицером пойдет Сайфулин. А пехота тебе еще и танк даст напрокат.

Колонна выдвинулась через час. Пока собирались, да пока тащились по разбитой дороге, наспигованной минами, Ромка Сайфулин ввел Клейна в курс дела. А дело складывалось не слишком удачно.

Накануне рота капитана Ковальского отправилась на свободную охоту. Строго говоря, поиск был не совсем свободным, потому что кое-какая информация у Ковальского имелась. По данным афганской контрразведки, в зону ответственности батальона направлялся караван. Он двигался по пустыне, минуя дороги и тропы, поэтому невозможно было предугадать его маршрут, чтобы выставить засаду. Но караван этот имел какую-то особую ценность, и командование предложило использовать летучую группу для перехвата.

Вчера, ближе к вечеру, первая рота покинула базу на обычных крытых грузовиках и до наступления темноты добралась до блокпоста мотострелков. Там начались превращения, уже незаметные глазу мирных афганских тружеников, которые внимательно отслеживали каждое перемещение спецназа. Из грузовиков по доскам выкатили три пикапа. Эти «тойоты» еще хранили на своих бортах следы спецназовских пуль, но продолжали исправно служить своим новым хозяевам. Бойцы переоделись в домотканые рубахи и широкие штаны. Чалма, пуштунская шапочка или черный берет пакистанского пограничника — такие неуставные головные уборы были надеты вместо армейских панам. Ребятам не хватало только растительности на молодых лицах, чтобы добиться полного сходства с моджахедами. Но Ковальский рассчитывал, и не без оснований, что эта деталь может быть обнаружена с такого расстояния, на котором она уже не будет иметь значения. Издалека его маскарадная группа легко могла сойти за моджахедов и не вызвала подозрений у охраны каравана. А спецназовцы и не собирались сближаться с противником больше, чем позволяет прицельная дальность автомата Калашникова. Главное — обнаружить духов и первыми открыть огонь. Если караван окажется большим — навязать бой, задержать на месте до рассвета и навести на него авиацию. А прикрывали группу, держась на удалении в два-три километра, два «Урала», под тентами которых стояли зенитные пулеметы.

Такие выходы иногда приносили хорошие трофеи, хотя гораздо чаще оказывались безрезультатными. На этот раз Ковальский был против операции. По плану командования он

должен был перехватить колонну на достаточном удалении от населенных пунктов. Но для результативного поиска надо знать хотя бы две точки — откуда идет караван и куда он должен прийти. У Ковальского была только половина нужной информация: моджахеды будут разгружаться в кишлаке Агай. Ясно, что там его и надо ждать. Но в этом кишлаке базировалась крупная банда, и она обязательно выдвинется на подмогу, как только спецназ вступит в бой с караваном. Ковальский был против «маскарадной» операции и предлагал иные варианты, но командование настояло на перехвате.

— А получилось, что перехватили наших, — заключил Сайфулин. — Кот успел передать, что его окружают. Сказал, что «вертушки» высылать бесполезно, вызвал броню. К нему направили «грачей», они обработали зеленку вокруг кишлака. Одного подбили «стингером», чудом дотянул. У духов безоткатки, РПГ и ДШК. Серьезная компания.

— Думаешь, наших там ждали? — спросил Клейн.

— А ты еще сомневаешься?

Капитан Клейн посмотрел на часы. Связь оборвалась в восемь. Значит, бой начался на рассвете. А сейчас уже четырнадцать тридцать. Держись, Кот, держись...

Колонна остановилась у блокпоста. Командир заставы сам подбежал к головному БТРу.

— Что так долго? Ваши за горкой с рассвета долбятся, а сейчас что-то затихли.

— Обедают, — спокойно сказал Клейн. — Танк даешь?

— Бери, не жалко. Только верни, не забудь. И чтоб ни царапинки! — Он добавил вполголоса: — Дембелей даю. Не сгуби ребят. Не гоняй зря.

— Понял. Постараюсь.

Застава осталась позади, моментально скрывшись за стеной пыли. «Не гоняй зря, — мысленно повторил Клейн. — Думает, что с нашими кончено, и мы едем собирать мертвых. Плохо ты знаешь Ковальского, пехота». Он был уверен, что ребята еще держатся. Как бы их там ни обложили, первая рота есть первая рота. В спецназ попадали отборные солдаты, а уж Коту доставались лучшие из отборных. Они знают, что помощь идет. Они понимают, что надо продержаться. Они продержатся.

Так он пытался подбодрить себя, нетерпеливо вглядываясь вперед. Наконец, колонна вышла в точку, указанную комбатом. Клейн прихватил двоих бойцов и полез на скалу, чтобы осмотреться с высоты.

Вот он, кишлак. Дувалы, глинобитные стены, плоские крыши. Все утопает в зелени. На голых холмах какие-то постройки. Клейн поднял бинокль, и сердце его застучало сильнее. Он увидел опрокинутый пикап рядом с одиноким домиком на вершине холма. Возле «тойоты» — два неподвижных тела.

Где остальные?

Он перевел взгляд к линии гор и увидел под скалой два «Урала». Наши. Немного дальше на дороге виднелись дымящиеся останки автобуса, а вокруг — пестрая мозаика перебитых духов. Десятка четыре, не меньше. «Ехали на подмогу к своим, — понял Клейн, — и попали под огонь группы прикрытия. Подкрепление до банды не дошло, поэтому в кишлаке так тихо. Кот, наверно, засел на окраине. Выйти не может. Но и у духов, наверно, сил не осталось штурмовать его. Комбат прав: я очень вовремя».

Через полчаса его колонна добралась до скальной стены, под защитой которой стояли «Уралы». Командир группы прикрытия Степан Зубов выпрыгнул из кузова на землю и шагнул навстречу, разводя руками.

— Гера, ты откуда? Ты же в отпуске, — сказал он так удивленно, будто встретил приятеля на Невском. — Тебе еще двое суток отдыхать.

— С вами отдохнешь. Докладывай обстановку.

— В шесть тридцать засекли отсветы фар, — сказал Зубов. — Пошли на сближение. На рассвете сошлись. Наших расшифровали в момент, стали окружать. В караване груза не было, только бойцы. Штыков триста, а то и больше. Кот передал мне, что будет прорываться через кишлак. По дороге, на скорости, пока духи ползут по пескам. Я выдвинулся сюда,

чтобы прикрыть его, когда он пронесется через кишлак. Но он там застрял. На южном краю. Всё.

— Бурбухайка на дороге дымит, — сказал Ромка. — Твоя работа?

— Делов-то, — Зубов пренебрежительно сплюнул. — По зеленке работали «грачи». А по ним работали «стингерами». Кот сидит хорошо, четыре раза духи ходили на штурм. Сейчас только снайперы работают. Значит, есть по кому. Давай, Гера, думай.

Сайфулин нетерпеливо топнул ногой:

— Чего тут думать! Танк вперед, «Уралы» подтянем, навалимся толпой. С землей сровняем!

Клейн еще раз огляделся, прислушиваясь к редкой перестрелке, доносящейся из кишлака.

— Степа, иди к танкистам. Пусть загонят «слона» вон на ту горку. Подскажешь им, где духи. Пусть накроют зеленку парой снарядов. А я с двумя пустыми бэтрами схожу на разведку. Вывезу живых. Потом уже войдем всей группой, подберем «двухсотых». Рома, выдвигаешь «Уралы», прикроешь наш отход. Вопросы есть?

В воздухе прошелестел снаряд безоткатки, разорвался с большим перелетом. Стрельба в кишлаке усилилась, из зеленки полетели две яркие точки гранат. Они разорвались, не долетев до танка метров двести.

— Заметили наконец-то, — сказал Сайфулин. — А то я испугался, что все ушли. Работаем, Гера, работаем, солнце уже на горизонт давит.

Клейн забрался в передний БТР и хлопнул механика по плечу:

— Вперед!

Когда машина перевалила через остатки дувалов, Клейн увидел на дороге еще один опрокинутый пикап. Рядом лежали трое ребят из группы Ковальского. БТР осторожно объехал тела и повернул за развалины. По броне забарабанили пули. В воздухе просвистел снаряд, могучий удар сотряс землю, и стрельба немного поутихла.

— Это здесь! — закричал механик.

— Вижу! — Клейн уже открыл боковой люк, чтобы выпрыгнуть.

Вся площадка перед одиночным полуразрушенным строением была густо усеяна телами духов. Клейн, пригибаясь, бежал к дому, наступая на трупы.

Из пролома выглянуло закопченное лицо Ковальского.

— Уходим, Кот! — крикнул ему Клейн.

Боковым зрением он уловил движение слева, опустил на колено и дал туда очередь. Сзади коротко прорычал пулемет БТР.

Ковальский уже шагал к нему, неся на плечах одного из своих бойцов. Еще двое, пригибаясь под огнем, волокли под руки другого раненого.

— Больше никого! — сказал Ковальский. — Давай на горку смотаемся. Там машина Ахмедова осталась.

— На горке тихо, — сказал Клейн, пятась к БТРу и поливая короткими очередями поверх дувалов. — Ты сам-то как?

— Цел! За домом Васька лежит, радист! Я сбегаяю, подбираю!

— Уходим, Кот! Потом всех вывезем!

Он увидел, как над дувалом вытянулась труба РПГ с ярко-зеленой гранатой, и вскинул автомат. Но Ковальский выстрелил раньше. Труба исчезла, однако Клейн на всякий случай прицелился в крону дерева и послал гранату из подствольника. Она разорвалась в ветвях, накрыв осколками тех, кто прятался за дувалом.

Клейн еще раз огляделся и забрался в отходящую машину, захлопнув люк.

На тесной улочке БТР не стал разворачиваться. Машина сдавала задним ходом, и пулемет грохотал непрерывно, высекая из каменных стен тучи пыли и осколков.

— Засада! — орал Ковальский, наклонившись к Клейну. — Сдали нас, суки! Я говорил, что местным верить нельзя! Сдали, уроды! По Ахмедову ДШК ударил с полста метров! Мы заскочили в кишлак, он на горку свернул! Может, кто остался? Давай к ним, Граф, здесь

рядом!

— Не сейчас. — Клейн выставил ствол автомата в бойницу БТРа и выпустил очередь по развалинам, где мелькнула красная жилетка. — Потерпи, Сергеич. Обстановка понятна. Соберемся, спокойно войдем, заберем всех.

Они вернулись к «Уралам», выгрузили раненых. Спецназовцы заняли места в машинах и приготовились входить в кишлак. Только сейчас Клейн увидел, что Ковальский ранен — его бурая душманская рубаха блестела на боку от впитавшейся крови.

— Останешься! — приказал Клейн. — Зубов, со мной! Рома, на моем «бэтре» заходишь с юга. Механик дорогу знает. Мы с Зубовым — в обход, на горку.

— Я с вами, — упрямо сказал Ковальский. — Там мои ребята.

— Перевяжись и иди к танкистам, — сказал Клейн. — Наведешь огонь. Ты местность изучил. Да, и еще. Мы идем на горку, так ты присмотрись к тому домику. Если там наши, хорошо. Но вряд ли. В общем, на всякий случай, поглядывай. Если оттуда начнут по мне бить, дай пару снарядов.

Три БТРа двинулись на кишлак в полной тишине. Никто не стрелял по ним из-за деревьев. На четвертом Клейн отправился в объезд, к перевернутой «тойоте» на холме рядом с сараем, который казался покинутым. Но интуиция подсказывала Клейну, что домик этот непростой. Отличное место для командного пункта.

— Выбежал один! — сказал Зубов, вглядываясь из-под руки. — Видел? Наблюдатель?

— Сейчас проверим.

Клейн сменил магазин и выпустил по домику длинную очередь трассеров. Тут же рядом с сараем вскинулось облако пыли, и яркая клякса летящей гранаты по дуге прыгнула ему навстречу. Взрыв грохнул правее БТРа.

— Ага! — торжествующе протянул Клейн. — Раскрылись.

Сидя за броней, он не слышал ни выстрела танка, ни полета снаряда. Он увидел только, как сарай вдруг на глазах превратился в клубящееся облако огня и пыли, и в разные стороны разлетелись какие-то ошметки.

— Молодцы танкисты! — крикнул Зубов. — Приятно посмотреть.

БТР остановился рядом с пикапом. Клейн выскочил наружу вместе с бойцами и подхватил за ледяные руки убитого спецназовца. Этого парня он знал — Руслан Ахмедов, из Гудермеса, отличный разведчик. Видно, ему досталась очередь из крупнокалиберного пулемета — грудь и живот были искромсаны, превратившись в сплошное месиво из крови и обломков костей...

— Их должно быть пятеро! — крикнул Зубов, выбегая из развалин. — А я вижу шестерых!

— Грузим всех! — Клейн помог загрузить тяжелый труп в задний люк и повернулся к Зубову. — Где шестой?

— Здесь, за домом. Гера, помоги!

Он кинулся к Степану, который тянул за руки тело русоволосого парня в афганской одежде.

— Твою мать! — Зубов вдруг разжал руки и брезгливо вытер ладони о брюки. — Да он теплый!

Клейн наклонился над убитым. Его одежда была иссечена взрывом, и из рваной раны на шее еще лилась кровь.

— Дух, — сказал он.

— Русский, — сказал Зубов. — Сука, он с ними тут сидел. Откуда взялся, тварь? Дезертир, наверно.

— Ну и что с ним делать?

Зубов ногой перевернул труп набок.

— Свои похоронят. Уходим, Гера.

— Нет, постой.

Клейн быстро обыскал убитого и нашел толстую записную книжку, диктофон и

маленький бинокль необычной формы, похожий на плоскую коробочку.

— Это не дезертир. Он вообще не наш. Журналист. Или советник.

— Один хер. — Зубов тоже присел рядом и, снова перевернув труп, обшарил карманы окровавленной кургузой жилетки. — Смотри-ка, баксы. Таблетки, батарейки, а это что такое? Кассеты от диктофона.

— Сдадим в особый отдел, — решил Клейн.

— Ты охренел? — зло глянул на него Зубов. — Я его не повезу! Мы не «врачи без границ»!

— Да я про документы, — успокоил его Клейн, пряча в карман робы записную книжку. — Всё, Степа, сматываемся. И так столько времени потеряли.

Наконец, все собрались, живые и мертвые. Ковальский провел перекличку, и сам отвечал за погибших. Ахмедов, Мелкумян, Кодряну, Ткаченко, Завьялов... Все на месте. Теперь можно уходить.

Они вернулись на базу ночью, и все-таки, несмотря на страшную усталость, сразу после чистки оружия отправились в «баню», как они называли простой блиндаж с печкой и бочкой воды. И там, посоветовавшись, решили: белокурого духа они не видели. С какой бы миссией этот иностранец ни прибыл в Афганистан, но он был среди врагов, а значит, и сам был враг. А спецназ не обязан отчитываться о каждом уничтоженном душмане.

Диктофон и блокнот, найденные на поле боя, можно после внимательного изучения сдать в особый отдел. А можно и не сдавать. Вот ребята из кандагарского батальона в прошлом году приволокли вместе с другими трофеями из каравана труп американца. Шумуто в газетах было много, а что толку? Мало того, что все почести достались доблестным афганцам, которым приписали эту победу над происками империалистов. Так еще особысты до сих пор терзают кандагарцев вопросами — куда это они припрятали тот миллион долларов, который якобы вез с собой американский курьер?

На том и порешили. Если начальство спросит про иностранца — все честно расскажем. Без утайки. А не спросит — будем молчать. Бинокль забрал себе Ковальский, доллары остались у Зубова. А с Клейна хватит и того, что он побывал в отпуске.

ЧАСТЬ I «НЕ ИЩИТЕ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ»

Глава 1

Март, 1999. Задача для Графа

— Я не знаю, как ты это сделаешь, — сказал президент. — Но ты это сделаешь. Командуй. Весь холдинг в твоем распоряжении. От уборщицы до президента.

— Этого мало, — ответил Клейн.

Полковник Герман Клейн знал, что не бывает невыполнимых задач. Только надо правильно подобрать исполнителей. Когда-то в его подчинении была рота, потом — батальон. Сейчас он руководил службой безопасности холдинга «Мировой Океан», и мог распоряжаться множеством разнообразных профессионалов. Но, выслушав президента, Клейн понял, что для решения задачи придется привлечь других специалистов. Тех, кому он доверяет. А в холдинге он уже не верил никому. От уборщицы до президента.

В Афганистане их команду называли ленинградским землячеством. Герман Клейн, Степан Зубов, Ромка Сайфулин и Костик Ковальский вместе прослужили до самого Вывода, вместе входили в Баку в январе девяностого года, и только после бакинской командировки их разбросали по разным частям. Клейн остался мирить братские народы Закавказья, а остальные ленинградцы отправились в Вильянди, где очень скоро и закончилась их служба государева.

Выйдя через несколько лет в запас, полковник Клейн вернулся в Питер, к родителям. Первое время он еще пытался встречаться с друзьями, но все труднее становилось оторваться от дел. Его бывший командир передал ему по наследству свой пост в холдинге, и Клейн работал по двадцать пять часов в сутки. Договорились собираться хотя бы раз в году, 5 ноября, на День разведчика. Но сам Клейн так ни разу и не пришел на этот сбор — все дела, дела.

Прежде чем обратиться к друзьям за помощью, полковник долго наводил о них справки, используя богатые возможности информационной службы холдинга.

После анализа собранных данных стало ясно, что Степан Зубов почти идеально подходил для решения задачи: он был одинок и в хорошей форме. Компьютер бесстрастно выдал и негативную информацию — Зубов, рядовой администратор гостиницы, в прошлом году купил стометровую квартиру; за последние четыре года он сменил две машины и сейчас ездил на «саабе — 9000». Возможно, это свидетельствовало о связях с криминалом.

Чтобы поговорить с другом незаметно для чужих глаз, Клейн пару дней изучал его распорядок дня, и, наконец, застал Зубова на закрытом теннисном корте. Ему пришлось целый час сидеть на скамейке, наблюдая, как Степан гоняет по площадке азартного толстяка. Выиграв первый сет, Зубов достаточно деликатно указал толстяку на тактические ошибки и дал ему передышку, а сам пошел к открытому окну, достав из кармана белоснежных шортов недокурную сигару. Здесь-то Клейн и перехватил его, протянув зажигалку.

Они оба были рады встрече, но времени, как всегда, хватило только на короткий деловой разговор. Выслушав полковника, Зубов спросил:

— Сколько платят за поездку?

— Сто долларов в день.

— Нет, не могу, — сказал Степан Зубов. — В городе я тебя подстрахую, вопросов нет. Но уехать не могу. Риск большой. При самом удачном раскладе я теряю неделю. Семьсот баков, конечно, неплохо. Но пока меня тут не будет, за эту неделю я могу потерять гораздо больше.

— Насколько больше?

— На порядок.

— Ясно. Значит, я рассчитываю на тебя в городе. Довезешь нас до аэропорта. О времени выдвижения сообщу за сутки.

— Понял. Кстати, если есть желание пострелять, приезжай ко мне на дачу. Мы там часто собираемся.

— Вернусь из командировки, загляну.

Степан кивнул и оглянулся на своего партнера. Толстяк все не мог оторваться от бутылки «Перье» и продолжал вытирать обильный пот.

— Загоняешь человека, — усмехнулся Клейн. — Сойдет с дистанции раньше срока.

— Ничего, он заводной. Азартный по жизни. Мы с ним зарубились на ящик «Карлсберга», начнут америкосы бомбить Югославию в марте или нет.

— На что ты поставил?

— На март, само собой. Не станут они до апреля тянуть. Весной горы зеленкой закроются, техника спрячется, куда бомбить? Я удивляюсь, что они до сих пор не начали.

— Наверно, авианаводчиков забрасывают, — сказал полковник. — Американцы не могут воевать без комфорта. Наводчик должен обжиться на месте, привыкнуть к объектам, все подходы-отходы по нескольку раз спокойно пройти, чтобы ночью не спотыкаться.

— Так ты думаешь, успеют они в марте? — озабоченно спросил Зубов. — Не хочется из-за каких-то соплежувей терять ящик пива.

Клейн увидел, что толстяк отбросил полотенце и уже постукивает ракеткой по колену. Степан загасил сигару.

— Погоняю хозяина еще часок. Так мы договорились, Граф? Объявишь суточную готовность.

— Договорились, Маузер.

«Граф» — это был один из позывных Клейна. А Степана стали называть Маузером, когда он обзавелся старинной пятизарядной винтовкой, оставшейся еще с тех времен, когда свободолюбивый афганский народ боролся против английских колонизаторов. Он вообще быстро обрастал трофейным оружием и какое-то время даже ходил на боевые с американской М-16, которая прельщала его удобством переноски. Правда, после первой же осечки капризная американка была подарена поварам.

После Маузера самым подходящим кандидатом был Ромка-Рубенс. Теперь его звали Рамазан. Так он подписывал свои картины, которые сплошным панцирем покрывали стены его огромной мастерской.

— Когда ты успел столько нарисовать? — удивился полковник, присаживаясь к столу и раздвигая банки и тюбики, чтобы поставить коньяк и блюдо с лимоном.

— Не нарисовать, а написать, — поправил великий художник.

Ромка Сайфулин в мирной жизни успел сменить несколько мест работы, прежде чем стать свободным художником. Поначалу, как и многие из их племени, он уступил настойчивым приглашениям и подался в менты. Не то ОМОН, не то РУБОП. Но не выдержал, сломался на первом же деле. Ему поручили самое простое — перед захватом войти в окруженное кафе под видом лица кавказской национальности и просто разведать обстановку. Руководители операции прекрасно знали, что лейтенант Сайфулин не раз ходил в разведку. Но они не учли, что это было на другой войне. Через десять минут из окна кафе посыпались первые жертвы этой разведки. Подлетели три кареты «Скорой помощи». Захватывать уже было некого, и Ромку пришлось удалиться из органов, от греха подальше. Он пошел в дворники при художественном училище и без лишних формальностей стал мастером классического рисунка и прикладных искусств.

— Это только верхушка айсберга, — скромно сказал великий художник. — Я успел даже поработать на реставрации мечети. А еще съездил в Польшу и потерял там целую выставку. Полсотни акварелей пропали вместе с чемоданами при переезде между двумя городами. Этим я и прославился.

Он тоже был холост и не слишком связан работой, а форму поддерживал в секции самбо. Возможно, к занятиям в этой секции Ромку притягивала неординарная методика старика-тренера, который повторял: «Стопка водки заменяет разминку, а стакан — тренировку». Так что у Клейна были сомнения по поводу его боеготовности. Зато Ромка был мусульманином, что давало определенные преимущества для решения задачи. И Клейн уже начал излагать эту задачу, как вдруг Ромка схватился за пейджер:

— Извини, брат, жду очень важное сообщение. Меня в Германию сватают. На реставрацию замка. Представляешь? Тюрингия, горы, контракт на пять лет... Нет, не то. Просто девушка беспокоится, что я давно не звонил. Вот дурочка. Я же звонил. Правда, другой дурочке.

— Так выпьем за наших многочисленных дам! — Клейн поднял стакан.

Он даже обрадовался, что узнал о поездке в Германию раньше, чем успел предложить работу. Потому что Ромка наверняка сразу согласился бы. И кто тогда будет реставрировать замок в Тюрингии?

«Нет, пусть Рубенс останется дома», решил Граф и свел разговор к планам общего сбора.

— Степан зовет на дачу. Ты как?

— На дачу? — засмеялся Ромка. — Это красивая легенда. Нет у него никакой дачи. Участок в лесу. Вагончик он туда забросил вертолетом, вот и вся дача. Баню мы ему этим летом срубили с Сергеичем, все-таки строитель. А Степка только горячее подвозил. Одно хорошо — глухомань. Пошмалять можно от души. У Кота ружье, у Степки целый арсенал. За лето патронов сожгли кучу. Оказалось, мы не умеем стрелять из пистолета.

— А нам это надо?

— Знаешь, — Ромка смущенно улыбнулся, — мы же считали себя специалистами. Да мы и были специалистами. Но пистолет не наш профиль. А тут Сергеич привозит человека...

Он, в принципе, пороха не нюхал. Разве что в тире. И мы у него учимся. Смешно, да?

— Смешно. Ты же разведчик. Ты снайпер, минер, механик, радист. Чему еще ты можешь научиться? И зачем?

— А просто так. Мы все лето тренировались. Работали тоже, но и тренировались. Вполне серьезно. Особенно Степка. Он нас в конце концов перестрелял всех.

— Жаль, меня с вами не было.

— Да, жаль. Но тебя никак было не найти, — сказал Ромка. — Трубка не отвечала, а в холдинге говорят, что Клейн Герман Иванович у них не работает.

— Дисциплина. Не было меня в городе прошлым летом, — сказал полковник Клейн.

— А где был?

— На юге.

Ромка, нарезавший лимон на тончайшие прозрачные дольки, остановился и поднял взгляд на Графа.

— Кавказ?

— Не то, что ты думаешь. Не Чечня. Работал в нашем бакинском филиале, доводил до ума систему связи.

— Хорошо. А то я уже подумал...

— Нет, не думай.

— В декабре девяносто четвертого меня туда звали. — Ромка подцепил кончиком ножа лимонный кружок и протянул его Клейну. — Держи закуску. Но я им сказал, что это не моя война. Тебя не беспокоили?

— Нет. Выпьем за то, чтоб нас больше никто не звал на войну, — сказал полковник.

— Ты начал говорить о каком-то деле. Могу помочь?

Граф разжевал лимон, не торопясь с ответом. Если сейчас ничего не сказать, Ромка все равно свяжется со Степаном и все узнает. Обидится еще.

— Надо перебросить одного человека в аэропорт. Незаметно для окружающих. Степан за рулем, нужен еще один сопровождающий.

— И всё?

— Всё.

— Если Маузер подписался, значит, дело хорошее. Я готов. А с Ковальским ты говорил? Обязательно подключи Сергеича. А то он после Нового года уже два раза в запой уходил. Надо вытаскивать мужика.

Глава 2

Ковальский

Полковник Клейн терпеть не мог некурящих пьяниц. Если уж ты горишь печень, то к чему трястись над легкими? И то, что Костик Ковальский во время пьянки выставял курящих гостей из помещения, всегда раздражало Графа.

Сам он пьяницей не был, просто пил, как все. Выпить водки с друзьями — это подарок судьбы. Такие подарки начинаешь ценить только тогда, когда перестаешь их получать. Но в те времена, в Афганистане, они были молоды, здоровы — и оставались живыми среди войны. Чем не повод выпить?

Конечно, можно было пить и в другом месте, но ленинградцы — Клейн, Зубов и Ромка — привыкли собираться у Ковальского. Там можно было и заночевать. И первое, что видели проснувшиеся гости — это комплекс утренней гимнастики в несколько ожесточенном исполнении хозяина.

Тогда, под конец войны, их собрали в Кабуле, приказав оставить обжитые базы в Асадабаде и Кандагаре, Газни и Шахджое... Вместо засад и налетов личный состав занимался строевой подготовкой и превращением краснополосных чеков в бытовую

электронику. Лейтенант Сайфулин, бригадный «Рубенс», по примеру подчиненных рисовал офицерам дембельские альбомы. Старлей Зубов вместо коллекционирования редкого оружия открыл ПОП — полевой обменный пункт, освободив боевых товарищей от всех валютных проблем. А «Кот», то есть Костик Ковальский, нашел достойное применение своим ста пяти килограммам живого веса, помноженным на польский шарм.

Никто так и не узнал, к кому возил его по ночам приятель-особист, но возвращался он наутро совершенно измочаленный, благоухающий, с бессмысленной улыбкой и полным багажником виски, или коньяка или невиданного тогда мартини. Поговаривали, что именно его таинственная подружка задержала вывод Кота из Афганистана до самой распоследней минуты, ведь каждый день тогда стоил немалых денег. А когда еще удастся заработать офицеру? Где ж ты найдешь в Союзе зону боевых действий?

Так что Кот, наверно, имел причины заботиться о своем здоровье, снисходительно усмехнулся полковник Клейн. Тем более, что однажды его борьба с курением просто-таки спасла гостей от неминуемой беды. В ту ночь они охраняли подходы к площадке, с которой тактические ракеты уходили на головы духов, сладко дремлющих в двух сотнях километров от Кабула. Пуски прошли нормально. Спецназ отучил местных покушаться на чужое, и никто уже не пытался захватить наши драгоценные установки. У Кота тоже все получилось неплохо, и вернувшись в часть, на рассвете народ собрался вокруг ящика польской водки «выборовой». То ли из-за особо холодной ночи, то ли из-за национальных особенностей напитка, но даже самым отъявленным курильщикам лень было выходить наружу, и все смогли воздержаться. И когда вдруг в распоряжение нагрянул сам командующий армией...

Полковник Клейн зябко повел плечами. Если бы они тогда не затаились в каптерке Кота, не бывать бы ему полковником. Так и сгнил бы в капитанах. Но мудрый Кот приложил палец к губам, и вся компания застыла, словно в засаде, пропуская над собой головной дозор каравана. Командарм дергал запертые двери, распекал дежурного прапорщика и грозился навести порядок с помощью поганой метлы, парткома и трибунала. Но бардак отступления мягко обволакивал его жуткие угрозы...

Капитан Ковальский не изменил своим афганским привычкам и спустя много лет. Сейчас, глядя на его погрузневшую фигуру в линялых финках и выцветшей майке, полковник Клейн понимал, что вчера было выпито немало. Генеральный директор строительной компании трусил по дорожке школьного стадиона, падал на замороженную землю и делал десяток отжиманий, потом тяжело вскакивал и снова наматывал очередной круг.

На пяточке у школьного забора припарковались несколько машин, но только одна из них, давно не мытая «восьмерка», стояла носом к дороге. Клейн поставил свой джип так, чтобы запереть «восьмерку», потому что это наверняка была машина Кота. Быстрая и крепкая, но самое главное — с широкой дверью. В компьютерной распечатке ничего не говорилось о машине, но он мог ездить по доверенности. В распечатке и о квартире ничего не говорилось. Оказалось, что Кот продал квартиру и прописался в какой-то дремучей коммуналке, но там не жил и даже не показывался, если верить соседям. А вот один из телефонов строительной компании привел Клейна к железной двери в довольно дорогом доме на Варшавской.

Он посмотрел на часы — девять десять. Кот бегал уже двадцать минут. В десять ноль-ноль, если верить суровой секретарше Кота, генеральный директор К.С. Ковальский должен встретиться с заказчиками, и Клейн рассчитывал перехватить его по дороге. Но пока не было никаких признаков того, что Кот готовится к деловой встрече. Он продолжал кружить по дорожке стадиона, мотая опущенной головой, как старый пес.

В горах Коту было тяжелее, чем всем остальным. Он был самым крупным — отличная мишень. Он никак не мог подобрать себе подходящую обувь — советские кроссовки 45 размера в Асадабад не завозили, а самые большие из трофейных были на два размера меньше. Он был вечно голодным и ел быстрее всех, не оставляя сотрапезникам никаких шансов. Но зато он мог нести на себе столько боеприпасов, сколько не удавалось больше

никому.

В девять семнадцать Клейн заметил, что Кот начал оглядываться на бегу. К школе подкатила «Нива», перевалила через бордюр и выехала прямо на стадион, догоняя Кота. Распахнулась дверца, и Кот нырнул в машину на ходу. А полковнику Клейну только и оставалось, что растерянно глядеть вслед удаляющейся «Ниве» с грязными номерами.

Годы, прошедшие в армии, в МВД, а затем в службе безопасности коммерческой структуры, научили его не только подмечать признаки опасности, но и прислушиваться к еле различимым сигналам интуиции. Сейчас интуиция подсказывала, что Ковальский согласится на его предложение, и следовало обязательно поговорить с ним, даже пренебрегая конспиративными требованиями к месту и времени переговоров. Клейн развернулся и погнал свой джип к главному офису Ковальского, надеясь, что именно туда направилась «Нива».

Клейн добрался до офиса раньше Кота. Во дворе стоял черный «мерседес», а рядом черный же «Чероки» с охраной. Похоже, что важные заказчики уже прибыли. Ему пришлось подождать еще восемь минут, прежде чем во двор влетела «Нива». Он посигналил, и Костик Ковальский оглянулся, выбираясь из машины и повязывая галстук поверх белоснежной сорочки. Он успел где-то по дороге принять душ и переодеться.

— Здорово, Кот, — сказал Клейн через опущенное стекло.

— Граф? — Ковальский удивленно оглянулся, услышав свой позывной, и машинально ответил позывным Клейна. — Что случилось?

— Ты мне нужен.

— Это срочно? Меня народ уже две минуты ждет, — сказал Кот. — Но если у тебя что-то срочное, пошли.

— А народ?

— А на то он и народ, чтоб терпеть, — сказал Кот и повернулся к своему водителю: — Димка, поразвлекай гостей. Пусть пока смету почитают. Потом, если выдержат, пусть чаю попьют. А дальше видно будет. Пошли в контору.

— Здесь поговорим, — сказал Клейн и распахнул дверь джипа. — Залезай ко мне. Есть интересная задача...

Задача была не столько интересной, сколько необычной. Еще никогда и никто не предлагал Графу стать конвоиром.

— Я работаю в одном большом холдинге, — начал Клейн. — Может быть, слышал, «Мировой Океан»? Рыба и морепродукты. У президента холдинга есть брат, прокурор. Две недели назад он пропал. Поехал подышать горным воздухом, вышел в Нальчике из гостиницы и не вернулся. Формально он в отпуске, так что шум еще не успел подняться. Но шум поднимется, когда выяснится, что его держат заложником в Чечне.

На днях чеченцы вышли на нас. Они не требуют денег. Им нужен свой человек, который сидит у нас в тюрьме. Они требуют найти его, освободить, доставить его в Чечню, и тогда прокурор будет отпущен. Наш президент, как ты понимаешь, не последний человек в этом городе. Он нажал на кнопки, и процесс пошел. Тем более, что у прокурорских тоже свой интерес. Своих они не сдают. Чечена из тюрьмы уже выдернули...

— Вот тебе и соблюдение законности, — усмехнулся Ковальский. — А я тут над бумажками ночей не сплю, чтобы все по закону, лицензии, налоги эти чертовы. Может, мне под твою крышу перейти?

— Да при чем тут законность, — Клейн махнул рукой. — Все оформили как надо. Получилось, что он вообще как бы даже не сидел, а был под следствием. Так что хватило подписки о невыезде. Теперь надо его отсюда вывезти. Этим занимаюсь я. И мне нужны свои люди, чтобы его переправить.

— А как же подписка?

— Это не наша забота, — сказал Клейн. — Я думаю, что расчет у них такой. Если все получится, то чеченец окажется в своей независимой Ичкерии, и там его не достать. Ну, нарушил он подписку, ну пойдись теперь накажи его за это. А вот если что-то начнет

буксовать, его тут же хапнут и сунут обратно в камеру, но теперь уже поглубже. Но это их прокурорские дела, нас они не касаются. Так что ты думаешь?

— Знаешь, Гера, меня и в мирные-то годы туда как-то не тянуло. В Моздок я больше не ездок, — Кот покачал головой. — Старый я стал, ленивый. Ну как я сейчас все брошу? Заказчики вон серьезные приехали... И вообще дел накопилось... А откуда известно, что они держат заложника именно там? Засадой все это пахнет, не замечаешь?

Клейн понял, что интуиция его не обманула. Кот поедет. Старый и ленивый, он бросит все свои дела и поедет с ним. И почему Клейн сразу не обратился к нему? Почему он доверился чисто формальным признакам, «свободен или занят», «спортсмен или алкаш»? Как он мог забыть, например, что Зубов излишне расчетлив, а Ромка слишком импульсивен, и только Коту удавалось сочетать и расчет, и дерзость, и еще десятки взаимоисключающих качеств. И только Кот никогда не ходил дважды по одной и той же тропе, и даже на базу возвращался каждый раз с новой стороны — иногда по минным полям. И потеря у Ковальского было меньше, чем у других. Так почему ты не обратился сразу к нему, спросил себя Клейн. И признался — гордость не дала. Полковник Клейн не мог позволить, чтобы капитан Ковальский принял его командовать. Но деваться было некуда.

— Конечно, никто и не собирается проводить размен в каком-нибудь Ачхой-Мартане, — сказал Клейн. — Это было бы слишком наивно, думать, что там мы получим своего живым, и что сами сможем вернуться живыми. Все будет не так просто. Они назначили размен на нейтральной территории.

— Неужели в Швейцарии?

— Почти. В Баку.

— Что ж, район знакомый. Ты ребятам говорил? Как Ромка, Степан?

— У них другая задача. Они мне помогут довезти клиента до аэропорта, и все. Дальше мы с тобой вдвоем.

— Вдвоем? Это несерьезно. Как мы повезем твоего зэка? В железной клетке? В наручниках? Как мы будем спать в дороге? Как водить его в сортир? Нет, это несерьезно. Может, я чего не понимаю в конвойном деле...

— Все продумано, Кот. Докладываю. Размен назначен через неделю. А мы уже сейчас тихо и незаметно прибудем на место, спрячемся и затаимся. Вдвоем с ним мы останемся только в салоне самолета, а это всего лишь три часа. Отсюда нас проводят, на месте встретят. А когда начнется размен, и они покажут нам живого прокурора, вот тогда мы и раскроемся. Главное что? Убедиться, что они намерены именно меняться, а не мозги сушить. Потому что торопиться в этом деле нельзя. В этом деле столько уже народу погорело из-за спешки, из-за доверчивости, из-за глупости своей...

Клейн достал сигарету и вопросительно глянул на Ковальского, но тот лишь рукой махнул и сказал:

— Да ладно, дыми. Но ты что-то недоговариваешь. Почему ты им так легко уступил? Спецназ обиды не прощает. Почему нельзя просто собрать команду и отбить мужика?

— Смысла нет, — сказал Клейн. — Они предлагают вполне приличные условия. Одного на одного. Просто мне не нравится их манера. Они ведь не звонят. Они просто подбрасывают видеокассеты, а там их новые условия. Нет диалога. Но они все про нас знают. Ну, я все сказал. Твои вопросы.

— Да какие там вопросы... Когда надо ехать?

— Как всегда, вчера.

Кот слегка ослабил галстук и покрутил головой.

— Дело, конечно, хорошее. Работы все равно не видно. Пока только разговоры насчет летних заказов, да сплошная пьянка с налоговой, с мэрией, с поставщиками... Развеемся, конечно, не мешало бы. И деньги летние пока еще не все проели, на дорогу хватит.

— Дорогу оплачивает холдинг, — сказал Клейн. — И вообще все расходы холдинг берет на себя. Абсолютно все. Плюс премия. Все будет оформлено как командировка.

— Вот это вы зря, ребята, — сказал Кот, вытянув галстук из-под воротника и запихнув

его в карман пиджака. — Зачем же так светиться? А если утечка информации?

— Насчет утечек не беспокойся. Это моя забота. А командировки в Баку у меня бывают по несколько раз за год, у нас же там филиал.

— Ну да, — усмехнулся Кот. — Икра да осетрина тоже ведь морепродукты. Но тогда я вот что скажу. Во всей этой операции мне не нравится одно. Вот мы с тобой улетели. Кто остался на базе? Кто нас прикроет, если что?

«Что значит «если что»?» — хотел сказать Клейн, но удержался. Среди множества суеверных правил было и такое — перед выходом не обсуждать вслух возможные неудачные варианты. Просто чтобы не накаркать. Им не надо было сейчас объяснять друг другу, что именно может случиться. Тем более, что всего не предусмотреть.

— Кто нас прикроет, если что? Не люблю я оставаться с голой задницей.

— Я тоже, — согласился Клейн. — Но здесь уже ничего не поправишь. Я планировал отправить Степана с Ромкой или с тобой. Но они отпали. Придется рассчитывать только на себя.

— А если я возьму с собой надежного человека, а ты останешься? — предложил Кот. — Так во всех отношениях будет лучше. Ты не оголяешь фирму, сидишь в своем штабе, управляешь ходом операции. И не надо никаких командировок, сами слетаем, доставим, все сделаем в лучшем виде. Никаких утечек и протечек. А насчет премии разговор будет отдельный. Ящик шампанского.

— У тебя есть надежный человек?

— Абсолютно надежный. Вадим Панин, мой зам. Он же мой юрист, мой бухгалтер, мой водитель... И мой нарколог, — вздохнул Кот. — Репутация безупречная. Пьяница, бабник, лихач. Сейчас опять без прав катается. На сто процентов наш мужик. Хотя и зануда. Офицер. Такой же капитан, как и я. Единственный недостаток — не был в Афгане.

— Этот недостаток уже не исправишь. — сказал Клейн. — А он согласится?

— А кто его спрашивает? Я скажу, он поедет. У нас дисциплина.

— Мне надо с ним поговорить.

— А вот сейчас и поговоришь, — сказал Кот. — Он уже тут как тут. Зовет меня на работу, как всегда.

На крыльцо офиса вышел человек в сером костюме, приглашающе махнул Ковальскому и пальцем постучал по часам. В ответ Кот показал ему скрещенные ладони и сам поманил его к себе.

— В чем дело, Константин Сергеевич? — сказал зам, подойдя к машине. Увидев, что начальник сидит уже без галстука, а его собеседник курит, он тут же перешел на менее формальный тон. — Банкиры смету прочитали, чаю с лимоном выпили, осталось только девочек им предложить. Ты где застрял?

— Банкиры отменяются, — сказал Кот. — Сейчас я пойду их успокою, а ты посиди тут. Давно хотел вас познакомить. Это тот самый Клейн. А это тот самый Панин.

— Заочно мы уже знакомы, Сергеич обожает рассказывать поучительные истории о своих товарищах, — сказал Панин, пожимая Клейну руку.

Его ладонь была узкой и хрупкой на вид, и браслет часов сползал с тонкого запястья, но рукопожатие оказалось неожиданно плотным и крепким, и Клейн прикинул: «Самбист? Вольник?». Судя по фигуре, Панина можно было отнести, скорее, к фехтовальщикам или боксерам-легковесам. Пиджак тесно облегал широкие плечи и выпуклую грудь, но болтался на животе. Усевшись на место Кота, Панин прежде всего распустил узел галстука и снял его через голову, не развязывая.

— Ненавижу эти удавки, — пояснил он. — Но сегодня архиважная встреча. Крупный заказ на весь сезон. Банкиры затеяли отгрохать себе зону отдыха. Жаль, если мы их упустим.

— Мы нигде раньше не могли видеться? — неожиданно для себя спросил Клейн. — Где-то я видел ваше лицо.

— Это было не мое лицо, — сказал Панин. — Может быть, обойдемся без предисловий? Я так понял, что у Сергеича опять возникли какие-то проблемы.

— А вы специалист по его проблемам? — спросил Клейн.

— Это моя работа, — Панин пожал плечами. — Он тянет фирму, а я просто облегчаю ему жизнь. Какие-то проблемы удастся решать легко, какие-то не очень. Но лучше всего не создавать проблем. Лучше всего их избегать. Профилактика дешевле, чем лечение, как говорят венерологи. Так в чем проблема-то?

— А вы, Вадим, давно вместе?

— Уже больше пяти лет. Собственно, со дня основания фирмы. Сергеич таскался с бумагами по коридорам власти, там мы и пересеклись. Я тоже таскался с бумагами. Он хотел создать охранное предприятие, а я — заводик по сборке компьютеров. В результате получилась строительная компания.

— Вы офицер? Где служили, если не секрет?

— В авиации.

— Последний вопрос, — сказал Клейн. — Вы когда-нибудь бывали в Баку?

— Бывал.

— И все-таки я вас где-то видел. И почему-то кажется, что в Баку, — сказал Клейн. — Но дело не в этом. А дело вот в чем...

Он изложил суть дела Панину, и тот, подумав с минуту, засыпал его вопросами. Способ доставки? Кто обеспечивает дорогу? Кто встречает? Что за укромное место? Кто его обеспечивает? Сколько времени держать пленного? Условия содержания? Что делать с пленным в случае осложнений? Есть ли запасные варианты — доставка, укрытие, отход? И наконец, почему нельзя поручить доставку людям из холдинга?

— А вот на этот вопрос я не могу ответить, — сказал Клейн.

— Понятно, — сказал Панин. — На самом деле это тоже ответ. И он меня устраивает. Кстати, вы наводили справки об этом чеченце? Почему его так высоко ценят? Все-таки за прокурора можно было требовать хотя бы пару миллионов. Тем более за брата президента. Да нет, за братишку стартовая цена была бы миллионов десять. Он что, чей-то родственник, наш чеченец? Или полевой командир?

— Справки я, конечно, навел, — сказал Клейн. — Ничего особенного. Попался на банальном разбое. Затеял в кабаке драку, нанес телесные повреждения, а на прощание забрал у потерпевшего часы, кошелек, телефон и кроссовки. Жил без прописки. В боевых действиях не участвовал. По его словам. Может быть и правда родственник кого-то из верхушки. А может, наоборот, кровник. Черт его знает... На Кавказе много такого, что не конвертируется в деньги.

— Это точно, — сказал Панин. — Когда вылетаем?

— Хорошо бы сегодня ночью.

— Ночью нет рейса на Баку.

— Правильно. Нет. Но есть транзит.

Они условились о месте сбора и еще о некоторых деталях. Панин делал последние пометки в своем блокноте, когда на крыльцо офиса вышла целая делегация. Трое телохранителей выстроились в дворе, оглядываясь по сторонам, и под этим прикрытием к «мерседесу» проскочили две фигурки в длинных, до земли, пальто. А генеральный директор К. С. Ковальский стоял на крыльце, широко улыбаясь, и прощально водил в воздухе поднятой ладонью.

— Сорвалось, — констатировал Панин, глядя на выползающий из двора «мерседес». — Ну и хорошо. Не любим мы иметь дело с такими монстрами. Ворочают миллионами долларов, а за десятую долю копейки удавиться готовы. Самое милое дело — частный заказчик. Кстати, у вас в холдинге есть желающие построить домик?

Полковник Клейн понял, что за Кота можно не беспокоиться. И приехав вечером в аэропорт, он не удивился тому, что Кот уже ждал его — зануда Панин не позволял шефу опаздывать.

Сонный чеченец озирался по сторонам, пока Кот тащил его на посадку, подхватив под локоть. Таблетки, которыми следовало поддерживать это сонное состояние хотя бы до

следующего вечера, Клейн отдал Панину — зануда Панин ничего не перепутает, не усыпит попутчика насмерть, но и не даст ему очухаться раньше срока. Проводив самолет, он отправился домой дожидаться звонка.

У него было примерно три часа, чтобы поспать, но он все ворочался с боку на бок, и только далеко за полночь забылся в полудреме.

Он проснулся за несколько секунд до того, как раздался звонок. Спокойный голос Панина пробился через треск и шелест эфира. Как и было условлено, он позвонил прямо из аэропорта. Клейн посмотрел на часы. Следующий звонок будет примерно через часа полтора — пока доедут до города, пока доберутся до адреса... На этот раз он заснул легко, и даже увидел обрывок какого-то сна. Проснулся Клейн словно от толчка. Время вышло, но никто не позвонил. Время вышло давно. Уже можно было вернуться обратно в Питер, подумал Клейн, и выругался.

Звонок раздался на два часа позже. Клейн снял трубку, и она показалась ему свинцовой. Еще можно было надеяться, что у задержки будет безобидное объяснение — погода, поломка машины, какая-нибудь еще Техническая Причина...

— Твои еще не приехали, — сказал женский голос в трубке. — Я от соседки звоню.

— Самолет прибыл, — сказал он.

— Да, я знаю. Я звонила в справочное. Самолет прибыл. Твоих нет. Мне ждать? Или все отменяется?

— Ждать, — приказал Клейн. — Ждать до упора.

Глава 3

Домашний арест

Президент «Мирового Океана» вполне мог бы сниматься в рекламных роликах своего холдинга. В роли кита, например.

Это был стокилограммовый лысый юноша с кроткими голубыми глазками под нависшим выпуклым лбом. Юноше не было и сорока годиков, а он уже владел небольшой империей с провинциями, а также с послушным сенатом, с легионерами, гетерами и рабами. Империя досталась ему по наследству, когда Папа окончательно отошел от дел и, начитавшись идеалистической философии, принялся возделывать свой сад. (Примерно два гектара в Луизиане). Было у Папы два сына. Старший пошел по юридической части, а младший по экономической. Старший продвигался по службе под прикрытием материнской фамилии и папиных связей, а младший с детства изучал, а потом даже какое-то время преподавал политэкономии социализма. Старший стал прокурором, заработал язву, репутацию твердолобого бюрократа и кличку «Краснокожий» — за кровожадность и неумение договариваться. Его понимание законности пугало Папу, и империю он доверил младшенькому, который умел применять свое образование без ущерба для окружающих. Университетское прошлое до сих пор иногда сказывалось на манерах Императора, то есть Президента.

Вот и сейчас он невозмутимо выслушал Клейна, знаком попросил его остаться в кабинете, впустил в кабинет секретаршу с чаем, лично выжал в стакан несколько мутных капель из лимона, размешал ложечкой, отпил и удовлетворенно кивнул, после чего секретарша удалилась.

— Ты сам-то понимаешь, чего сказал? — спросил Президент.

Вместо ответа Клейн пожал плечами.

— Я вот не понимаю, как это люди могут исчезнуть в аэропорту? Их там встречали?

— Встретили.

— Ну и куда же они делись?

— Я звонил, пока не отвечают, — сказал Клейн. — Сейчас буду дозваниваться.

— Я не понимаю, что значит «не отвечают», — сказал Президент. — Что они там, все вымерли? Звони на склад, звони в гараж.

— Не отвечает ни один телефон.

Президент снял запотевшие очки, протер стекла кончиком галстука, но надевать не стал. Он бросил очки на стол и откинулся на спинку кресла.

— Кто знал об отправке? — спросил он. — О настоящей отправке, не подставной. Кто мог знать?

— Только мы с вами.

— А водители? А кто билеты заказывал? Кто командировку выписывал?

— Клиента я отвез сам. Сам получил, сам и отвез.

— На чем отвез?

— На чужой машине. Со мной были двое моих людей, они ничего не знали о деле. Просто сидели рядом для страховки.

— Что за люди? Ты про них не говорил раньше.

— Это мои люди. Проверенные. Служили вместе. И они ничего не знали, ничего. Просто сидели в машине рядом с чеченцем, чтобы он не дергался. Что у нас еще? Билеты... Билеты заказывал я сам, лично. Семь билетов на прямой рейс, три на транзитный. Командировку выписывали на охранников, которые по легенде улетали прямым рейсом. На транзитный рейс командировку не оформляли. Людей отправил сам, все было нормально.

— Ты не всех сосчитал. Об отправке знали те люди, которых ты отправил.

— Да, знали, — Клейн кивнул. — Они знали. Но это же свои... И даже они узнали о вылете буквально за несколько часов.

— За несколько часов можно много чего организовать. И это еще не все, — сказал Президент. — Еще об отправке знал клиент.

— Не знал, — возразил Клейн. — Ему сказали, что везут для опознания. Он даже не понял, что его в самолет сажают.

— Допустим, — сказал Президент. — Вычеркнем клиента. Остаются четверо: ты, я, твои люди. Кто-то из этих четверых работает против меня. Одна фигура отпадает автоматически. Это я. Остаются трое. Ты и твои люди. Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Мне нет смысла работать против вас, — сказал полковник Клейн. — Но если вы думаете иначе... На вашем месте я бы поискал другого начальника службы безопасности.

— Не надо хамить, не надо, — сказал Президент. — Я и сам знаю, что делать на моем месте. И тебя никто не обвиняет. Просто логика заставляет иногда делать весьма неприятные выводы.

— Считать так считать всех. Вы не сосчитали еще кое-кого, — вспомнил Клейн. — А как же чеченцы? Они же тоже знали, что мы повезем...

— Не срастается, — развел руками Президент. — Чтобы перехватить клиента, им надо было узнать день и рейс. А это знали только те самые четыре человека. Вот мы и вернулись к тому, с чего начали.

— Они могли посадить своего человека в аэропорту на регистрации. И как только пройдет его фамилия, позвонить.

— Хороший план. Но даже очень умные чеченцы не станут сажать на регистрацию своего человека за неделю до размена. Ну, какие еще идеи?

Полковник Клейн встал. Руки по швам.

— Я сейчас же вылетаю в Баку и во всем там разберусь на месте. В том, что до сих пор не позвонили, моей вины нет. Мое дело было собрать народ и отправить. Все. За остальное отвечает каспийский филиал. Они должны были встретить. Надо лететь и разбираться на месте, пока не поздно.

— Сядь, — приказал Президент.

— Но моей вины в этом нет, — упрямо повторил Клейн.

— А меня не щекочет, кто виноват! — заорал Президент, вскакивая и нависая над

столом всей своей тушей. — Не виноватых искать, а дело делать надо! Ты мне результат выдай! А результат нулевой! Все! Иди домой, сиди дома и жди, пока не позову!

— Это что, домашний арест? — спросил Клейн.

— Оставь ты свои солдафонские штучки, — обмяк Президент, медленно возвращаясь в берега кресла. Он достал кружевной платочек, высморкался и сунул его в нижний ящик стола. Потом надел очки, отхлебнул чаю и добавил: — Сиди дома. Допустим, ты чист, и твои люди тоже. Тогда остается только одно. За тобой наблюдали, а ты не заметил. Значит, теперь мы за ними понаблюдаем. Закажи себе билет на Баку, всем скажи, что вылетаешь. А сам сиди дома, и они проявятся. А я подумаю, как их засечь.

— На живца ловить будем, — мрачно сказал Клейн. — Кого оставить на хозяйстве?

— Кто понадежней. Шалакова оставишь.

— Это не самый лучший вариант.

— Почему опять я? — спросил Президент, отодвигая стакан. — Ну почему опять я должен решать все ваши проблемы? Я виноват, что у тебя нет надежного зама? Почему ты все время затираешь Шалакова? У тебя какие-то личные мотивы, что ли? Так забудь о своих личных мотивах. Оставишь на хозяйстве Шалакова, а сам давай с домашнего телефона дозванивайся до города Баку.

— Все-таки лучше бы мне туда слетать, — Клейн встал. — А насчет Шалакова... Он, возможно, замечательный человек, но опыта маловато. Всю жизнь в замполитах...

— Давай без демагогии, — сказал Президент. — Постой, не беги. Ты в сны веришь?

— Нет.

— Я тоже. Хорошо, что хоть кто-то еще не верит. А то кругом одни ясновидцы да толкователи. Славка мне снился, брат мой. Плохо снился. Будто он в клинике лежит, мы с отцом бегаем, ищем его бокс и не можем нигде найти. А кругом цветы, цветы, и скамейки все черные, обтянуты красным бархатом.

— Это как? — не понял Клейн.

— Не перебивай. И мы бегаем по клинике, нашли наконец его бокс, а там его нет, только цветы. Вот такая хреновина.

— Ну, в клинике лежал ваш отец, насколько я помню, и вы с Ярославом Ильичем его там навещали, вот вам и приснилось такое, — рассудил Клейн. — А теперь на эту картину накладывается ваше беспокойство, это вполне естественно...

— Естественно? Иди уже, Фрейд.

— Не Фрейд, а Фройд.

— И от телефона ни на шаг!

Клейн вышел из кабинета и облегченно вздохнул. Он ожидал более бурной реакции. Он просто сжался весь, когда секретарша внесла стакан с кипятком. Но на этот раз пронесло.

За годы службы Клейн никогда не возражал начальству и никогда не оправдывался. На любое замечание, на любую придирку, на любой, самый идиотский приказ он отвечал: «Так точно. Будет сделано». Сегодня, кажется, первый раз в жизни он позволил себе лирическое отступление в разговоре с начальством. Старею, подумал полковник Клейн.

Он вызвал к себе Шалакова, директора охранного предприятия, входившего в холдинг. Его взял на работу сам шеф, потому что кто-то из родственников этого Шалакова взял на работу кого-то из родственников шефа.

Мишаня Шалаков после политучилища оттрубил весь срок в замполитах внутренних войск, причем не покидая границ Подмосковья. Если б он чуть реже пил, мог бы и до Москвы дорасти. Но там служило слишком много его родичей, и на высоких постах, они берегли свою репутацию и держали замполита на безопасном расстоянии — за 101-м километром.

Вот и сейчас, с утра пораньше, от Шалакова пахло коньяком. (Он недавно вернулся из бакинской командировки и наверняка уже выпил весь набор сувениров).

Полковник Клейн кривил душой, когда называл главным недостатком Шалакова его замполитское прошлое. Не мог же он сказать Президенту в глаза, что его ставленник не

годится даже в ночные сторожа, не то что в директора охранного предприятия. И дело было не в пьянстве. Мишаня Шалаков слишком много перенял от контингента, изоляцией которого занимался так долго. Выйдя на пенсию в расцвете лет и скинув погоны, он стал похож на преуспевающего жулика.

Клейн еще мог бы простить ему замшевые пиджаки, золотые цепи и перстни, густой шлейф дорогого одеколona... Но вот охранники его предприятия — почему-то все, как на подбор, кавказцы — больше раздражали полковника. Они носили дорогие костюмы и черные рубашки, брились только по воскресеньям, и вместо душа пользовались дезодорантами, причем без особого успеха. Старший в смене обязательно надевал светлый галстук, рядовым галстук не полагался. В этой униформе они сопровождали Шалакова в его непрерывных командировках.

Между прочим, и по этим командировкам Клейн мог бы сказать Президенту пару неприятных фраз. Все филиалы холдинга обладали достаточно развитыми службами безопасности. Какой смысл тратить деньги на вояжи Шалакова и его нукеров? Что такого ценного могли они наохранять?

В системе безопасности холдинга предприятие Шалакова занималось конкурентами и должниками. И занималось довольно успешно. Считалось, что Мишаня Шалаков разбирается с ними, используя свои родственные связи в МВД. У Клейна были основания сомневаться в этом. Но он никогда не спорил с начальством.

Тяжелое чувство не помешало Клейну проинструктировать Шалакова, передать ключи и печати, обзвонить вместе с ним посты и выполнить еще десяток необходимых процедур.

Все это время дневальный безуспешно пытался дозвониться до каспийского филиала. Клейн вдруг понял, что президент не всех сосчитал. Люди в каспийском филиале остались как бы за скобками. Они ничего не знали. Они просто встречали обычных представителей холдинга. Но это звено в цепочке, самое незаметное и самое незначительное, почему-то больше всего тревожило Клейна.

Он понимал, что тревога, накапливаясь, может перейти в панику, и старался отсеять эмоции. Когда-то это удавалось легко. Легче всего было отсекал эмоции в бою. Чуть сложнее — перед боем. Самым сложным было погасить тревогу, когда в бой уходили друзья, а он оставался «дома»...

Еще и еще раз он прощупывал все детали этого дела. Как только президент показал ему первую видеокассету со связанным братом, было решено — это проблема не холдинга, а прокурорских. И знать о ней должны были только те, кто будет участвовать в решении. Причем каждый будет знать только свою часть решения. Например, Клейн не знал, какая работа ведется в направлении похитителей. Ему достаточно было просто передавать специальному человеку все кассеты, которые попадали в почту холдинга. И даже вторую кассету ему уже не дали посмотреть. Но за доставку чеченца к месту размена отвечал Клейн, и он постарался обеспечить ее со всех сторон.

У похитителей наверняка были свои источники внутри холдинга, и все приходилось делать с поправкой на утечку информации. Он отобрал нескольких молодых охранников и предупредил их о возможной ответственной командировке. С водителями был отработан маршрут: офис — «Кресты» — аэропорт. Рассчитали удобное время, наметили пути объезда возможных заторов.

Нельзя было исключить попытку нападения во время перевозки, поэтому Клейн провел переговоры с инкассаторами. Они сами приехали в офис, и он смог осмотреть бронированный фургон, и даже назвал примерную дату и время, когда эта техника понадобится для перевозки особо ценного груза.

Но за неделю до назначенного срока прокурорские перебросили чеченца в одно медицинское учреждение. Чеченца завели в кабинет, сделали укол и тут же вывели через боковую дверь. У служебного выхода уже стоял зубовский «сааб». Клейн и Ромка запихнули чеченца в машину, и через полтора часа, сделав страховочный крюк по городу, они уже были в аэропорту. Кто знал об этом? Никто. Прокурорские знали только, что чеченец уже не в

СИЗО, а в каком-то тайнике холдинга.

Ему пока не в чем было себя упрекнуть. Он отработал свое. Если что-то и случилось, то не на его участке и не по его вине.

Клейн уже садился в машину, когда его позвал дневальный:

— Герман Иванович! Вам звонят из Баку!

В кабинете уже восседал Шалаков, перелистывая его ежедневник. Он приподнялся, уступая кресло, но Клейн схватил трубку и сел на край стола. На связь вышел его бакинский приятель, опер угрозыска, которому он позвонил сразу же, как узнал о задержке. И вот уже ответный звонок. А филиал все молчит.

— Салам, начальник.

— Сам начальник, — сказал Клейн. — Поздно встаешь, йолдаш¹ Гасанов. Слушай внимательно. Мне нужна сводка происшествий за эту ночь.

— Рано еще.

— Я понимаю, но ты сам поспрашивай.

— Конкретно, что искать?

Клейн покосился на Шалакова, тот равнодушно смотрел в журнал приема дежурства, демонстрируя полную глухоту.

— Конкретно? Конкретно меня интересует район аэропорта, — сказал он, вытирая ладонью взмокший холодный лоб. — Старые промыслы. Помнишь, мы там по колодцам лазили? Вот на эту же тему.

— Баш уста,² начальник. Будем посмотреть, — ответил Гасанов посерьезневшим голосом, явно вспомнив, как вместе с Клейном они вытаскивали трупы из мазутных колодцев.

— Можешь меня встретить? Я сейчас вылетаю, — сказал Клейн.

— Какой разговор, слушай.

Он позвонил в аэропорт и договорился о вылете, а потом отправился домой.

Каждые пятнадцать минут он набирал номера каспийского филиала и выслушивал восемь длинных гудков. Подождем до вечера, решил Клейн. За день что-то прояснится. А если не прояснится, то вечером постараюсь незаметно добраться до аэропорта и улететь в Баку, к Рене.

Подумав о ней, Клейн еще раз ощутил укол тревоги и хотел было позвонить ей, но передумал. Его телефон мог — и должен был — прослушиваться прокурорскими. Никаких звонков. Лететь, и все.

Сначала его отговорил Кот. (Не надо было с ним соглашаться). Потом его пытался остановить Президент. Следовало ожидать, что где-то поблизости уже маячит и третья преграда на пути полковника Клейна к любимой женщине.

Рена была вдовой его боевого товарища. Вагиф и Клейн вместе разоружали бунтующую Нахичевань, пытались восстановить разоренную госграницу, стояли в Карабахе под огнем с обеих сторон. Их накрыло одной миной, и Вагиф погиб, а Клейн был только ранен, и ему довелось везти в Баку друга, завернутого в ковер. Помогли знакомые вертолетчики, и Вагифа опустили в семейный склеп в тот же день, до заката, на родовом кладбище у Волчьих Ворот. Клейна оставили в городе подлечиться, и всю осень он ходил на поминальные четверги в бакинской квартире друга. Там его принимали как родного, и он сидел вместе с другими мужчинами из рода Вагифа за столом в гостевой комнате, и пил с ними чай, ведя тихие разговоры, и замолкал вместе с ними, когда мулла начинал напевать короткую молитву. Клейн даже неслышно произносил вместе со всеми «аминь», когда молитва заканчивалась, и все делали умывающее движение ладонью по лицу... Отец Вагифа

¹ Йолдаш — (азерб.) — товарищ

² Баш уста — (азерб.) «есть!», «слушаюсь!»

был старым комитетчиком, членом ЦК, да и почти все собиравшиеся были коммунистами, но это никогда не мешало им оставаться мусульманами.

Когда через несколько лет он, уже в штатском, снова оказался в Баку, это был совсем другой город. Но дом Вагифа стоял там же, и женщина, открывшая дверь, была та же, в том же черном платье. Затянувшийся траур объяснялся просто. У Рены не было лишних денег. Все, что она зарабатывала в школе и на частных уроках, уходило на еду. А дедушка с бабушкой ничем не могли помочь. Это было не лучшее время для старых коммунистов. Клейн поднял на руки ее сына, да так весь день и носил его по базару, по магазинам, по парку. «Элик, как тебе не стыдно, — укоряла сынишку Рена. — Тебе четыре года, а ты на ручках, как маленький». «А я сверху дорогу показываю, — ответил пацан. — Дядя Герман без меня потеряется».

В ту командировку Клейн ночевал в гостинице. И в следующую тоже. Понадобилась особо холодная зима и длительная задержка рейса, чтобы Рена предложила ему остаться у нее. «Ты уже не боишься соседей?», спросил он. «Этих? Нет. Это все новые соседи. В городе вообще много новых людей. Бакинцы разбежались». «А ты не хочешь разбежаться? Например, в Питер». «Хочу. Но пока не могу», ответила она тогда. Может быть, теперь она ответит иначе, подумал Клейн, с радостью и тревогой собираясь в дорогу.

Походный чемодан стоял наготове в прихожей. Клейн распахнул его для проверки и обнаружил, что еще с прошлой командировки оставил в нем пакеты с грязным бельем. Пришлось заряжать стиральную машину, а чемодан разбирать и проветривать. Если бы мать застала его за этим занятием, началась бы очередная разработка темы женитьбы.

Но за этим холостяцким занятием застал его другой холостяк. Шалаков с порога удивленно спросил:

— А что это гудит, типа стиральная машина? Стираете? Используете домашний арест в личных целях?

— Угадал, — ответил Клейн.

— Придется выключить. Надо поговорить без лишнего шума, — сказал Шалаков, и за ним в прихожую вошли еще трое.

Глава 4

Конец валютчика

Степан Зубов занимался валютой еще с афганских времен. Начальство ценило его за то, что после очередной удачной засады его группа привозила на базу богатую добычу, причем отнюдь не только амуницию и стволы, которые можно было указывать в отчетах как Результат Своей Работы. Зубов добросовестно сдавал и более ценные трофеи: часы, магнитолы, золото. Его группу ставили в пример другим. Правда, без толку. Ромка Сайфулин все равно, отработав по каравану, сгребал захваченный ширпотреб в кучу, обкладывал ВВ³ и шмелял в полное свое удовольствие.

А Маузер не стеснялся запихнуть в десантный отсек даже скатанные ковры (не везти же их на броне). Но вот только доллары, которые он сдавал, всегда были фальшивыми. Почему-то в перехваченных им караванах никогда не оказывалось ни одной подлинной купюры.

Выйдя на гражданку, он связался со старыми знакомыми, и ему помогли развернуться, используя накопленный капитал и свойства характера. Его представили хозяину, и он выдержал экзамен в разгульной бане. Наутро из всей компании только двое были способны дойти до холодильника с пивом — Зубов и хозяин. А тут как раз в моду вошел теннис, и

³ ВВ — взрывчатое вещество

Зубов выучился сам и стал тренировать хозяина. Его устроили в интуристовскую гостиницу, и он зашагал по ступеням новой карьеры, от подносчика чемоданов до администратора. Дело было прибыльное, хотя и опасное. Но ему даже нравилось иметь таких противников, как государство и валютчики-конкуренты.

Нравился ему и хозяин, старый валютный волк. Его обаяние слегка портили только две привычки. Перебрав джина, он любил размышлять о политике, называя персонажей по отчеству. А после тенниса, как правило, просил Зубова привезти к нему в сауну пару малолеток, причем Степану приходилось париться с ними до утра, потому что хозяин не мог трахаться без зрителей. Об этом никто больше не знал. И, отсчитывая Степану деньги для расчета с проститутками, хозяин добавлял половину этой суммы ему — за молчаливое соучастие.

Зубов жил один, в старом, наполовину расселенном доме за Почтамтом, и домой возвращался поздно. Убедившись, что на набережной нет чужих машин, заезжал во двор. Оставлял свой «сааб» под окном, но в парадную не входил. Он запирал дворовые ворота, обходил дом и бесшумно открывал дверь черной лестницы. С минуту стоял, прислушиваясь. Это был его привычный ритуал с тех пор, как он получил предупреждение.

«На хорошем месте стоишь. Заплати пару тысяч, — сказала ему проститутка, — и я подскажу, кто тебя хочет отстрелять. Кто, когда и как». За пару тысяч я и сам кого хочешь отстреляю, отослал ее Зубов. Некоторые из его коллег уже заработали пару пуль из ТТ буквально на пороге дома. А тело одного, со следами пыток, нашли и за порогом, в пустой квартире. Убийцы вывезли даже мебель.

Зубов потратил больше, чем пару тысяч, позаботившись о безопасности. Ну не хотелось ему, чтобы его мебелью пользовались чужие.

В постели лежала у него изящная игрушка — наградной ПСМ, который он купил у дипломата из недалекого зарубежья. Но это было оружие «для дома, для семьи»: если и придется стрелять, не дай-то Бог, то по крайней мере обойдется без рикошетов и битой посуды. А для действий на лестнице у него было кое-что другое. Зубов старался любой навык доводить до блеска, и мог с закрытыми глазами сунуть руку в тайник и вынуть оттуда заряженный и взведенный наган.

Однажды он это сделал с особым чувством. Наверху, на площадке второго этажа кто-то стоял, и не просто стоял, а сопел и перетапывался.

На этой, черной, лестнице не было других жильцов. И стоявшие могли караулить только Зубова. Поэтому он спокойно выжидал, затаившись внизу. По дыханию он понял, что их двое. А по возне решил, что они никак не могут справиться с входным замком. «Ну давай, давай, только потихоньку», раздался шепот. Шепот показался ему женским. Зубов осторожно выглянул, держа площадку под прицелом — и увидел живую иллюстрацию к «Камасутре».

Он незаметно полюбовался парочкой, а потом исчез так же бесшумно, как появился, и отправился спать к Марине. Пережитое действовало на него странным образом — он предложил выйти за него замуж, причем немедленно. Мотив — если его грохнут, хоть кому-то достанется наследство. А у Марины две дочурки подрастают. Наутро они пошли в загс, но там был не приемный день. В приемный день он был занят, потом она ставила машину на капремонт, потом еще что-то помешало, и в конце концов он забыл о своем решении, а она не стала напоминать.

После разговора с «Графом» Степана Зубова охватило неприятное беспокойство. Его злило то, что он отказался, не просчитав все варианты. Ну, не получит он каких-то денег за эту неделю. Так получит в другую. А смотаться с ребятами на Кавказ уже не удастся никогда. Как перевести в «зелень» эту несостоявшуюся поездку? Вот и получается, что просчитался.

И еще одно беспокоило Зубова. Как воспримут ребята его отказ? Особенно Ромка. Еще неизвестно, как Граф все это преподнесет. А мнением боевых товарищей Степан Зубов дорожил, особенно в последнее время.

Так получилось, что вокруг не было других людей, чье мнение для него хоть что-нибудь означало. Чтобы всерьез прислушиваться к проституткам и фарцовщикам, надо для начала забыть о себе. А он все еще оставался Маузером, и для него было очень важно иногда выходить на связь то с Рубенсом, то с Котом, и получать от них подтверждение: понял тебя, Маузер.

Конечно, он был уже не тот, что прежде. Но, по крайней мере, он старался не делать ничего такого, о чем постыдился бы рассказать Ромке. Ну, к примеру, меняет он горничной две десятки, отсчитал ей деревянных, она убежала. Глядь, а она ему сослепу вместо десятки сто баков подсунула. Сотня старая, жеваная-пережеванная, но ведь сотня. Другой бы тихо порадовался, а Зубову пришлось бежать за ней и проводить курс ликбеза. Зато было что потом Ромке рассказать.

Он не мог отбросить эти мысли. Может быть, потому что больше ни о чем думать и не стоило. Дело двигалось автоматически. Реплики компаньонов и клиентов не заслуживали не только обдумывания, но и запоминания. А вот ребята — совсем другое дело. И Сергеичу тоже не понравится, что он отказался. Сам-то Кот наверняка подписался без разговоров.

Каким же уродом он почувствовал себя сейчас, вспомнив, как они приехали в аэропорт, и Клейн увел чеченца, а они с Ромкой остались в машине. «Кажется, у Графа проблемы, — сказал Ромка, — что-то он темнит, надо его раскрутить, пока не поздно. Поможем товарищу». «Да ладно тебе, — сказал тогда Зубов, — это не наши разборки. Они там миллионами ворочают. Ты его часики видел? У тебя вон «Командирские», а у Графа «Радо». Так что у него все нормально. Было бы что серьезное, он бы не нас позвал»...

И Марину зря обидел. Вообще-то она часто обижалась — то он черствый, то бестактный. А он просто не успевал просчитать, как она отреагирует на его слова или поступки. Так ведь на то и любовь, чтобы не любезничать, а быть самим собой. Просчитывать ему и так приходилось слишком много на работе. Сегодня она час прождала его перед гостиницей в своей замызганной «двоечке». Он, наконец, спустился, передал ей деньги — ей не хватало на новый холодильник. «А ты не поможешь выбрать?» спросила она. Он пожал плечами — твой холодильник, ты и выбирай — и добавил денег на доставку. А потом, уже выйдя из машины, еще раз достал кошелек. «Здесь за углом хорошая мойка. Помой, наконец, тачку. А то в следующий раз не пустят на нашу стоянку». Почему-то она обиделась. Побелела от злости. Ну и черт с ней.

Он поднялся по лестнице и вставил ключ в замок.

— Добрый вечер, господин Зубов, — раздался голос за спиной.

Он застыл, невольно сдвинув лопатки. «Расслабился ты, Степа», подумал он о себе уже как о ком-то постороннем. «В следующий раз не забудешь провериться. Вот и все...»

По шагам он понял, что кто-то спускается с третьего этажа. Он осторожно покосился назад. Длинный темный плащ. Пистолет.

Внизу скрипнула входная дверь, и на лестнице показался еще один «длинный плащ» с пистолетом. «Классика, — подумал Зубов, — наверняка и рация имеется».

— А теперь спокойно открывайте дверь.

— Стоит ли? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да за кого вы нас принимаете? — сказал первый. — Нам бы только поговорить. Очень вы нам интересны, господин Зубов.

— Можно и поговорить, — Зубов открыл дверь, осознав, что его не убьют прямо сейчас. Наверно, они хотят поживиться тем, что есть в квартире.

— Друг ваш, такой Клейн Герман Иванович, очень душевно о вас отзывался, — сказал голос, — так что, пожалуйста, держите руки за спиной. За спину руки!

Голос был молодой, наглый, самовлюбленный, и Зубов подумал, что мог бы справиться с мальчишкой, если б тот был один. Но сейчас перевес был слишком явный. Мысленно обматерив Клейна, Зубов нехотя завел руки за спину и тут же был цепко схвачен за локти, а на запястьях щелкнули наручники, больно защебив складку кожи. Нет, фарцовщики не приглашают таких мастеров, подумал он. Здесь что-то другое.

— Вперед! — скомандовал второй голос, с акцентом. — Стой. В левый комната. Вперед. Лег на пол. На пол!

Он лег на ковер в гостиной. Двое вошли за ним, он видел только их ноги.

Один из них рылся в столе, второй принялся обыскивать комнату и сразу же извлек пистолет из-под подушки.

— О, господин Зубов, оказывается, имеет большие заслуги перед братским народом Чуркистана. Забавная штучка. Штаповка дюралевая... А где же вы держите бумаги? Записные книжки, старые письма?

— Нет у меня никаких бумаг.

— Что ж, примерно такой ответ и прогнозировался. Давайте, господин Зубов, вместе подумаем, как сделать нашу беседу более продуктивной. У нас к вам только один вопрос. Ваш друг, господин Клейн, встречался с вами и предлагал работу. Он при этом назвал место, куда надо было доставить одного человека. Вы помните, куда?

— Я что, так похож на безработного? — спросил Зубов.

— Падла, отвечай, когда тебя спрашивают! — второй пнул его в бок. — Адрес говори, адрес!

— Салим, не заводись. Итак, господин Зубов, назовите адрес, и мы навсегда исчезнем из вашей жизни.

Зубов произнес короткий и ясный, универсальный адрес. И получил за это еще пару чувствительных пинков.

— Салим, Салим... Итак, все понятно. Шантажировать и запугивать в данном случае бессмысленно. На это просто нет времени. А как вы, господин Зубов, относитесь к электричеству? Была такая книга в серии «Пламенные революционеры», называлась «Любовь к электричеству». Не читали? Напрасно, напрасно. Очень там жизненно все описано. Например, как делаются революции. На деньги еврейских фабрикантов. Вы, случайно, не еврей? Я не задел вашу национальную гордость? Ну что вы молчите?

— Не успеваю слово вставить, — сказал Зубов.

— Сейчас у вас будет возможность вставить слово, и не одно. Ну так как насчет любви к электричеству? Вот я, например, просто обожаю. Незаменимая вещь, особенно когда собеседник попадаете молчаливый. Есть в этих вольтах и амперах что-то волшебное, от чего ухо становится чутким, а язык — подвижным.

— Зря теряете время, — сказал Зубов. — Меня что пытай, что не пытай, один хер не знаю я никакого адреса.

— Все так говорят поначалу, — ответил голос. — Тогда мы начнем с более простых вопросов. Например, на что вы тратите деньги? Квартирка-то пустая. Ни аппаратуры, ни обстановки приличной. Вы, наверно, не тратите деньги, а собираете? Не хотите похвастаться коллекцией? Ну, где сейф? Или вы держите деньги в чулке?

— Сказали бы сразу, что за бабками пришли, — сказал Зубов. — За унитазом коробка из-под стирального порошка.

— Там мало, — сказал второй голос. — Две тысячи любой старушка дома держит, где остальной деньги?

— Остальной в банке, — сказал Зубов.

— Вот-вот, — сказал первый, — вот мы и подошли к самому интересному. Обожаю кредитные карточки. Но только позвольте вам не поверить. Деньги лежат где-то рядом, я просто чую их запах.

Пока первый говорил, второй успел связать Зубову ноги и снять с него туфли и носки. Холодные концы оголенных проводов воткнулись между пальцами ног.

«Надо было соглашаться и ехать с ребятами», — подумал Зубов. «А этим уродам теперь все равно. Адрес не адрес, а если деньги ищут, значит, убьют».

Он почти не слышал, что ему говорили. Все заглушала ненависть. Они перехитрили его, они могут убить его, но им не удастся его сломать. Ничего вы, суки, не узнаете.

Маузер и сам умел пытать, и это умение ему приходилось использовать в Афганистане.

И почти всегда безрезультатно. Если и удавалось духа расколоть, то все равно ему нельзя было верить. Чаще всего информация оказывалась бесполезной. Выданные тайники были уже пусты, и на тайных тропах никто не появлялся. И опытные командиры просто старались не брать пленных, чтобы не тратить время зря.

Вот ведь как получилось — сам теперь пленный. Самого пытать будут. Что же, духи нас тоже чему-то научили, не только мы их... Сейчас он представлял, что последует за этими вопросами. Ему будет больно. Очень больно. Но эти уроды просто не знали, что любую боль можно перетерпеть, а вот ненависть не перетерпишь, и она будет полыхать все ярче, и жечь его изнутри сильнее, чем ваше сраное электричество.

Затрещал телефон.

— Да. Да нет, девушка, вы не ошиблись, это квартира гражданина Зубова. Вы ему, извините, кем будете? А может, вы знаете телефоны его родственников? Я врач «скорой помощи». Зачем вам моя фамилия? Ну, Азимов моя фамилия. С кем бы связаться? Тяжелый случай. Ну хорошо, приезжайте. Далеко вы живете? Ну, хорошо, полчаса мы можем подождать.

Он вспомнил, что на набережной стояла старенькая «волга» скорой помощи. Машина-невидимка. А еще он вспомнил, что обидел сегодня Марину, вот она и позвонила, чтобы в очередной раз выяснить отношения. Ох и зря...

— Как приятно иметь такую надежную женщину, — сказал голос. — Господин Зубов, а ведь эта дура вас, наверно, любит. Летит сюда на крыльях любви. Беспокоится о вашем здоровье. Вполне обоснованно, между нами говоря. Вы, я вижу, как раз совершенно о нем не беспокоитесь. Итак, повторяю вопрос. Какой адрес называл Клейн?

— Пошел ты в жопу.

— Ну что, техника готова? Поехали.

Первый разряд заставил его тело выгнуться дугой. Боль прошла, оставив невыносимое жжение в паху. Журчала моча, растекаясь под животом и бедрами.

— А теперь послушайте второй вопрос. Вопрос очень простой. Где деньги?

— Нет у меня никаких...

Второй разряд был длиннее, и Зубова тряхнуло так, что он пару раз врезался носом в ковер. Ковер под щекой намок от слез. Он попытался отползти на сухое место, но пинок вернул его обратно.

— Позвольте вам не поверить. Повторяю вопрос. Где деньги?

— Нет у меня...

От боли он зажмурился и закричал, катаясь по полу. Когда глаза открылись, его испугала чернота. Он не сразу сообразил, что погас свет.

Захватчики, переругиваясь, возились в коридоре, шелкали предохранителем, но свет не загорался.

— Ты, падла, короче, слюшай, свэт как делать?

Зубов засмеялся. Он задышался от смеха и слез.

— Это истерика, — сказал голос. — Салим, принеси воды.

— Какой воды? Гдэ воды?

— На кухне возьми.

На кухне зашумел кран, что-то падало и разбивалось, но вот, наконец, Зубова усадили на полу и поднесли к губам стакан. Он, смеясь, мотнул головой, и стакан упал. От звонкого удара в ухо Зубов завалился на бок, и его снова усадили.

— Может, хватит в партизанку играть? — сказал голос раздраженно. — Давайте быстренько починим наше любимое электричество, а то ведь придется дамочку в темноте расспрашивать. Салиму все равно, конечно, но нам-то с вами интересно поглядеть.

— Я за фонариком пошел, — сказал второй.

— Только моментом, понял?

— Не надо, — сказал Зубов. — Слушайте... Адреса Клейн не называл, потому что я сразу отказался. Забирайте бабки. Только уходите сразу. Можете меня прямо здесь и

замочить после этого, мне все равно. Только уходите.

— Замочим, обязательно замочим, — сказал голос. — Но только если денег окажется слишком мало. Ну что, где сейф?

— В коридоре, — сказал Зубов. — Под ковриком. Поднимаете линолеум, там дверца. Сбоку кнопки. Магнитная блокировка. Надо свет включить...

— Минутку, — сказал голос в темноте. — Невозможно работать в такой обстановке. Как бы нам пробки починить?

— Это не пробки, — сказал Зубов. — На черной лестнице в щитке провода отошли. Пошевелить надо.

— Салим, сходи, пошевели.

— Сам пускай шевелит.

Они сняли с него наручники, и тут же их надели, но теперь его руки были скованы спереди. Прежде чем развязать ему ноги, Салим сказал:

— Короче, падла, не дергайся. Убегать будешь, хуже будет. Твой баба сюда едет. Будешь дергаться, увидишь, какой вещь я с ней делать буду. Совсем плохой вещь, слюшай.

Зубов, шатаясь, побрел к выходу. Мокрые брюки мерзко липли к коленям. Салим шагал рядом, одной рукой держа его за воротник, а другой упирая ствол под ребра.

На площадке горела тусклая лампочка. Они спустились по лестнице, и Зубов открыл щиток.

— Салим, сам посмотри, что там? — раздался голос на лестнице.

— Ничего. Проволока.

Зубов осторожно пошевелил один проводок, второй.

— Ну что, горит? — спросил он.

— Нет.

— А сейчас?

— Да нет же, нет!

Он соединил ладони и запустил их поглубже между проводами, с остановившимся дыханием глядя, как звенья наручников приближаются к закопченным контактам. Пальцы нащупали округлую рукоятку нагана. Осечки не будет.

— А сейчас?

Не дожидаясь ответа, он плавно вытянул руки на себя, чуть отклонил голову и выстрелил через плечо.

Рука, тянувшая его воротник, разжалась. Тело Салима дернулось и навалилось на Зубова сзади. Он присел и, прикрываясь телом убитого противника, выстрелил три раза во второго. Наконец-то он увидел его. Фигура в длинном плаще всплеснула руками и отшатнулась к стене.

— Ты хотел знать, на что я трачу деньги? — спросил Степан Зубов, не слыша своего голоса.

Никто не ответил ему.

Широко раздувая ноздри, он втягивал пороховой кислый дым. Страшно хотелось курить, но времени было мало. Первым делом он обтер рукоятку нагана и вложил револьвер в остывающую ладонь Салима. И только потом принялся обшаривать карманы убитых. Кроме ключей от наручников он нашел и газовский ключ. Сбежав по лестнице, он увидел на набережной «волгу» скорой помощи. Водителя за рулем не было, значит, они приехали к нему вдвоем. Он хотел отогнать их машину подальше, но тут увидел подъезжающую «двоечку» Марины. Прятаться было поздно, и он шагнул ей навстречу, хватаясь за стенку дома.

— Господи, да что с тобой? — она испуганно приложила пальцы к губам.

— Мелкие неприятности. Подожди меня в машине, я сейчас.

— Да ты на ногах не стоишь! — она подхватила его и подставила плечи под его руку. — Держись, все нормально, потихонечку, потихонечку. Ты куда? Вот же вход.

— Придется обойти, — сказал он. — Зайдем через парадное. На черной лестнице света

нет. Ты это... Не прижимайся ко мне.

Едва переступив порог квартиры, он принялся раздеваться. Увидев кровь на рубашке, Марина сказала озабоченно:

— Пойду застираю.

— Не надо. Выбросишь где-нибудь подальше. И штаны тоже, и трусы, и носки. Все, все выбросишь! — Голый, шатаясь, он добрал до душа, встал под холодную струю и продолжал кричать из ванной: — Там мои документы разбросаны по комнате, собери все в один пакет! В холодильнике три железные банки кофе, кинь в сумку.

— Тяжелые какие, — удивилась она.

— Да там патроны, — крикнул он. — Все, иди в машину, заезжай во двор, я сейчас буду готов. Только в «02» позвоню, что какой-то шум подозрительный на черной лестнице, спать не дают.

— Вот тебе чистое, — она стояла в дверном проеме, прижав к груди чистую одежду, и смотрела на него.

— Ну что ты смотришь? — спросил он, вытираясь. — Хочешь спросить, что случилось? Так я и сам не знаю, что случилось.

— Ты не кричи, я тебя слышу, — сказала она.

— Ну, Мариша, я честно, — сказал он. — Я не знаю, что случилось. Но на всякий случай мне придется уехать. Ненадолго. Ты сюда не показывайся. Кто будет спрашивать, ты ничего не знаешь. Но спрашивать, похоже, уже никто не будет. Я им отбил охоту спрашивать.

Он с наслаждением затянулся сигарой. Вот сейчас он ощущал себя на сто процентов живым — чистым, сильным, злым и неуязвимым. А враги пусть валяются на грязной лестнице, пока их не подберет похоронная команда.

— И вот еще что, — вспомнил он. — Сейчас мы поедem к одному человеку. Ты, пожалуйста, держись ко мне поближе. Не дай мне его убить, ладно? Все-таки друг.

Глава 5

Война

Клейн очнулся, ощутив, как чьи-то грубые пальцы разжимают его рот и давят на язык. Его снова вырвало, и он замычал, отплевываясь.

— Оклемался? Слава Богу. Пей. Потом опять.

Вода была холодная и соленая. Он залил в себя целую кружку и огляделся. Сквозь слезы он увидел Степана Зубова и какую-то женщину. Она обтерла его лицо полотенцем и вышла из ванной.

— Глаза режет, — проговорил Клейн.

— Это пройдет, Гера. Это дым. Это у тебя пожар был, — громко сказал Зубов. — Ну давай, блевани еще.

— Ты чего кричишь?

— Да просто оглох немного, — сказал Зубов все так же громко, потирая ухо.

— А почему я голый?

— Марина постирает. Я вот прихватил тебе переодеться.

Потом Клейн сидел у открытого окна в какой-то огромной темной кухне. Голая лампочка свисала с закопченного потолка, несколько столов выстроились вдоль стен. Женщина прибирала в ванной, а Степан Зубов докладывал обстановку.

Клейн давно уже, с войны, не видел Зубова в таком взвинченном состоянии. Крайняя степень возбуждения проявлялась, впрочем, только в том, что Степан говорил непривычно длинно и много.

— ...Как только я с этими уродами разобрался, первым делом хотел ехать к тебе и бить

по лицу, причем ногами. Кого ты на меня навел? Что за отморозки? Это же твои коллеги, ты посмотри, какие у них корочки.

— Этих я не знаю, — слабым голосом сказал Клейн, посмотрев документы, — ОП «Мурена», город Балашиха, Иванов Сергей Иванович. Иванов? С таким-то носом? А этот? Петров Владимир Николаевич, тоже «Мурена».

— Пацан по телефону проговорился, что он Азимов, — вспомнил Степан Зубов. — А второго он по имени называл. Как же его? Салим. Точно, Салим.

— Азимов, говоришь? Забавно, есть у нас в бакинском филиале один такой, зам по транспорту. Конечно, этот такой же Азимов, как и Петров. Это обычный документ прикрытия, чтобы оружие таскать. Нет, ко мне другие заходили. Азимов... Совсем мальчишка.

— Мальчишка, — согласился Зубов. — Ты бы слышал, как он изгалялся над стариком. А как до дела дошло, вся крутизна-то и пропала. Даже не попытался стрелять. Лицо пистолетом закрывал, щенок. Зря я его завалил. Надо было оставить для разговора. Не рассчитал, увлекся. Положил, как в тире. В пояс, в грудь, в голову... Так вот, Маришка меня слегка приводит в человеческий вид, мы падаем в ее тачку и летим к тебе. А у тебя дымок из-под двери, и никаких других признаков жизни. Так вот. Я к соседям. Через балкон, по стеночке, стекло выбил на кухне. Ты лежишь на диванчике, спишь. На полу полная пепельница, бутылка коньяка. Воняет как на ликероводочном заводе. И дым стелется по полу. То есть по идее должен был гореть диванчик. Естественно, вместе с тобой. Они его специально залили коньяком, две бутылки потратили. Наверно, коньяк херовый оказался, диван даже не схватился. Ковер начал тлеть, так я его просто затоптал, даже заливать не пришлось. А вообще-то ты вполне мог сгореть как последний мудака. Вот как опасно курить в постели.

— Я не курил в постели, — сказал Клейн. — Но насчет мудака не спорю. Только мудака будет пить коньяк с Шалаковым.

— Так тебя еще и угостили?

Клейн криво улыбнулся.

— Угостили. Они меня допрашивали весь день. Дознание по всем правилам. Браслеты, мордой на пол, двести двадцать вольт по ногам. Я отрубаясь — ведро воды, и снова вперед. Весь день развлекались. Под конец усадили на диван. Полстакана коньяка. Какие-то капли, возможно, клофелин. Ствол к башке. Пей.

— Хорошо вам, начальничкам, — сказал Зубов. — Если и замочат, то под наркозом. Мне вот не предложили.

— Хорошо, что ты с ними разминулся.

— А я не разминулся, — сказал Зубов. — Марина, извини. У тебя есть что пожрать?

— В холодильнике сардельки. Если девчонки не съели.

Женщина исчезла в темном коридоре. Глядя ей вслед, Зубов произнес вполголоса:

— Не разминулся я с ними, Гера. Они на лестнице ждали. Когда я тебя выносил, они и проявились.

— Ну?

— Я еще когда первый раз поднимался, их заметил. Один в «уазике» сидел, какая-то коммунальная служба. Второй в парадной околачивался. А когда я тебя на воздух потащил, смотрю в глазок — оба на площадке. Хотел их через дверь положить, а дверь-то железная...

— Слава Богу, — сказал Клейн.

— Так вот, пришлось орать дурным голосом «пожар», «горим», «все на улицу». Народ на площадку посыпался, эти двое слиняли.

— Их трое было.

— Ну, до двух-то я считать умею. «Уазик» испарился, так что, думаю, они не засекли, на чем мы уехали. Но мы на всякий случай крутнулись по дворам. Спасибо, Мариночка, радость моя.

Зубов вырвал из рук женщины пакет и принялся жевать.

— С ума сошел, — сказала женщина. — Давай сварю, это же пять минут.

— За пять минут от них уже ничего не останется, — сказал Зубов. — Так вот, Гера, мне не понравилось такое отношение. С этой «Муреной» надо очень серьезно поговорить.

— Я тоже умею считать до двух и даже больше, — сказал Клейн. — Шалаков привел с собой троих. Не надо было мне его пускать, конечно... Он привел троих. И сам сразу ушел. Он им был нужен только чтобы войти. Чужих я бы не пустил. А его я не мог не пустить. Еще подумал, он какие-то новости принес. Он забрал мои блокноты, визитницу, конверты старые. Мобильник еще забрал.

— Труба у тебя в куртке была, — сказал Зубов и кивнул на телефон, лежащий на столе.

— Это запасная, — сказал Клейн. — Хорошо, что они о ней не знали. На ней же все мои номера. Значит, докладываю. Ситуация примерно такая. Вчера вечером в Баку улетел Кот.

— Так это ему ты сдал чечена? Что, один улетел?

— Не один. С товарищем. Панин, Вадим. Знаешь такого?

— С Димкой? Нормальный мужик, — сказал Зубов. — С таким товарищем и я бы полетел.

— Самолет прибыл по расписанию. Их встретили. Из адреса Кот должен был отзвониться мне. Звонка я не дождался. Решил лететь туда и разбираться на месте. Начал собираться. Тут приходит новый начбез холдинга и ...

— Стоп, — сказал Зубов с набитым ртом. — Не догоняю. Какой новый начбез? А ты кто?

— А я никто. Меня отстранили, — сказал Клейн. — Из доверия вышел. Все правильно. Я где-то прокололся, мне и отвечать. Слушай, а что за человек этот Панин? Ты его хорошо знаешь?

— Нормальный мужик, — сказал Зубов. — Говорит, что был летчиком. Может, и был когда-то. Но летчики так не стреляют. А он с двух рук кладет все в десятку. Из пистолета, из винтовки, из всего. Зарубились с ним кидать ножи, он и здесь нас обставил. Видна хорошая школа.

— С криминалом не связан никак? Чья у них с Котом крыша?

— Без понятия, — Зубов пожал плечами. — И вообще, что за вопрос? Если копнуть, так все мы связаны с криминалом. Но Димка мужик нормальный.

— Да я не спорю, нормальный так нормальный, — сказал Клейн. — Мне просто непонятно, где я напортачил. Лучше бы я сам полетел с Котом, чем доверить чужому человеку такое дело.

— Ты не там копаешь, Гера, — сказал Зубов. — Ты же и мне, и Ромке доверил. А что ты о нас знаешь? Может, мы бандиты?

— Судя по нашему компьютеру, вы не бандиты, — сказал Клейн. — Ах, черт! Компьютер...

Зубов резко встал.

— Ты куда?

— Марина останется, присмотрит за тобой.

— А ты-то куда?

— Ты им только мой адрес дал?

— Не давал я адресов. Они сами тебя по компьютеру прокачали. Я же заказывал распечатку недавно, — сказал Клейн и привстал, схватившись за голову. — Рома... Надо его предупредить.

— Звони ему, предупреди, а я полетел, — Зубов распахивал по карманам пистолеты, магазины и документы.

— Куда, куда полетел? — вмешалась женщина. — На ногах не стоишь, а туда же. Я тебя отвезу.

— Я с вами, — сказал Клейн. — Дай ствол.

— Ага, как же. Это, брат, трофеи. Мне же свой родной наган пришлось там оставить.

На месте кровавой драмы.

— Ну дай. Зачем тебе столько.

— Не дам, — отрезал Зубов. — Ты пьяный, и вообще заторможенный после отравления.

— Зато ты у нас расторможенный, — сказала женщина.

— Меня подзарядили, — сказал Зубов, и его всего передернуло.

Клейн встал на ноги и тряхнул головой.

— Ну, какой же я пьяный. Все, Степа. Я готов. Вперед.

Марина уверенно вела машину по ночным улицам. К полковнику Клейну постепенно возвращалась способность оценивать обстановку, и теперь, сидя рядом с незнакомой женщиной, он разглядел, что она молода и красива, не накрашена, стрижена под мальчика, и вообще — откуда она взялась?

— Гони на Ржевку, — сказал Зубов. — Гони, пока мосты не развели. Гера, а ты звони, звони еще.

— Не отвечает, — сказал Клейн, послушав длинные гудки.

— Так значит, народу у них хватает. — сказал Зубов. — Ну, положим, уже минус два. Но все-таки хватает. Целое предприятие. Это что, война? Чего им надо?

— Все их вопросы сводились к нашим бакинским связям, — сказал Клейн. — То есть мои связи на виду, здесь все ясно. А вот кто в Баку знает Ковальского, есть у него здесь какие-нибудь азербайджанцы, или чеченцы, или армяне знакомые...

— Ты им что-нибудь рассказал?

— Всякий бред. Пусть проверяют.

— А я не сообразил, — сказал Зубов. — Да мне некогда было соображать. Навалились сразу, без прелюдии.

— Зачем им моя записная книжка? Все равно ничего не поймут. — Клейн еще раз набрал Ромкин номер. — И вообще, откуда взялась эта команда? Только москвичей нам не хватало.

— Вот это и обидно, — сказал Зубов. — Однако разведка у них поставлена. Мариша, ну что ты застряла? Ну, красный свет, ну и что?

Клейн выслушал еще четыре длинных гудка и уже хотел отключиться, когда послышался недовольный голос Ромки.

— Извини, если разбудил, — сказал Клейн.

— Я не спал, брат, я с женщиной общался.

— Тогда еще раз извини. К тебе никто не приходил?

— Брат, когда я ем, я глух и нем. Кто-то стучался, кажется.

— Рома! — сказал Клейн чуть громче, чем хотел. — Никуда не выходи, никого не впускай. Мы к тебе едем, сейчас будем, как понял?

— Я только девушку на такси посажу, и сразу домой. Если раньше приедете, подождите, ладно?

— Рома, Рома, запишись вместе с девушкой и никуда не высывайся! — закричал Клейн. — Все очень серьезно, Рома!

— Вас понял, надену бронежилет, — и прежде чем запищали сигналы отбоя, Клейн услышал в трубке женский смех.

Глава 6

Свободный художник

Дом на Ржевке, в котором жил и работал Ромка Сайфулин, когда-то назывался бараком. Свободный художник формально был дворником, и ему была предоставлена служебная площадь, в свое время уже признанная негодной для проживания людей. Людей, но не

дворников или художников. Получив в свое распоряжение половину барака, Ромка снес перегородки, застеклил участок крыши, вытравил крыс, а тараканы ушли сами, не выдержав голода и запаха. Получилась вполне приличная мастерская. На стенах висели картины, в основном горные пейзажи.

Ему так и не удалось продать ни одной картины на афганскую тему. Какой-то ветеранский фонд заказал ему групповой портрет на фоне перевала Саланг. Естественно, ехать на натуру не пришлось, они снабдили его пачкой фотографий. Он написал картину за два месяца, но к этому времени одна половина заказчиков уже лежала на Южном кладбище, а вторая сидела в Крестах.

Зарабатывать удавалось на оформительских работах. Он расписывал стены в ресторанах и банях. Знакомые поляки помогли ему устроить выставку своих работ на международном сборище прогрессивных художников, и его акварели, подвешенные на прозрачных шнурах, скользили в воздухе среди боди-арта, инсталляций и прочего перфоманса.

Акварели произвели сенсацию, и Ромка уже прикидывал, как потратит обещанные тридцать-сорок тысяч марок, но все его чемоданы пропали при переезде в Чехию. У него остался только паспорт, полпачки сигарет и три мятых доллара. Вместо того, чтобы идти заливать слезами посольство, он зашел в ближайший кабак, и неплохо провел там два месяца, вырезая деревянные барельефы с пышноусыми мордами совладельцев пивного ресторана. Один из совладельцев оказался немцем. Он погрузил Ромку в свой «транспортёр» и незаконно перевез в Германию, где пришлось выполнить аналогичную работу, но уже не за кроны и пиво, а за бундесмарки. И пиво.

Из этой поездки Рамазан Сайфулин вернулся известным дизайнером и богатым человеком, и в ожидании нового приглашения мог спокойно писать свои афганские пейзажи. Правда, богатство его быстро растаяло, но ему и не нужно было ничего, кроме крыши над головой. Кроме широкой постели под боком. Кроме веселой подружки под рукой.

Никто из новых приятелей-художников не знал о его военном прошлом. Однажды во время пирушки в мастерской кто-то полез в ящик стола за сигаретами и обнаружил Красную Звезду. Орден пошел по рукам. Знатоки оценили его сохранность и предложили срочно продать, потому что цены на регалии стремительно падали. «Дураки, — вмешалась немолодая гобеленщица, — может быть, это последняя память об отце!»

Сам он таких разговоров не начинал, а они и не спрашивали. Люди искусства вообще не склонны задавать вопросы, они обожают рассказывать, особенно о себе. Он тоже рассказывал о себе, но своим особенным способом — картинами.

Выводя по горящему горизонту изломанную линию вершин, он сверялся со своими армейскими рабочими схемами. Иногда было трудно удержаться, чтобы не воспроизвести в масле сектор обстрела, зубчатые змейки рубежей и стрелки огневых позиций.

Еще труднее было заглушить звуки, которые начинали мучить его вместе с постепенным появлением картины. Еще неясные на стадии наброска, они звучали все громче и отчетливее, пока он накладывал слой за слоем, и обрушивались на него со всей своей беспощадной силой, когда картина была готова. Странно, что это не были звуки стрельбы или разрывов. В грохоте боя его чуткое ухо различило и сохранило только человеческие голоса.

Вот перевал, где они подстерегли караван по наводке местной агентуры. Агент был не просто очень бедный, а совершенно нищий «дух», и две тысячи афгани оказались для него достойным вознаграждением. А большей суммой спецназ и не располагал, поэтому агенту разрешили забрать что-нибудь из трофеев. Когда расстреливали колонну, все отчетливо слышали в ночи женские и детские крики, но продолжали стрелять. Позже узнали, что с караваном из Пакистана возвращалась семья местного «середняка», который уже начал сотрудничать с властью и при этом держал в долговом рабстве всю местную бедноту.

Крики гибнущих женщин и детей преследовали его, но самым мучительным и постыдным было то, что он не испытывал раскаяния. От его руки погибло немало мирных

жителей, но тогда они были для него только врагами, а врагов следовало убивать, чтобы они не убили его друзей. Мирные жители, ковырявшиеся в камнях своими мотыгами и лопатами, разбегались при звуках боя, а потом выползали на поле и добивали наших раненых своими мирными мотыгами. У Ромки не было к ним никаких чувств, ни ненависти, ни сострадания. Они были просто врагами.

Да, их крики, их невидимые тени на картинах терзали его, и эта непреходящая мука будет преследовать его до конца жизни, но не он виноват в их гибели. Не только он. Виноватых много, и каждый получит свое. Ромка знал, что когда-нибудь и ему придется заплатить. И заплатить не только душевной болью.

Вот душманский укрепрайон. Там наши провернули на редкость удачный налет, но доверились афганским картам и нечаянно пересекли границу. Где-то застряли вертолеты эвакуации, и двум неполным ротам пришлось принять на себя контратаку чуть ли не полка моджахедов и пакистанских пограничников. Шквал огня, оглушительная канонада — но ничего этого не слышал Ромка, глядя на свой пейзаж. А слышал он шипение радиостанции и спокойные голоса в эфире: «Первый, я Второй. По мне работает ДШК. Пробую подойти ближе». (Короткая очередь из крупнокалиберного пулемета ДШК может перерубить человека пополам). Пауза, шипение. «Первый, я Второй. Работаем гранатами». Шипение, и наконец: «Первый, я Второй. Идем дальше».

Так говорили боги. Неуязвимые и бесстрастные. Обреченные на бессмертие и безнаказанность. Боги-разрушители. «Мы города сносили, мы горы ровными делали!» — хрипели эти боги через несколько лет, раздирая на груди рубаху перед очередью в винный отдел. А я тебя туда не посылала, отвечала очередь богам.

В американском фильме про вьетнамскую войну Ромку поразила фраза одного из героев. Офицер, глядя на солдат, размышляет: «Ребята мечтают вернуться домой. Но вот проблема. Я был дома, и знаю, что никакого дома больше нет». С войны не возвращаются. Война сидит в тебе, как мина замедленного действия, и тебе остается только держаться подальше от людей, чтобы не задеть их осколками, когда она, наконец, сработает.

Ромке было легче — убедившись, что «никакого дома больше нет», он имел возможность вернуться туда, где теперь было его место. После первой командировки он посылался по общаге, погонял личный состав в учебке, да и напросился на вторую. Офицеров с опытом брали в спецназ охотно, работы было много. А вот куда девались на гражданке его отслужившие солдаты-срочники, он не знал. Были среди них и молдаване с хохлами, и абхазы с грузинами, были и чеченцы. Сейчас наверняка все они при деле. Если до сих пор живы.

А потом он и сам оказался на гражданке. Старые друзья поначалу звали его к себе. Кто в менты, кто в охрану, кто в бизнес. И даже в дворничком отделе кадров не раз ловил его некий работник военкомата, предлагая очень выгодное дельце — командировку на юг. Ромка улыбался, разводил руками и отвечал, что очень занят.

Он уже знал, что лучше держаться подальше от людей. Люди оскорбляли его одним своим благодушным видом. Он не мог им простить их суеты, их погони за шмотками. Конечно, это было несправедливо. Люди не виноваты в том, что веселились, когда он хоронил друзей. Каждую минуту кто-то гибнет, кто-то страдает — так что же теперь, всем надеть траур? Ромка понимал, что несправедлив к людям, но ничего не мог с собой поделать. Из всех сил он старался сдерживаться. Но примерно раз в полгода обязательно срывался. То позволит подвыпившим юнцам напасть на себя, прикинувшись чуркой узкоглазым. То засунет в мусорный бак какого-нибудь крутого в малиновом пиджаке...

Ромка и в дворники-то пошел, чтобы поменьше сталкиваться с людьми. Прибрал с утра пораньше, до первых пешеходов — и свободен. Рисуй себе на здоровье. Только один раз на работе ему пришлось столкнуться с людьми, и то не из-за себя. Как-то прошлой зимой бежал он в барак, уже отстрелявшись на своем участке. Новенькая дворничиха, девчонка в запотевших очках, неловко тюкала ломиком по наледи, а рядом стояла парочка алкашей (муж и жена) с дворнягой на веревке. Проходя мимо, Ромка услышал, что речь идет о защите

прав животных. «Срет, и будет срать, — визжала алкашка, — а ты подбирай, мы тебе за это деньги плотим!» Собака завелась, подражая хозяевам, и цапнула дворничиху за сапог. Та поскользнулась на осколках льда и упала. Алкаши радостно захохотали, и Ромка на какое-то время ослеп и оглох от ярости. Когда он очнулся, дворничиха соскребала собачьи мозги со стены дома. Алкаш тихо скулил из-под неподъемной крышки канализационного люка, а его жена сучила ногами, подвешенная за шкуру на крепление водосточной трубы.

Такие срывы, он знал, случались со всеми, кто воевал. Особенно тяжело приходилось ребятам, которых бросили в мирную жизнь безо всякой подготовки. Еще вчера он поливал из пулемета кишлаки вдоль трассы Вывода, еще вчера ему вдогонку стреляли духи, а сегодня он стоит в толпе перед авиакассой и те же самые духи предлагают ему билеты по двойной, тройной цене...

У Ромки все-таки получился более плавный переход. После настоящей войны, с «засадными действиями», с потерями и наградами, наступила война казарменная, в Кабуле. А потом, после недолгой передышки, им дали снова повоевать, направив в Баку. Воевать там, правда, было не с кем. Войска, кроша мирняк,⁴ ворвались в город, когда погромы уже закончились. Кто-то стрелял по ним с крыш, слишком метко для мирных граждан. Спецназ ползил по чердакам, пытаясь отловить снайперов, постоял в оцеплении, да и отправился на родную базу в далеком и безмятежном Вильянди. А там у Ромки еще было время, чтобы, мучаясь неопределенностью и ожидая расформирования, постепенно выгонять из себя гарь и грохот войны.

Больше других повезло Графу. Он остался в войсках и продолжал заниматься привычным делом.

Кот, как он сам рассказывал Ромке, на гражданке поначалу изрядно пил, потом подшил и пошел в таксисты. Но там его преследовало неотвязное желание разогнаться на Кировском мосту и резко вывернуть руль, чтобы пробить ограждение и спикировать в Неву. Он ушел в охранники, потом встретил Вадима, и вдвоем они смогли организовать свое дело. Если и были у Кота какие-то срывы, то они имели вид обычных запоев.

Маузер оказался самым стойким из них. И, похоже, устроился лучше всех. Правда, как и они, до сих пор оставался одиноким. Его стойкости и самообладания хватало на то, чтобы никого не прибить, но не хватало на создание семьи. А когда Ромка побывал на его «даче», стало понятно, что Степан Зубов только в городе такой мирный. Засохшая береза в чаще была насажена пулями. Выбираясь за город, Маузер только тем и занимался, что стрелял из всех стволов своей коллекции, а потом с упоением чистил оружие. И большую часть своих нетрудовых доходов он изводил на патроны.

Ромка лечился другим способом, более дешевым. Он умел рисовать. Наверно, он ошибся, поступая в военное училище. Он думал тогда, что можно заниматься чем угодно, а рисовать в свободное время. Оказалось, что если ты рисуешь, то свободного времени не остается.

Чтобы черным карандашом нарисовать белый кувшин на белой скатерти, нужно забыть обо всем. Чтобы заточенным резцом превратить кусок дерева в чутко спящего пса, нужно забыть обо всем. Работа заставляла забыть обо всем, и только это спасало его до сих пор.

Иногда он пытался взяться за портреты, но они получались хуже, чем пейзажи. «Аллах запрещает рисовать живое», вспоминал он и смывал очередную неудачную попытку с холста. Потому что в портретах могут поселиться джинны, а у него были все основания держаться от них подальше. Слишком много джиннов лишились своей телесной оболочки с его помощью.

И женское тело, пусть даже под чадрой, ни разу не удалось ему написать так, как хотелось. С восхищением, но без похоти. Может быть, просто не встретил достойной натуры. Все еще впереди, утешал он себя. Бери пример со старика Энгра. Как только

⁴ «мирняк» — мирное население

перестанет получаться в постели, сразу начнет получаться в живописи. Таковы суровые законы взаимодействия природы и искусства. Этой теорией он охотно делился с каждой своей почитательницей, и самые хорошенькие признавали, что до подлинных высот в живописи ему еще далеко.

И в этот вечер он успел обсудить свою теорию с новой собеседницей. Конечно, Ромка слышал настойчивые телефонные звонки, но он даже не мог придавить аппарат подушкой, потому что все подушки были заняты женщиной. И в дверь скреблись какие-то запоздалые гости, но ему достаточно было одной гостьи, самой желанной сегодня, и даже если бы весь мир сейчас вспыхнул синим пламенем, он попросил бы ее просто закрыть глазки и продолжать, продолжать, продолжать...

Тем более, что сегодня был просто исторический случай. Страсть скрутила его так быстро, что только сажая любимую в такси и прощаясь, он вспомнил, что не спросил ее имени.

Посмеиваясь, Ромка возвращался к своему барaku.

— Господин Сайфулин? Я от Клейна.

Человек стоял под деревом. В слабом свете фонарей белело его лицо. Он дружелюбно улыбался, держа руки в карманах плаща.

Господин Сайфулин выбрал иное продолжение диалога. Он развернулся и побежал к шоссе, перепрыгнув через кусты.

Ромка услышал за собой топот и хруст кустов. Человек «от Клейна» побежал за ним. На это и был расчет. Прихрамывая, он дал себя догнать, а потом сложился, кинулся в ноги и удушающим захватом припечатал преследователя к земле. Свободной рукой Ромка нашарил в чужом кармане пистолет.

— Так, значит, от Клейна? Очень интересно.

Ромка приставил ствол к затылку противника. Сейчас подтянутся ребята, и мы разберемся. Если он так обошелся со своим, придется смывать обиду коньяком...

Но это был не свой. Что-то вспыхнуло сбоку, и он ударился лицом о горячую землю. Он еще чувствовал, что его переворачивают, обшаривают, волокут...

Все вдруг остановилось. Он открыл глаза и увидел звезды под собой.

Глава 7

Баланс потерь

Они не бросали своих убитых. Иногда, чтобы отбить тело товарища, погибшего в скоротечной стычке, приходилось вести многочасовой бой, приводивший к новым потерям. Но они не бросали своих убитых. Отступая по крутым склонам, они уносили обжигающе холодные тела, и закидывали своих «двухсотых»⁵ в вертолет, зависший над пропастью и только одним колесом опирающийся на выступ скалы... Вертолет отрывался от скалы и, накренившись, уходил вниз по ущелью. А они продолжали спуск, отстреливаясь по очереди из двух ПК... Ромка был хорошим пулеметчиком и надежно прикрывал отход своими фирменными короткими очередями.

Они нашли его в кустах за баракom, и сейчас сидели на корточках рядом с ним, ожидая подхода милиции.

Полковник Клейн курил, пряча огонек в кулаке. Говорить было не о чем. Степан Зубов тоже долго курил молча, потом достал телефон и после упорных попыток наконец-то дозвонился до какого-то своего очень полезного знакомого.

— Фима, я созрел, — говорил Зубов вполголоса. — Считай, что ты меня уговорил. Да,

⁵ «двухсотый» или «021» — убитый.

по твоей цене. Только один нюанс. Вещь нужна мне сейчас, причем с большим запасом расходных материалов. Цена не имеет значения. Желательно получить все к утру. О'кей, назначай место и время. О'кей.

— Что затеял? — спросил Клейн.

— Так, есть одна идея... Они начали войну? Так вот. Они узнают, что такое война.

— Ромке это не поможет. Тебе тоже.

— Откуда ты знаешь?

— Все это уже было. Но если ты так решил... — Клейн пожал плечами. — Один мой приятель говорил, что месть придумал черт.

— Ну и что, — сказал Зубов. — Если черт наказывает сволочей, значит, я за черта.

— Кажется, едут. — Клейн заметил высокие фары за деревьями. — Точно, «уазик». Пошли.

Они отступили за барак и бесшумно пробрались к машине. За спиной хлопнули дверцы «уазика», зашипела и забулькала рация. Лучи фонариков скользили по бурой листве, посверкивая на замерзших лужах.

— Мсть приятная штука, — сказал Клейн. — Плохо только одно. Всем не отомстишь, Степа.

— Это мы проходили, — сказал Зубов.

— Я тебе не навязываю ничего. Ты только не заводишься. Знаешь, иногда надежнее все оставить как есть, и все решится само собой. В конце концов, все получают по заслугам.

— Вон ты о чем, — протянул Зубов. — В смысле, только Бог может судить? Так вот, я постараюсь, чтобы некоторые уроды явились на этот суд пораньше. И чем скорее, тем лучше для всех.

— Куда теперь? — спросила Марина.

— А ведь нам некуда ехать, — сказал Зубов. — Только если обратно к тебе податься? Мариша,пустишь погреться?

Марина жила в классической ленинградской коммуналке с коридором, в котором вполне можно было разместить тир. Это оказалось очень удобным. Пока хозяйка сновала между комнатой и кухней, гости успевали поговорить о своем.

Они выпили водки. Молча, не чокаясь. Потери не принято обсуждать. В таких случаях принято обсуждать только план ответных мероприятий. Спецназ обиды не прощает.

План Зубова был простым, естественным и невыполнимым. Ехать в Москву первым же поездом. Занять позиции у офиса ОП «Мурена», и когда персонал после утреннего развода выйдет к машинам и собьется в стайку, чтобы покурить перед разездом, нанести по противнику огневой налет, уничтожая живую силу. У плана по состоянию на 03.45 местного времени было два слабых места. Неизвестно, где находится объект налета. И нечем этот налет проводить.

Объект я установлю, Москва маленький город, а Балашиха вообще не город, говорил Зубов, расхаживая по кухне с сигарой и выпуская дым в сторону открытой форточки. С обеспечением тоже нет проблем. Сейчас все можно купить. Как раз накопились избытки наличности. На Таиланд копил. Ты был в Таиланде? Говорят, там нормально. Да хрен с ним, в Москве веселее.

У Клейна были возражения против этого плана, но он их не высказывал. Он был уверен, что охранное предприятие «Мурена» существовало только на бумаге. Найти его офис, а тем более персонал, скорее всего, невозможно. И даже если Зубов сделает невозможное, найдет офис и расстреляет персонал — даже тогда среди погибших наверняка не окажутся те, кто убил Ромку. Но Клейн не высказывал своих возражений, потому что Зубов и сам все это понимал. Маузер сейчас рвался в бой просто по привычке, которая выработалась на войне, забылась в мирной жизни, но вдруг проснулась. Он привык отвечать ударом на удар.

Клейн не мог присоединиться к Зубову. У него был свой план, попроще. Как можно скорее попасть в Баку и вывезти оттуда Рену. Ее адрес, хоть и зашифрованный, был в

пропавшей книжке. Ее номер телефона можно было извлечь из памяти трубки. Противник умеет добывать информацию, значит, Рене тоже могла грозить «Мурена».

— Муренам нечего делать в Баку, — сказал Зубов.

— Зачем тогда им адреса? — сказал Клейн. — Предположим худшее. Кот попал в засаду. Значит, чеченца перехватили.

— Им был нужен адрес укрытия, — напомнил Зубов. — Значит, чеченца у них нет, они его только ищут. Может быть, его свои отбили по дороге, чтобы не меняться. А за прокурора теперь будут денег просить. Ты мне другое скажи. Кто знает, что я и Ромка... Что мы вообще связаны с этой историей? Кто?

— Кто-то внутри холдинга. — Полковник Клейн опустил голову. — Это я виноват... Я ваши данные по компьютеру получил.

— Виноват, не виноват, давай без трибуналов, не время сопли размазывать, — Зубов длинно выругался, чтобы взбодрить собеседника. — А что, просто позвонить нельзя было?

— Во-первых, у меня уже сто лет нет ваших новых телефонов, — сказал Клейн. — Ты вспомни, когда мы виделись последний раз. А во-вторых, это получилось как-то само собой. Уже привык все прокачивать по компьютеру. Да я даже день свадьбы родителей в компьютере прочитал, когда хотел поздравить.

— Хороший у тебя компьютер... Был.

— Ничего не «был», — сказал Клейн. — Мы пробьемся, бывало и хуже. Надо только разобраться, полностью прояснить ситуацию.

— Что тут прояснять? Все ясно. То, что мы с тобой оба сейчас живы, это просто нелепая случайность. Не знаю, как ты, а я уйду на дно. Вот разберусь с уродами, и сразу на дно. И тебе советую.

— Это не так просто.

— Да, конечно, проще пойти и лечь под трамвай, — сказал Зубов. — Гера, я серьезно. Рванем за бугор, на Кипр, в Чехию. Или, наоборот, на Сахалин. Там нас никто не найдет. Отсидимся месяц-другой, перезимуем, а потом начнем потихоньку всплывать. Все так делают, когда жареным пахнет. И ничего, всплывают люди потихоньку. Можно жениться, фамилию поменять.

— Вся жизнь кувырком, — сказал Клейн.

— Не жизнь и была, — отмахнулся Зубов. — В гробу я видал такую службу безопасности, как у тебя. Лучше на валюте стоять или водку финнам возить. Так вот, Гера, нам бы только перезимовать. Этим уродам нужен чисто конкретный адрес. Они ищут, где ты спрятал того чеченца, вот и все. Эта история не может тянуться долго. Но пусть она закончится без нас.

— Я не могу просто так все бросить, — сказал Клейн неуверенно. — Во-первых, надо срочно связаться с Президентом. Предупредить хотя бы насчет Шалакова...

— Ага, предупреди, — кивнул Зубов. — Заодно сообщи свои координаты. А лучше всего сам приди в контору, чтобы им работу облегчить. Ты что, не понял ничего? Твой президент сам же тебя и сдал. Ты просто оказался крайним, вот и все. Гера, тебя уже вычеркнули из холдинга.

— Но у него же брата похитили... Он же так на меня надеялся... Слушай, Степа, может, все не так? А если они просто загуляли? Это же Кавказ. По дороге из аэропорта заглянули к кому-то, застряли за столом... Нет, надо лететь, разбираться на месте.

— Кому надо? — сказал Зубов. — Тебя вообще уже нет. И меня тоже нет. Они нас приговорили, пойми. И приговор будет приведен в исполнение.

— Да, но если веревка во время казни обрывалась... — Клейн замолчал, потому что вошла Марина с чайником.

— Если веревка обрывалась, то счастливчика расстреливали, — договорил Зубов. — Мне пора ехать за товаром.

— Я с тобой, — сказал Клейн. — Марина, все было очень вкусно.

— Я постелю вам обоим на полу, — сказала Марина. — Вернетесь, никого не будите.

Сами устроитесь, хорошо? Вам обязательно надо выспаться. Утром вас девочки покормят. Если они уже убегают, разогреете рис. Сами. Все сами, я в семь выхожу на работу...

— Спасибо, — сказал Клейн и, прощаясь, поцеловал даме ручку. — Милая Марина. Это был не лучший день в моей жизни, но зато я встретил вас.

— Ну-ну, — сказал Зубов.

— Что «ну-ну»? — повернулась к нему Марина. — Учись, как надо обращаться с женщинами.

Они доехали на такси до ночного магазина на Садовой, как раз напротив отделения милиции. Пока Зубов толковал с охранником, Клейн купил копченой колбасы, воды и сухарей — в дорогу. Когда добираться на перекладных, не стоит рассчитывать на сервис. А он уже разрабатывал самый быстрый маршрут до Баку. С учетом того, что придется обойтись без услуг холдинга, где достаточно было позвонить в отдел перевозок, чтобы без всяких хлопот оказаться в любой точке мира. Да, теперь во всем придется обходиться без холдинга. А холдингу придется обходиться без меня, подумал Клейн.

Зубову легко говорить: «Ухожу на дно». Что он оставляет? Квартиру, «сааб», место. Клейну придется оставить кое-что подороже. Людей. Он отбирал их сам, он учил их, он прошел вместе с ними через бандитские «стрелки» и разборки. И что с ними будет, если он уйдет? Никаких «если», оборвал Клейн свои размышления. Он уже ушел, и не его забота, что с ними будет.

Открылась незаметная дверь за холодильником, и они спустились в подсобку.

Там их ждал Фима, бледный человечек с гладко выбритым черепом и с черной густой бородой от самых глаз. В углу подсобки возвышался верзил в кожаной куртке на голое тело.

Без лишних слов на столе появилась деревянная плоская шкатулка. Зубов открыл ее. В зеленом бархате утопал черный маузер с перламутровой рукояткой.

— Тот самый? — спросил Зубов.

— Естественно. Других таких нет. Коллекционный образец.

— Настроен? Ты проверял?

— Ну ты меня знаешь...

— Расходные материалы?

— Неограниченное количество. Сколько возьмешь?

— Сколько унесу, — сказал Зубов. — Сначала определимся со вторым экземпляром.

— Я не знаю, чем ты еще хотел пополнить коллекцию, — сказал Фима. — Вот, прихватил просто на всякий случай... Я, конечно, понимаю, что это не совсем твоя тема... Не твой формат, конечно. Но с исторической точки зрения вполне подошел бы. Если бы ты собирал грузовики, то это «студебеккер».

Это был армейский кольт М-1911. Клейн залюбовался его устрашающими формами, и это не ускользнуло от Фимы.

— Товарищ тоже коллекционер?

— Начинаящий, — сказал Зубов. — Возьмешь?

— Я не взял с собой таких денег, — Клейн покачал головой.

— Ты можешь махнутья. Я могу показать твои экземпляры, — Зубов достал из карманов плаща два трофейных пистолета. — Вот. Простенько и со вкусом, поздний соцреализм. Вариации на темы Вальтера. Меняем два к одному.

— Не смей меня, — сказал Фима. — Ты же серьезный собиратель. Какие два к одному? Куда я дену этот мертвый груз?

— Пригодится для обмена, — подсказал Зубов. — Все мы начинали с соцреализма.

— Не надо уже на меня давить, — капризно сказал Фима, протирая стволы замшевым лоскутком. — Ты не на работе. Два к одному? Но материалы для «студебеккера» отдельно? Естественно, это довольно дорогие материалы, но вы же не собираетесь их тратить, как семечки? Я взял с собой только две упаковки, и это все, что было.

— Хватит, — сказал Зубов. — Хватит на всю жизнь.

Глава 8

В дорогу

Утром его разбудила Рена. Весь остаток ночи он бродил с ней по Старой Крепости, пытаясь найти тот самый ресторанчик, где когда-то хорошо посидел с Вагифом. Но везде они упирались в закрытые железные двери, и везде пахло гарью. Ему снилось, что все вдруг затянуло дымом, и голос Рены пробивался глухо и невнятно: «Позвони мне, обязательно позвони».

Еще не совсем проснувшись, он нащупал свой мобильник. Аккумулятор подсел и мог отказать в любой момент, а подзарядить его было негде. И все-таки позвонить обязательно надо. Такой сон неспроста, ох и неспроста...

Полковник Клейн не верил в вещие сны. Сновидения казались ему шифровкой, причем шифра не знает никто, и можно только догадываться о содержании сообщения. Звонить Рене он не стал, потому что это был бы бесполезный звонок. Гораздо важнее было сейчас связаться с опером Гасановым.

— Салам, начальник.

— Сам начальник, — отозвался опер Гасанов. — Ты откуда?

— Пока из Питера.

— Что, на самолет опоздал? Я тебя ждал. Мама стол накрыла, так ждали тебя.

— Извини, брат, — сказал Клейн. — Постараюсь добраться своим ходом. Есть новости?

— Есть, но лучше бы не было. Все, как ты спрашивал.

— Можешь говорить?

— Как ты говорил, нашлись два мужика. Не местные. На промыслах, где качалки старые, знаешь?

— Какие-то приметы есть?

— Прилично одеты. Без документов. Огнестрелка.

— Когда? — спросил Клейн внезапно севшим голосом. — Когда случилось, когда нашли, можешь сейчас сказать?

— Случилось ночью. Люди слышали, как стреляют.

— Ты сам их видел?

— Пока нет. Они лежат в хорошем месте, приедешь, спокойно посмотришь. Никто их не знает. Люди говорят, они только вчера прилетели. Не вчера, а послевчера.

— Позавчера, — поправил Клейн.

— Э, какая разница? Главное, что ты понял, да, — засмеялся Гасанов. — Слушай, вчера от вас целая делегация прилетела. Я думал, ты с ними будешь. Очень приличные мужики. Как инкубаторские, одинаковые. Ваш автобус встречал, «океанский».

— Брат, ты Рену знаешь? — спросил Клейн, чувствуя, что горло пересохло. — Мою Рену?

— Твою Рену? Вагифа Рену? Конечно, знаю.

— Ты можешь у нее посидеть, пока я не приеду?

— Как посидеть?

— Чтобы ничего не случилось.

— Понял, брат. Не волнуйся, брат. Говори адрес.

Он сидел на полу, натянув на плечи колючее одеяло. Рядом лежал Степан Зубов под таким же одеялом. За столом перед ним сидели две девчонки лет десяти-двенадцати в джинсах и вязаных кофточках. В комнате пахло жареной картошкой.

— Доброе утро, товарищи, — сказал полковник Клейн.

— Здравсьте... Мама сказала, чтоб вы картошку ели.

— Ну, если мама сказала, придется есть. А умыться где-нибудь можно?

— Алена, покажи, — приказала девчонка постарше.

Через длинный коридор, заставленный всякой рухлядью, Клейн добрался до просторной и темной кухни. На газовой плите в двух цинковых ведрах кипятилось белье. Пена сползала по ведрам к огню и с шипением исчезала, наполняя воздух тяжелым и резким запахом. Толстая тетка в махровом халате резала лук. За другим столом сидел изможденный мужик в оранжевом грязном жилете. Он разминал папиросу, стряхивая табачные крошки в тарелку с остатками макарон.

Пока Клейн умывался над раковиной, ловя струйку холодной воды из бурого крана, девчонка стояла рядом. Она подала ему белоснежное льняное полотенце, от которого пахло лимоном.

— Этот какой-то новый, — услышал он голос мужика, прижимая полотенце к лицу. — А Стяпана, значить, нахуй?

Клейн оглянулся на мужика, и тот застыл с зажженной спичкой. Пламя обожгло ему пальцы, он ахнул и сунул их в рот.

Девчонка потянула Клейна за рукав, и он пошел за ней. За его спиной тетка зашипела что-то тревожное, и мужик отвечал ей вполголоса: «А чего он смотрит! Чего он смотрит!»

Клейн сам вырос в такой же коммуналке. Было весело кататься на трехколесном велосипеде по длинному коридору или играть с соседскими пацанами в прятки. Маме было, наверно, не так весело, но и она вспоминает ту жизнь с умилением. Да, он сам вырос в коммуналке, но сейчас его резанул стыд. Он вспомнил, что потратил почти четыре тысячи долларов на ремонт своей кухни и ванной. Что поделаться, на старости лет он стремился к уюту.

Вполне простительный грешок для человека, у которого большая часть жизни прошла в казарме. А лучшая часть из этой «большей части» прошла в полевых условиях. И самые счастливые минуты его жизни прошли в тряском и звенящем вертолете, который уносил его на базу после хорошего боя. И его понимание комфорта в те дни ограничивалось достоверной картой, свежими аккумуляторами в рации и сухими носками.

А теперь он устраивал свой быт, стараясь напичкать жизненное пространство всеми мыслимыми удобствами. Он покупал технику, интересуясь не ценой, а надежностью. Кстати, самая надежная оказалась и самой дорогой. В его кухне стояла даже посудомоечная машина, которой он никогда не пользовался. В его водопровод были вмонтированы три фильтра, но он все равно не пил сырой воды, помня об афганской желтухе. И в мебели полковника Клейна не было синтетики. Только шерсть, только кожа, только хлопок, джут, лен. Неудивительно, что им не удалось поджечь диван...

Кстати, что теперь делать с квартирой? И квартира, и машина были куплены на ссуду, полученную от холдинга, и он еще и четверти не выплатил. «Надо же, — подумал Клейн. — Какая ерунда в голову лезет».

— Умылся? — Зубов встретил его, сидя за столом. Он отодвинул от себя сковороду. — Я тут тебе картошечки оставил. Что соскребешь, все твое. Ты звонил, или мне это приснилось?

— Приснилось, — сказал Клейн, выкладывая остатки картошки на тарелку с клеймом общепита. — Иди, прими водные процедуры. Тебя там вспоминают уже. Переживают за тебя, *Стяпан*.

— А, коммунальные волки слетаются к обеду, — сказал Зубов, надкусывая сигару. — Пойду курну с народом. Припаду к истокам мудрости и веры.

— Ты не передумал насчет Балашихи?

— Поздно, — сказал Зубов. — Бабки вложены в дело, затраты надо оправдать.

— Ты же собирался на дно.

— Одно другому не мешает. Спешить некуда. Дня три-четыре потрачу на подготовку. Пускай они слегка расслабятся.

— Как ты собираешься таскать то, что купил у Фимы? Рискованное занятие. Особенно

сейчас.

— Не впервой, — отмахнулся Зубов. — Пока ты хорошо одет, никто тебя не проверяет. Менты уже научились сначала смотреть на обувь, потом на часы, и только потом решать, можно ли беспокоить такого человека. Вот если я вместо своих итальянских башмаков за триста баксов надену кроссовки, пусть даже за сто баксов, тогда уже могут и тормознуть. Ну, а на крайний случай у меня есть бумаги. В свое время был у меня хороший клиент, советник братского посольства. Заполню пару наградных удостоверений. А тебе могу дать корочки охранника, трофейные, и все дела. Хочешь со мной? Вдвоем веселее будет, Гера.

— Не могу. Не до веселья.

— Ага, — сказал Зубов. — Ты что-то узнал?

— В районе аэропорта, в Баку, нашли двоих убитых, — сказал Клейн. — Без документов, не местные. Убиты вчера ночью.

— Ну и что, — сказал Зубов. — С чего ты взял, что это наши?

— Я не говорю, что это наши. Просто теперь-то я точно должен быть там, — сказал Клейн, — и как можно скорее.

Зубов заложил сигару за ухо и вернулся к столу. Клейн доел жареную картошку, аккуратно подобрал остатки хлебом, а Степан задумчиво ковырял вилкой пустую сковороду.

— Ты хотел умыться, — напомнил Клейн. — Кстати, в коридоре я видел телефон, он действующий?

— Хрен с ней, с муреной, — сказал Зубов. — Никуда она не денется. Я с тобой, Граф. Возьмешь?

— Если ты будешь себя прилично вести, — сказал Клейн.

— Это как получится.

— Ну, по крайней мере, не стреляй на шорох.

— Вообще-то я и не собирался стрелять, — сказал Зубов повеселевшим голосом. — Я думал, мы налегке полетим. В самолет с моим багажом не пустят.

— Самолеты разные бывают, — сказал Клейн.

Ему часто приходилось летать, навещая филиалы холдинга от Таганрога до Иркутска. Расписание самолетов он знал почти наизусть, но сейчас Клейн не собирался пользоваться услугами гражданского флота. Многие военно-транспортные самолеты пропахли грузами холдинга, и никакие стиральные порошки не помогали женам летного состава, когда их мужья возвращались домой со свертками каспийских сувениров.

Стоя в коридоре, Клейн дозвонился до одного из таких любителей осетринки. Через двадцать минут было «дано добро». Клейн с Зубовым упаковали свой тяжелый, но компактный багаж, и отправились в Левашово, где их дожидался борт на Душанбе, с промежуточной посадкой в Дагестане.

Полет прошел нормально. Если не считать того, что Клейн сразу лишился всех своих дорожных запасов, которые были выставлены в качестве закуски. В качестве выпивки контрактники, сопровождавшие груз для братского Таджикистана, выставили самый вкусный в мире авиационный спирт. В качестве стола летчики выставили деревянный ящик — в таких перевозят цинковые гробы. Но этот ящик был еще пуст. Его застелили газетами, заставили солдатскими кружками, и полет прошел нормально.

Клейн пить не стал, ограничившись первым тостом. Он сидел, прислонившись к мелко дрожащей переборке, курил сигарету за сигаретой и думал о Рене. Он представлял, как она сейчас стоит у окна и смотрит на узкую улочку, ожидая его. Гасанов наверняка сейчас сидит у нее на кухне, смотрит старенький телевизор и пьет чай из пузатого стаканчика, экономно откусывая от осколка сахара. А Рена стоит у окна, накинув на плечи серый пуховый платок, который он привез ей откуда-то с Урала. Вот она отошла от окна, села за стол, подвинула к себе стопку тетрадей. На столе под стеклом календарь, расписания уроков — своих и Эльдара... И фотографии.

Догоревшая сигарета обожгла пальцы, но он не почувствовал боли. Так вот почему лицо Панина показалось ему знакомым... Все сходится: капитан, служил в тех краях.

Фотография! На ней Рена и Вагиф с друзьями. Стол, шампанское, фрукты, цветы. Какой-то праздник. Все в летних рубашках с погонями. И рядом с Реной сидит какой-то капитан. Она удерживает его руку, протянутую к бутылке. Все смеются. Вагиф на другой стороне стола, он стоит, подняв фужер, и тоже смеется...

«Кто это рядом с тобой?»

«Один хороший человек. Вагиф был его другом».

Она не хотела говорить о нем тогда, и он не стал расспрашивать. Позже она сама рассказала, что был в ее жизни любимый человек, который бросил ее, когда началось «все это». Служил вместе с Вагифом. Улетел в Россию, и там затерялся. Скорее всего, просто погиб где-нибудь в горячей точке.

Клейн видел эту фотографию каждый раз, когда был у Рены. Капитан ему нравился, хотя он и чувствовал почти незаметные укусы ревности.

Ревность обожгла его и сейчас. Но теперь-то он знал, что этим капитаном был Вадим Панин, которого он пару дней назад отправил, как оказалось, на смерть.

Нет. Что бы там ни случилось, Кота так просто не возьмешь. Он и сам отобьется, и Панина прикроет.

Кстати. Интересно, в какой такой авиации служил Панин, если Вагиф, бывший комитетчик, был его другом и служил с ним? Почему авиатор Панин обучал стрельбе Рубенса, Кота и даже Маузера? Не так прост был этот летчик, если спецназовцы признали за ним право учить их... И Рена неспроста уклонялась от рассказов о нем. В этом молчании, кроме обиды покинутой женщины, было что-то еще. И вообще, что нам было известно о Панине? Да и Панин ли он? Может быть, на самом деле его звали...

Клейн оборвал эти рассуждения. Не «звали», а «зовут». С ребятами все в порядке. А любители покаркать пусть поищут другую тему.

«76-й» приближался к Махачкале, и наступило время соответствующего тоста. «За нас, за вас, за Северный Кавказ...» На прощание командир контрактников дал координаты надежных людей на азербайджанской границе, а также подсказал самые дешевые способы ее пересечения.

Поздно вечером Клейн и Зубов вышли из полупустого вагона на перрон бакинского вокзала. До нужного дома они дошли за десять минут и остановились за углом.

— Подожди меня здесь, — сказал Клейн, кивнув в сторону стеклянного павильона чайханы. — Контрольное время десять минут. Нет, пятнадцать.

— Что так долго?

— Хочу осмотреться, — сказал Клейн.

— Может, возьмешь кольт?

— Нет.

— Ну, как знаешь, — сказал Зубов. — Товарищи офицеры, сверим наши часы.

Неторопливо, даже как-то вяло прошелся Клейн по улице перед домом Рены. Он заметил микроавтобус, припаркованный под запрещающим знаком. Вторая подозрительная машина, белая «ауди», стояла на тротуаре, под тусклым фонарем, и водитель читал газету в темноте.

Если это засада, то возвращаться к Зубову уже нельзя, могут проследить. «Хорошо, что я не взял с собой кольт, — думал Клейн, поднимаясь по лестнице. — Нервы ни к черту, могу сорваться».

Он нажал кнопку звонка, и дверь моментально распахнулась. «Нет, лучше бы я взял кольт», подумал Граф, увидев сияющее от счастья лицо Мишани Шалакова.

ЧАСТЬ II

«НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ОСТАВЛЕННЫЙ ГОРОД»

Глава 9

Снова на юге

Запах нефти ворвался в душный салон самолета, как только откинулся пассажирский люк.

Стоя у самого выхода, Вадим смотрел, как приближается площадка трапа. Еще свистели турбины, и бортпроводница просила всех оставаться на местах, но он все же первым сбежал по шатким ступеням, оглядываясь на ходу.

В черноте протянулись цепочки огней. Над далеким зданием аэропорта светились латинские буквы. Рядом с заправщиком стояла черная «волга» с погашенными фарами, и трое в темных плащах уже шли от нее к самолету.

Если бы все они были при галстуках, можно было бы подумать, что самолет приземлился в советской социалистической республике. Черная «волга», три стандартные фигуры... Но галстук виднелся только у одного, и он шагнул впереди. Остальные двое носили традиционные пушистые шарфы, которые имели свойство выбиваться наружу, демонстрируя этикетку. Они остановились чуть в стороне, сунув руки в карманы.

— Вы из Питера? — спросил Вадима тот, кто был постарше и в галстуке, и коснулся шляпы, то ли приветствуя, то ли придерживая на ветру.

— Из Питера.

— От Германа Ивановича? С клиентом?

— Так точно, — сказал Вадим.

— Я вас встречаю. Будем знакомы, Азимов Руслан Назарович, вице-президент.

— Ну, меня можете звать просто Митей, — сказал Вадим, пожимая холодную вялую ладонь. — Однако я не думал, что нас будут встречать на таком высоком уровне. Почему так много народа? Договаривались, что будет только водитель. Руслан Назарович, как же мы разместим народ?

— Да очень просто. Клиента грузим в «газон» с охраной, а мы с вами как белые люди поедем на «ауди». Вас не затруднит дойти до стоянки пешком? Прогуляемся, разомнем ноги после полета. Посмотрите, какой мы аэропорт отгрохали. Европейский уровень, честное слово.

— Я бы с удовольствием, — сказал Вадим. — Но только вот в чем проблема. Я обещал Герману Ивановичу, что пока клиента ему не сдам, буду с ним все время рядом.

— Да брось, Митя, — поморщился Азимов. — Куда он денется? Тут идти сто метров.

— Сто или не сто, а только я с ним останусь.

— Вечно вы, питерские, все усложняете, — нахмурился Азимов. — Ладно, ладно, ты прав, конечно. Лучше, как говорится, перебдеть. Давай, грузи его в «газон».

— Минутку, а телефон? — напомнил Вадим.

Азимов дал ему свой мобильный телефон, и Вадим доложил о прибытии.

Сергеич спустился по трапу в обнимку с чеченцем. Тот успел повернуть головой, прежде чем ему придавили затылок и запихнули в «волгу», и оказавшись в машине, он снова принялся бормотать. Эти бормотанием он развлекал их во время полета. Сияясь открыть то один глаз, то другой, чеченец рассказывал историю своего аула. Это было самое лучшее место на земле, и жили там самые достойные люди. Самые красивые красавицы, самые старые старики. Его старый-старый отец мог выпить целую... тут он заснул, но Сергеич растолкал его, чтобы услышать продолжение. Такая фраза не может долго висеть в воздухе, это просто опасно для здоровья слушателей. Но оказалось, что отец мог выпить целую тарелку растопленного сливочного масла. Обладая столь редкостным здоровьем, Муртазанов-старший умер в девяносто три года, простудившись в гостях. Муртазановы помладше не дожили до такого возраста. За последние годы кровная месть и федеральные бомбы выкосили почти весь род. Своих братьев, племянников, мужей сестер и братьев жен, которые погибли на войне, или были застрелены в междоусобицах, чеченец перечислял во

время всего полета, и, похоже, полет для него еще не закончился.

— Э, Баку, — пробормотал чеченец, сонно роня голову на грудь. — Был я в Баку. Азербайджанцы все спекулянты.

— Он кто, больной? — спросил водитель. — На мою землю приехал, и меня ругает?

— Азербайджанцы спекулянты, — с вызовом повторил чеченец и вскинул голову, не раскрывая глаз. — Грузины трусы.

— А русские? — спросил Сергеич.

— Азербайджанцы спекулянты. Грузины трусы. Русские трактористы.

Засмеялся даже водитель.

— А чеченцы? А чеченцы тогда кто? — спросил Сергеич.

— А чеченец — чалавек, — сказал чеченец и привалился к плечу Вадима.

«Волга» пересекла угол летного поля и выехала за ограждение. Отсюда была видна площадь перед аэровокзалом, с парой темных автобусов и десятком сверкающих под фонарями машин на стоянке. Белая «ауди» попятилась от перрона, развернулась и моргнула фарами. Водитель «волги» в ответ пощелкал дальним светом и плавно тронулся. Перед поворотом на шоссе он обогнал «ауди», махнул кому-то рукой и разогнался. Старенькая машина погромыхивала и брнчала подвеской, но форсированный движок рокотал басовито и надежно.

Вадим смотрел в черное окно, за которым все дальше отступали огни аэропорта и со свистом пролетали высокие столбы фонарей, заливавших трассу холодным светом.

— Что, узнаешь места боевой славы? — спросил Сергеич. — Когда улетал отсюда, все, наверно, было другим?

— Я улетал не отсюда, — сказал Вадим, — с другого аэродрома.

— В Баку нету другого аэродрома, — сказал водитель, поправляя зеркало.

— Хорошо у вас, тепло, — сменил тему Сергеич.

В присутствии местных жителей не следует упоминать о том времени, когда тебе приходилось с ними воевать. А улетал Вадим в январе девяностого года с военного аэродрома поселка Насосный, вывозя бакинских беженцев. Возможно, что в тот же час на посадку в Насосном заходил борт с командой капитана Ковальского. В эфире перекрывали друг друга десятки голосов, и неслись в Москву, неслись тревожные радиogramмы, превращаясь в аккуратные страницы и накапливаясь в твердых папках с тисненым гербом.

«Суточная оперативная информация о тяжких преступлениях и происшествиях, зарегистрированных по республике за 13 января 1990 г.

Убийства.

Лачинский р-н — 12 января из с. Джагазус в ЦРБ со смертельным огнестрельным ранением доставлен Тахмазов, рабочий совхоза им. С.Вургунa. Расследование и розыск ведут прокуратура и РОВД.

Район им. 26 бак. Комиссаров — 13 января группой неизвестных, ворвавшихся в кв. № 19 по ул. Тимченко, 25, ножом был убит Минасянц Г.С., 1927 г.р., пенсионер и ранены его родственницы — Минасянц А.С., 1922 г.р., и Шахгельдян Г.А., 1928 г.р. Расследования и розыск ведут прокуратура и РОВД.

ЛОВД на ст. Баку — 13 января в туннелях 1 и 2 платформ на ст. Баку пассажирская обнаружены обгоревшие трупы женщины и мужчины 40–45 лет, армян. При рассредоточении собравшейся 1 тыс. толпы, которой были подожжены и забиты до смерти указанные лица, получили телесные повреждения: нач. УР ЛОВД Исмаилов К.Ш., начальник ООП Гусейнов Ф.Ш., сержант милиции Мамедов М.И., солдаты в/ч 5463 рядовой Раджабов и мл. сержант Гомозов.

Убийства при погромах.

Район им. 26 бак комиссаров. — 13 января после митинга на пл. Ленина толпой неизвестных были осуществлены погромы с нанесением смертельных телесных повреждений лицам армянской национальности: Касабовой М.Т. 1917 г.р., Григорян Н.Г., 1927, Хачатурову И.С., 1928, Мирзабекяну З.А., 1911, Тер-

Арутюнову В.Г. 1928 и неизвестному мужчине 45–50 лет на ул. Низами, у дома 50.

Тяжкие телесные повреждения.

Район 26 бак комиссаров — 13 января в своей квартире Оганесов С.К., 1910 г.р. и его сын Оганесов А.С., 1962 г.р. топором нанесли телесные повреждения Мамедову А.С. и Сайфулину М.И. (остальные данные устанавливаются), которые помещены в БСМП.

О состоянии оперативной обстановки в республике на 14 января 1990 года.

Обстановка остается крайне сложной, без изменений.

В городе Баку ситуация контролируется с трудом. В течение ночи и в последующем осуществлялись меры по ликвидации последствий массовых беспорядков. В ходе бесчинств силами сотрудников милиции и военнослужащих ВВ МВД СССР предотвращена расправа над 616 лицами армянской национальности, 110 человек были переправлены к родственникам в безопасные места, еще 70 человек были укрыты в зданиях органов внутренних дел. По этой причине было совершено нападение на помещение ЛОВД на станции Баку. Кроме того, толпа (около 1000 человек) требовала выдачи оружия, боеприпасов. Принятыми мерами охрана лиц армянской национальности, оружия и боеприпасов была обеспечена. Работниками милиции и военнослужащими ВВ в предупредительных целях применялось оружие. В результате столкновения 3 работника ЛОВД и 8 военнослужащих получили телесные повреждения.

Внесены коррективы в дислокацию сил и средств, маршруты нарядов приближены к местам проживания армян. По всем фактам обнаружения трупов (27) созданы и работают оперативно-следственные группы. В настоящее время установлены личности 20 трупов, из коих армян 16, азербайджанцев 2, русских 1, евреев 1. Из 27 2 трупа без признаков насильственной смерти. Из обнаруженных трупов мужчин 16, женщин 10, сожженный труп — 1.

Однако принимаемые меры ощутимых результатов не дали. Полностью пресечь массовые беспорядки не удалось.

С 14:00 часов 14.01.90 вновь в городе стали отмечаться массовые уголовные проявления антиармянской направленности. Как и прежде, бесчинства сопровождались насилием, погромами, убийствами. Обнаружено 6 трупов, из них установлена личность 4-х: — 3 женских, 1 мужской, все армянской национальности, из неустановленных 1 женский, 1 мужской.

По предварительным данным, за истекшие сутки было совершено более 50 погромов (данные уточняются)...»

Капитан Панин, бывший летчик, а потом особист, и сам составлял подобные бумаги, и отправлял их, с отчаянием убеждаясь, что от бумажек нет и не может быть пользы. Черная, слепая и неодолимая сила нависла над его миром, и нечем было защитить его.

Если бы раньше, в 88-м, когда все только начиналось, им разрешили применить силу... Когда толпа выкатилась на улицы Сумгаита, зачинщики шагали в первых рядах, и несколько решительных офицеров с автоматами могла бы изменить ход событий. А то и ход истории. Несколько очередей в ноги — и зачинщики устранены *автоматически*. Толпа разбегается, и органы внутренних дел спокойно выдергивают активных участников, пользуясь захваченными видеоматериалами. Можно было бы даже не стрелять. Комендант военного городка, где скрывались беженцы, просто выставил перед толпой взвод автоматчиков и скомандовал «К бою!». Лязг затворов слышали даже самые ярые крикуны, и приумолкли, и толпа отступила. Толпа отступила от военного городка и пошла громить гражданский город.

Наверно, существовали тысячи причин, по которым нельзя было браться за оружие. Но скорее всего, просто некому было отдать боевой приказ. Та власть могла издавать указы и распоряжения, но не боевые приказы. И когда Панин встречал наконец-то прибывшее подкрепление, то десантники, растерянно оглядывая разгромленные дома в зареве пожаров, спрашивали: «Мужики... Это Афган?» — потому что их отправили в командировку без боевого приказа.

Потом стрельба все-таки была, и толпа, как и следовало ожидать, разбежалась, но зачинщики к этому времени уже были в стороне. По улочкам Сумгаита грозно лязгала бронетехника, великаны-дзержинцы оцепили горком партии, и лучшие специалисты слетелись в этот Богом забытый городок, чтобы досконально расследовать и примерно наказать — НО БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО. Два дня погромов изменили эту страну. Кто-то узнал, что можно убивать безнаказанно, если при этом кричать о любви к *своей* родине. Кто-то обнаружил, что государство вовсе не собирается его защищать. Эти открытия не удивили ни тех, ни других. Удивило, что это раньше не приходило в голову. И вот одни начали собирать новые стайки для новых убийств. А другие принялись искать государство, которое может защищать всех своих граждан.

Капитан Панин делал что мог. Спасал, прятал, вывозил. Когда все утихло, отслеживал и ловил погромщиков. Их хватали, допрашивали, раскидывали по тюрьмам. Скоро почти все снова шатались по городу. Кого-то показательно судили. Но всех не пересажаяешь. К тому же из допросов становилось ясно, что организаторы были не местные, а какие-то приезжие. Кто называл их бакинцами, кто — беженцами из Армении. Но для беженцев-крестьян эти неуловимые зачинщики действовали слишком грамотно. А те, кто был выхвачен из толпы, получили, в основном, по пятнадцать суток за хулиганство. И скоро погромщики позабыли страх, который заставил рассыпаться толпу перед двумя-тремя БМП. Они насмешливо свистели из-за угла вслед выходящим войскам. Они слипались в комки и кучки, и не прошло и двух лет, как волна грязи снова затопила этот мир. И снова войска опоздали с применением силы, и снова обрушили эту силу на невиновных...

С тех пор прошла целая жизнь. Вадим Панин потерял работу, друзей, дом... Опытные пловцы советуют не сопротивляться водовороту, а уступить ему, нырнуть поглубже, где его сила теряется, и вынырнуть в другом месте. Вадим погрузился до самого дна, где многие и оставались. Но он нашел в себе силы, оттолкнулся — и вынырнул в Питере.

Сейчас, глядя в окно, он вспомнил, что вот эти запыленные кусты вдоль дороги летом покрываются мясистыми розовыми цветами, источая одуряющий сладкий запах. «Не расслабляться», строго приказал он себе, но воспоминания застилали глаза, и вместо рекламных щитов на обочинах виделись ему члены Политбюро и решения съезда, и где-то впереди, в самой сердцевине уютного лабиринта бакинских улочек ждал его подвальчик «Джек Лондон», и Вагиф с Михалычем уже заказали десять порций джыз-быза⁶ под коньяк «Гек-Гель». Панин предпочитал авиационный спирт, но в этом заведении были свои законы... Ему хотелось остановиться и потрогать вечнозеленую листву олеандров, но машина летела и летела мимо них.

Глава 10

Боевое применение фармакологии

Белая «ауди» с Азимовым и его спутниками держалась далеко сзади, все больше отставая. Вадим оборачивался, следя за ней, и когда после поворота ее фары так и не показались на дороге, спросил:

- Зачем такие почести? Зачем надо было людей среди ночи беспокоить?
- Уважение надо показать, да, — сказал водитель. — Куда ехать будем?
- Нам к вокзалу надо, а там мы сами дойдем, — сказал Панин.
- Какая улица?
- Да я так покажу, на пальцах, — засмеялся Вадим. — Наверно, уже все названия поменялись.

⁶ Джыз-быз — мясное блюдо

— Название как хочешь меняй, народ все равно старое название говорит. Монтин, Басина, Разина, клянусь, даже иногда Арменикенд⁷ говорят.

— У нас то же самое, — сказал Сергеич. — Раньше все время называл Питер Питером. Как только в Санкт-Петербург переделали, стал называть Ленинградом. Ленинград, и все тут.

Вадим смотрел в зеркало. Дорога сзади была пуста.

— Ну вот, наш почетный эскорт куда-то пропал.

— Э, — водитель раздраженно поцокал языком. — Я Руслан Назаровичу миллион раз говорил, не бери «ауди», не бери «ауди». «ГАЗ-24» это машина для мужчины, а все остальные для мальчишек. Я уже двадцать лет на «ГАЗ-24», понимаешь? Двадцать лет! Четыре машины менял, это последний. «ГАЗ-24» не машина, зверь. Жалко, больше не делают, снимали с производства. Запчасти трудно доставать, бензин кушает как сумасшедший. Хорошо, сейчас заправка будет.

С этими словами он резко вывернул руль, и машина покатила куда-то вниз. Под колесами закрипел песок, застучали камешки по днищу. Фары выхватили из темноты стеклянную будку, пару колонок, красный пожарный щит.

Водитель включил приемник, и в салоне зазвучала восточная музыка.

— Сейчас поедem, — сказал он, выбираясь из машины, — сидите, не скучайте.

— А туалет здесь имеется? — спросил Сергеич, пытаясь открыть дверцу.

— Зачем туалет? Сейчас поедem, быстро поедem, — сказал водитель, отходя от машины и оглядываясь.

Сергеич все-таки распахнул дверцу и выбрался наружу. Вадим встряхнул чеченца, но тот только промычал недовольно и не проснулся. Нашупав защелку, Панин навалился плечом на стекло, чтобы раскрыть дверь.

Внезапно яркий белый свет ослепил его. Две мощные фары вспыхнули на другой стороне площадки и осветили заброшенную заправку.

— Всем стоять, не двигаться, — сказал кто-то на чистом русском языке без малейшего акцента. — Муртазанов, выходи из машины. Повторяю, Муртазанов Махсум, выходи из машины.

— Он не может выйти, — сказал Вадим, приоткрыв дверь, и не узнал собственного голоса. — Он... Он спит. Он под наркозом.

— Вытаскивай его, быстро, — приказал другой голос.

Панин никого не видел, как ни вглядывался в черноту за фарами. Что-то вспыхнуло, ударил и звонко раскатился выстрел. Огромная фигура Ковальского метнулась в сторону и завалилась за пожарный щит. Еще несколько выстрелов оставили на щите белые следы оторванных щепок.

— Одын готов.

— Не ушел?

— Э, за ящиком лежит. Контроль делать?

— Потом, все потом. Второго не трогай! Пусть тащит черного в машину. Эй, уважаемый! Вылезай, если жить хочешь.

— А если не хочу? — спросил Вадим.

— Сгоришь живьем. Бензинчиком-керосинчиком польем, так красиво гореть будешь. Давай не тяни резину. Нам нужен Муртазанов. К тебе вопросов у нас нет. Если б твой дружка не дергался, остался бы жить.

Из-за фар показались две фигуры. Держа пистолет стволом кверху, один из нападавших зашел слева, другой справа.

— Точно. Спит, — сказал один.

— Он на таблетках, — говорил Панин, ощупывая обивку дверцы, но там не было ни

⁷ названия улиц и районов Баку

отвертки, ни гаечного ключа, как у него в родной «ниве»... — Если ему не дать вовремя таблетку, он загнется. Чтобы проснулся, надо перейти на другие таблетки. Таблетки у меня. Если таблетки перепутать, он еще быстрее загнется...

— Что ты несешь, какие таблетки?

Он выпалил первое фармакологическое слово, которое пришло в голову:

— Тринитросульфол. А это — калия ангидрид.

— Чего, чего?

— Я дело говорю, — торопливо сказал Вадим. — Без меня вы его не довезете, вам же хуже будет.

— А ну вылазь, Склифосовский.

Он, наконец, справился с дверцей. Тяжелая рука сдавила его плечо и вытянула наружу.

— Пошел вперед!

От толчка в спину Панин потерял равновесие и упал на колени.

— Вот так и пошел, на коленях. Я сказал, на коленях! Вперед!

Он на коленях добрался до пожарного щита. За железным коробом с песком горбился синий плащ Сергеича. Вадим оглянулся. Противник стоял прямо над ним, почти касаясь стволом его шеи. Второй вытягивал чеченца из «волги», обхватив под мышками, и ругался:

— Тяжелый, ишак. Помогат надо, слюшай.

Холодный ствол пистолета уперся в шею Вадима.

— Уважаемый, что ты нес насчет таблеток? Гони их сюда.

— Вы не разберетесь, — сказал он.

— Гони, гони. У нас есть кому разобраться.

Панин сунул руку в карман брюк, но рука путалась и застревала, и он привстал на одном колене, и вытягивая руку, снова понес фармакологическую ахинею:

— Сначала надо дать тринитроацетат, а потом, через полчаса, калия оротат. Только не перепутайте. Запомнили? Сначала ацетат, потом оротат. Запомнили?

Он протянул руку, и противник наклонился к нему, и даже сделал то, о чем Вадим и мечтать не мог — переложил пистолет из одной руки в другую.

Оставалось только дотянуться до горла. Ну, наклонись еще чуть-чуть...

— Эй, уважаемый! Сюда смотри, — раздался голос чеченца.

Его не было видно за спиной человека, которого он сзади перехватил локтевым сгибом за горло. Плащ распахнулся, и белая рубашка вылезла из-под брюк, и торчала пустая кобура из-под мышки. Человек тихо хрипел, но оставался неподвижным, потому что в щеку ему упирался пистолет.

— Уважаемый, говорить будем, — сказал чеченец. — Пушку бросай сначала. Твой друг тебя просит, видишь?

— Ты что, Муртазанов, не проспался? Ну что за народ! Мы тебя из зоны выкупили, мы тебя домой привезем, а ты на нас прыгаешь.

— Пушку бросай, — попросил чеченец. — Потом посмотрим.

— Не дури, Муртазанов. Тебя дома жена ждет, мать, отец, родичи все собрались.

— А братья собрались?

— И братья собрались, о чем речь, конечно, собрались!

— Пушку бросай, — повторил чеченец. — Последний раз говорю.

Пистолет упал на землю. Вадим хотел его подобрать, но вдруг ударил выстрел, и он бросился наземь. Пистолет все-таки оказался в руке, и он откатился с ним в сторону, за ящик, к телу Сергеича. Но Ковальского там не было, только плащ валялся на камнях. Снова рывкнул пистолет, кто-то застонал, но третий выстрел оборвал этот стон.

— Все, конец, — сказал чеченец. — Эй, питерские, конец!

За пожарным щитом послышалась какая-то возня, хрипение, удары, и живой Сергеич вышел на свет, волоча за собой водителя «волги». В другой руке он держал пожарный топорик.

— Ай, молодец, русак, — сказал чеченец, запихивая пистолет за пояс. — Я что

говорил? Азербайджанцы спекулянты, больше ничего не умеют, слушай, только гвоздика на улице продавать.

Водитель то вскидывал руки, то прижимал их к груди, повторяя: «Ничего не делал, я ничего не делал, что я делал, я ничего не делал..». Сергеич отпустил его, и он повалился набок, поджав ноги к животу и закрывая голову руками.

Вадим поднял из-за ящика плащ и передал его Ковальскому, но тот отмахнулся.

— Смотри, этот дышит, — сказал Сергеич, перевернув одного из нападавших.

Чеченец выхватил пистолет из-за пояса, наклонился и приставил ствол к голове лежащего перед ним. Вадим невольно отвернулся, но выстрел все равно заставил его вздрогнуть. «Вай, алла, вай, алла...» раздавались причитания водителя. Из салона «волги» доносилось ритмичное бряцанье и завывание восточных музыкантов.

— Димка, что стоишь? — крикнул Сергеич, обыскивая убитых. — Давай разворачивай «волжанку». На ней поедem.

— Ихний машина возьмем тоже, — сказал чеченец.

— Нет, брат, — сказал Сергеич. — Приметная слишком. Надо когти рвать, пока на стрельбу народ не сбежался.

— Какой народ, слушай! — Чеченец сноровисто взял водителя. — Народ ничего не видел, ничего не слышал. Сейчас мы уедем, они придут. «Тойоту» заберут, этих собак обчистят, только потом милицию позовут. Часы возьми, у таких всегда часы хорошие. А в машине стерео не возьмем?

Панин в два приема развернул «волгу», и незнакомая дорога принялась разматываться перед ним в свете фар. Впереди показалась цепочка фонарей, стала видна пустая трасса. Какая-то белая машина стояла под фонарем на обочине.

— Туши свет, — скомандовал Сергеич. — Стоп, машина. Надо подумать. Куда податься-то? Обратно в аэропорт? Отсюда еще хрен улетишь... На вокзал? Димка, что молчишь?

Вадим не успел ответить, потому что засвиристел один из трофейных телефонов, потом второй. А потом он увидел, что белая машина сворачивает с трассы и, набирая скорость, катится к ним.

Не раздумывая, он резко сдал назад и свернул в первый попавшийся проезд. Дорога петляла между заборами.

— Я пустой, — сказал чеченец. — Запасной магазин нет.

— Да нет, здесь не отбиться. Ноги бы унести. Панин, дай гари, — сказал Сергеич. — Нам бы только до людей добраться...

— Ну где я тебе возьму людей в два часа ночи, — сказал Вадим.

Глава 11

Люди капитана Панина

Вот раньше он мог набрать людей хоть в два часа ночи, хоть в три. И каких людей!

Рагим? Этот умел забираться и спускаться по стене девятиэтажного дома, используя только пальцы рук и ног. А Арон? Арон круглый год купался в море перед сном, а иначе просто не мог так заснуть. Были и другие достойные ребята, члены тайного спортивного общества «Неурожай», официально — секция самбо, реально — клуб боевых искусств, временно запрещенных.

Проверяя информацию о функционировании подпольного спортзала, Панин вышел на этих ребят. И вместо того, чтобы прихлопнуть подпольщиков по полной программе, помог им перейти на легальное положение. Компания оказалась настолько приличной, что и сам Панин не упускал случая позаниматься здесь, и даже Михалыч, один из лучших бойцов республики, дважды чемпион Минской школы, порой самозабвенно бился с его парнями.

(При необходимости Панин мог бы легко обосновать идейно-воспитательную нагрузку таких контактов — Михалыч, эстетически любовавшийся грацией восточных школ, шутя побивал любого противника, доказывая безоговорочное превосходство комитетской школы рукопашного боя).

Он вспомнил, что Рагим переселился в Георгиевск, потому что жена, армянка, не могла оставаться в Сумгаите. Арон уехал в Израиль. Кстати, его там не признали таки евреем. Дело в том, что Арон Соломонович Блюм оказался русским. По матери. Интересно, где он сейчас купается перед сном, в Суэцком канале?

Кто остался в городе? Фикрет... Вот человек, который никуда не может уехать отсюда.

— Сергеич, как там пленный? — спросил Вадим.

— Еще дышит.

— Вынь-ка из него телефон.

В зеркале опять показались фары догоняющей машины. Вадим выключил весь свет, проехал в полной темноте до перекрестка и свернул направо. Залаяла собака, и он удивился. В этих краях раньше не было принято держать собак. Включив фары, он увидел длинные заборы с колючей проволокой по верху.

— Куда мы заехали? — спросил Ковальский. — Тюрьма, что ли?

— Нет, — сказал Вадим, свободной рукой набирая номер. — Это дачный поселок.

Телефон не отвечал. Он свернул в очередной проулок. Каждый раз он сворачивал в сторону моря, надеясь вырваться на приморскую дорогу. Еще он надеялся, что преследователи запутаются в улицах поселка. Но свет их фар все время показывался за спиной.

— Давай все патроны мне, — сказал Махсум. — В хорошем месте встанем, я выхожу, вы тих-тих вперед, они за вами, я их кончаю.

— Мало шансов, — сказал Ковальский. — «Пээм» машину не остановит. А если у них стекла непробиваемые? А если вообще тебя засекут на высадке?

— Рисковать надо, — сказал Махсум. — Догоняют, собаки.

— Бензин на нуле, — сказал Вадим.

— Спасибо, — сказал Ковальский.

— Не за что. Думай, Сергеич, думай.

— Давай, Димка, звони, пока я думать буду.

Машина вырвалась из поселка. На горизонте тлело мутное зарево, и на его фоне торчали вышки-качалки. Неподвижные, они были похожи на стадо заснувших жирафов.

Вадим узнал это место. Через старые промыслы проходила дорога к морю. Оставалось проскочить зону пионерских лагерей, на развилке свернуть налево, а там уже начнется сумгаитская дорога. А здесь, среди вышек, можно запутать следы и оторваться.

Он вдруг увидел, что за лесом вышек мелькает какой-то свет. По параллельной дороге метрах в пятидесяти справа мчалась темная машина, и лучи ее фар мотались вверх-вниз.

— Обложили, — сказал Ковальский бодро.

И в это время, наконец, гудки в трубке прервались.

— Кимды данышан? (Кто говорит?) — ожил в телефоне недовольный голос.

— Салам. Тренер говорит, — сказал Вадим.

— Кто? Какой тренер? Три часа ночи, какой тренер?

— Какой еще тренер может звонить в три часа?

— А... Ты где?

— У меня проблемы. Не могу долго говорить. Сейчас я около Новханы. Хочу выбраться на нашу дорогу по морю. Где мы бегали, помнишь? Можешь сейчас выехать мне навстречу?

— Еду.

Вадим посмотрел на приборы — судя по ним, бензин давно кончился. Он свернул на грунтовую дорогу и покатился под уклон.

— Э... Товарищ... — подал голос водитель сзади, — там дорога нету. Раньше был,

теперь нету.

— Куда ж она делась?

— Стой, стой, дорога нет, — жалобно повторял водитель.

Но дорога была, и довольно ровная. Она была словно прорезана в песчанике и спускалась к морю в узкой теснине. Шелестел песок под колесами, и уклон становился все круче. Когда-то по этому песку Вадим спускался пешком. Он гостил у друзей, вожатых пионерского лагеря, и ночью они с Реной любили сбегать по крутому спуску к морю. Возвращаться было тяжелее... Но сейчас он не собирался возвращаться.

Вадим успел ударить по тормозам, прежде чем понял, что перед ним обрыв.

— Приплыли, — растерянно проговорил он, вспомнив, что за прошедшие годы море могло подняться и размывать береговую линию. Такое уже бывало, и сумгаитский пляж запомнился ему как раз старыми грибками и беседками, стоявшими далеко в воде. Когда-то они давали тень пляжникам, распростертым на раскаленном песке, а теперь в их неверной тени мальки прятались от солнца и чаек...

— Отлично, — Ковальский огляделся и скомандовал: — Все из машины!

Через несколько минут сзади показались лучи фар. Преследующая машина выехала на гребень и покатила по спуску. Как только под ее лучами зажглись задние катафоты «волги», Вадим выбил камень из-под переднего колеса. «Волга» со скрипом тронулась вперед. Она не успела разогнаться и не доехала до края обрыва, как песок вдруг расступился под колесами, и вместе с куском дороги «волга» рухнула вниз.

Темная машина стремительно приближалась, рычание мощного двигателя отражалось от стенок теснины. Вадим успел забраться наверх и залег рядом с Ковальским.

Сергеич опирался на локти и держал пистолет двумя руками, выцеливая задних пассажиров. Передних взял на себя Махсум.

Но стрелять не пришлось. Темная «девятка» даже не притормозила, догоняя пропавшую из вида «волгу», и слетела с обрыва, исчезнув в темноте. Снизу послышался железный грохот, и Вадим почувствовал, как дрогнула земля под ним.

— Надо смотреть, как они там, — сказал Махсум.

— Какой заботливый, — сказал Ковальский. — Когти рвать надо, тут где-то вторая машина шатается.

— А с этим что делать будем? — Махсум показал пистолетом на водителя, и тот опять заныл свое «вай, алла...»

— Придется тащить с собой.

Узкая бетонка тянулась по песчаной насыпи вдоль полосы прибоя. Моря не было видно, оно шумело и плескалось в темноте, и виднелись только белые перебегающие полосы пены. Влажный ветер был пропитан запахом гниющих водорослей.

Спустившись с насыпи, можно было укрыться от ветра, но идти по песку было тяжелее, чем по бетону, пусть и разбитому.

Впереди мелькнул и пропал сдвоенный огонек.

— Едет кто-то, — крикнул Махсум, перекрывая ветер. — Уходим?

— Это наши, — сказал Вадим.

— Назад смотри! — крикнул Махсум.

Вадим оглянулся и увидел, как по черному склону медленно сползает такой же сдвоенный огонек.

— Бегом вперед! — скомандовал Ковальский.

— Я бегом не могу, сердце больной, — заныл водитель.

— Зачем он нужен, — крикнул Махсум. — Место хорошее, патрон жечь не будем, руки-ноги завяжем и пошел в море купаться!

Водитель не дослушал его и резво потрусил вперед.

Они успели забраться в «Ниву» Фикрета, когда до второй машины преследователей (если это были они) оставалось не больше ста метров.

— Надо оторваться от этих, — сказал Вадим, и Фикрет кивнул.

«Нива» скатилась с насыпи и помчалась прочь от дороги. Вторая машина последовала за ней. Под колесами хрустели ракушки, в прыгающем свете фар блеснула вода.

Между прибоем и дорогой берег местами был залит водой, и сейчас машины неслись по этим лужам, разбрасывая брызги веером. Вадим оглянулся.

— Догоняют. Прибавь газу. Фика, на обгон идут!

Фикрет кивнул, но газу не прибавил, и даже чуть отвернул в сторону, теряя в скорости. Он пригнул голову и поглядывал куда-то вбок поверх капота.

— Готов! — вдруг сказал он, показывая пальцем на зеркало.

Все, кроме него, оглянулись. Вторая машина исчезла.

— Яма, — сказал Фикрет.

— Глубокая? — спросил Ковальский.

— Два метра. Спасать будем?

— Перебьются, — сказал Вадим.

— Куда едем?

— К тебе нельзя, — сказал Вадим. — Есть надежное место, где можно спрятаться?

Фикрет кивнул. «Нива», завывая и с треском разбрасывая ракушки из-под всех колес, забралась по насыпи на дорогу.

Глава 12

Убежище

Для мирного времени Фикрет был самым бесполезным агентом из тех, с кем работал Панин. Хотя бы потому, что не мог написать и пары связных предложений по-русски. Да и писать ему было не о чем. Он не общался с иностранцами, не мог внедриться в религиозную секту, и даже слухи и сплетни он обычно сам узнавал от Панина.

Кроме того, он имел судимость и родственников за границей, курил анашу, содержал трех жен и был браконьером.

Познакомились они так. В запущенном уголке приморского парка Панин с ребятами оборудовал поляну для занятий. Деревья служили турниками и макиварами, на асфальте можно было отрабатывать «ката», а на песке — броски. Занимались обычно по утрам, перед работой. В это время в парке не было никого. Но вот однажды со стороны моря на полянку вышел худой, загорелый до черноты человек в брезентовом плаще. Он удивленно оглядел выстроившихся парами ребят в кимоно, достал сигареты и присел на корточки. И пока они занимались, невозмутимо покурил «Кэмел».

«Это карате?» — спросил он у Панина.

«Карате».

«Что это дает?»

«Здоровье. Сердце хорошо работает, спина не болит», — сказал Панин, по привычке избегая сложных предложений.

«Спина... Спина — это хорошо. Сколько стоит заниматься?»

«Бесплатно».

«В Баку один урок карате двадцать рублей».

«Можешь ехать в Баку».

«Нет времени. Завтра приду?»

Фикрет внес в занятия сразу несколько ценных новшеств. Он показал удобную дорожку вдоль моря, по которой бегал сам Назим Сулейманов, великий сумгаитский футболист. Он принес старые брезентовые плащи, из которых получились отличные манекены. А еще он предложил по понедельникам бегать в другом месте — в городском саду. Те, кто мог придти на эту пробежку, не жалели о потраченных усилиях. Два километра легкой трусцой заканчивались у дверей заведения, где как раз к этому времени у старого Гариба созрел

хаш . 50 грамм водки полностью компенсировали беговые энергозатраты, а горячий хаш ликвидировал последствия воскресных излишеств.

Между прочим, именно старый Гариб сообщил в комитет, что в таком-то месте в такое-то время состоится купля-продажа мощного лодочного мотора с целью последующего использования его для нарушения морской госграницы и ухода в Иран. Панин с Михалычем спланировали, утвердили и осуществили ночную засаду, и сами же, налетев, скрутили покупателя. Панин застегнул наручники. Включил фонарь — и узнал Фикрета. Немая сцена. Михалыч сориентировался первым. Он поблагодарил и отпустил ментов, а задержанного в наручниках увезли в горотдел, подальше от посторонних глаз. Панин проговорил с ним всю ночь. Так Фикрет стал его агентом. А мотор предназначался вовсе не для ухода в Иран. Фикрету хватало рыбы и в акватории Апшерона. Так что старый Гариб сгущал краски.

— Гариб живой еще? — спросил Панин.

Фикрет кивнул. Он молча вел машину по ночным улицам города, который часто снился Панину в кошмарных снах. Невозможно было представить, что он когда-нибудь вернется сюда.

Но вот он здесь, и все так же тянутся кипарисовые аллеи, и ветер кружит листву и мусор на центральной площади.

Память выстреливала серию картинок на тему «Площадь Ленина в разные годы». Вот Новый Год — ни грамма снега, сухой асфальт, под кипарисами зеленеет травка. Гирлянды и расписные будки перед клубом завода СК, у будок толпятся родители, получая подарки своих детей, которые сейчас водят хороводы в клубном зале. Внутри одной из будок Панин пьет портвейн с Дедом Морозом, и Арон Блюм оттягивает ватную бороду на грудь, как манишку. В будке тепло, пахнет мандаринами, и через окошко хорошо видно, как *объект его заинтересованности*, укрывающийся под личиной иностранного специалиста по монтажу очень автоматизированных линий, стоит, как простой инженер, в очереди за подарками вместе с влюбленной в него мамашей. Объект был очень дорог Панину. Пытаясь перехватить радиосигнал опознавания «свой-чужой» с военных самолетов, объект подарил военным контрразведчикам целый месяц радостно озлобленного возбуждения — солдатская жизнь обретает осмысленность только с появлением противника.

А вот то же место через пару месяцев. Площадь наполовину залита черной массой толпы. Конец февраля, пронзительный ветер относит крики с трибуны, толпа отвечает свистом и нескладным скандированием «Ка-ра-бах! Ка-ра-бах!».

На следующее утро на площади стоят армейские «уазики» и черные «волги» — начальство совещается в горкоме. К началу нового митинга машины разъехались, и только одна «волга» замешкалась. Вон она, перевернутая, лежит поперек трамвайных путей.

И еще один вид. БТРы по периметру площади. Все, что смогли по тревоге добраться до Сумгаита из ближайшей в/ч. 25 километров по ровной асфальтированной дороге рота преодолела всего за несколько часов, потеряв по пути 50 % техники. И это без огня противника.

БТРы стояли на площади, а толпа уже неслась лавиной по городу, снося будки сапожников, выбивая витрины, останавливая любой транспорт. У Фикрета тогда была другая машина, «виллис», и он вез Панина. Толпа запрудила улицу, и он попытался объехать ее через двор. На выезде между домами стояли погромщики с железными прутьями. Они облепили машину и принялись ее раскачивать. Их разгоряченные красные лица прижимались к стеклу машины. Фикрет вдруг откинул лобовое стекло, потом выхватил из-под сиденья обрез и выстрелил вперед. Погромщики с воплями разлетелись в стороны, и машина вырвалась на улицу.

«Откуда у тебя обрез?» — Панин не удержался от идиотского вопроса.

«Нашел». Больше вопросов не было. Они благополучно доехали до микрорайонов и смогли вывезти еще одну армянскую семью.

— Куда мы едем? — спросил Вадим, оглядываясь. Город, оказывается, давно кончился, и «нива» катилась между двумя трубопроводами.

— Хорошее место, — сказал Фикрет. — Самое подходящее.

Не было в городе более подходящего места, чем заводское бомбоубежище. Звения ключами, Фикрет шел по длинному бункеру, включая свет и открывая боковые комнатки.

— Пока здесь можно жить, — сказал он, обводя рукой ряды двухъярусных коек, стеллажи с противогазами и стены с плакатами на тему атомной войны.

— Да здесь можно жить и жить, — сказал Ковальский, принохиваясь, — было бы еще пиво, а то слишком вкусно пахнет.

В бункере стоял густой запах вяленой рыбы. Фикрет толкнул еще одну дверь, и Ковальский схватился за сердце. В боковом коридоре тянулись, пропадая в темноте, связки воблы, леща, бычков и еще каких-то обитателей Красной Книги.

— Первым делом надо выспаться, — сказал Вадим. — Разбирайте матрасы.

— Какой матрасы, слушай, — пробормотал Махсум, пошатываясь и зевая.

Он рухнул на голую кровать и тут же захрапел. Таблетки все-таки еще действовали.

Пока Сергеич обустраивал быт, Вадим поднялся вслед за Фикретом к выходу.

— Это твои друзья?

— Не все. Сергеич мой друг. Махсум, который заснул, это чеченец. С ним сложнее. В общем, он заложник. Мы должны были поменять его на своего заложника, но попали в засаду. Чудом ушли.

— А толстый?

— Это наш пленный. Его ребята делали засаду. Будем его кошмарить, — сказал Вадим.

— А потом?

— Потом видно будет.

— Он меня видел, он машину видел, он все видел, — сказал Фикрет.

— Придумаем что-нибудь, — сказал Панин. — От него зависит. Ладно, разберемся. Как дела, брат?

— Спасибо. Как ты, где сейчас? — Фикрет впервые улыбнулся и взял Вадима за плечо. — Хорошо, что приехал. Говорили, у тебя неприятности.

— Какие неприятности?

— Э, не бери в голову. Говорили, убили тебя в Таджикистане.

— Нет, — сказал Вадим. — Убили, но не меня. И в Таджикистане тоже был не я. Но ребята рассказывали, там было очень даже приятно. Даже, можно сказать, победили там наши.

— Что там ваши делали, можешь сказать?

— То же самое, что здесь.

— Это как? — удивился Фикрет. — Здесь мы армян спасали от наших. Потом ты на вертолете наших вывозил из Лачина, спасал от армян. В Таджикистане ваши кого спасали? Русских?

— Нет. Таджикив спасали от таджиков.

— Все с ума сошли, — Фикрет покачал головой. — Где живешь? В Москве?

— В Питере.

— Зачем? В Москве лучше. Я в Москву часто летаю. Там хорошо. Красиво город сделали. Почти как Баку. Пусть твои спят, поехали ко мне. Минара будет рада.

— Кстати, как она? Как дети, как родители? — спросил Вадим.

Они присели на ступеньку перед железной дверью бункера, и Фикрет достал сигареты. Это был «Кэмел» без фильтра. А также без акцизной марки и предупреждений Минздрава. Контрабанда в чистом виде. А что еще мог курить браконьер?

Вадим уже отвык от хорошего табака, и сейчас у него с первой затяжки закружилась голова. «Как бы сигареты не оказались с начинкой», подумал он, выслушивая семейные новости. Родители живы-здоровы, Минара сидит с детьми, их уже четверо. Гуля (вторая жена, татарка) вышла замуж за турка, уехала в Измир. Мила (третья жена, хохлушка) тоже хорошо устроилась, сейчас работает на телефонной станции, кстати, оставь свой номер, будем звонить хотя бы в праздники.

- Это очень кстати, — сказал Вадим. — Связь нам нужна.
— Хочешь позвонить?
— Хочу. Но еще не знаю, куда.
— Десять минут можешь подождать? Я домой заеду, потом сюда. Олды? (Ладно?)
— Баш уста. (Есть).

Вернувшись в бункер, Панин увидел, что водитель лежит на койке, аккуратно привязанный к ней по рукам и ногам. Махсум продолжал храпеть из-под солдатского одеяла. А Сергеич за столом обгладывал последний плавничок, и гора чешуи и костей перед ним указывала, что это был плавничок огромного леща.

— Ничего, что я тут похозяйничал? — виновато спросил Сергеич. — Просто не удержался.

— Сейчас организуем связь, — сказал Панин, подсаживаясь. — Давай пока обсудим ситуацию.

— А чего ее обсуждать? Ситуация под контролем, но жить можно, — сказал Сергеич. — С нашей стороны потерь нет. У противника двое убитых, да еще две машины, даже три. Имеем одного пленного. Заложника не потеряли. Это плюсы. Теперь минусы. Непонятно, как жить дальше.

— Насчет заложника, — сказал Панин. — Ты сам все видел. Его хотели перехватить, но это не его команда. Это не родня, это вообще не чеченцы.

— В принципе, нас это не касается, чеченцы они или японцы, — сказал Сергеич. — Наше дело дать результат. Мы привозим сюда одного человека, увозим другого, вот и все.

— Что-то я там не заметил этого «другого», — сказал Панин.

— Вот именно, — сказал Сергеич, — Сдавать парня каким-то посредникам я не собираюсь. Меняться так меняться, а если ребята идут на засаду, значит, по-другому будем говорить. Лучше всего сейчас же вернуться на исходные.

— Но тогда прокурор остается у них?

— Значит, ему не повезло, — спокойно сказал Сергеич.

— Злой ты, — сказал Панин.

— Я так думаю, что прокурору не повезло с самого начала. Вся эта комбинация сплошная подстава.

— Хорошо, что ты сам это видишь, — сказал Панин. — Значит, нет смысла звонить Клейну. В него все упирается.

— Да ты что, на Геру думаешь? — Ковальский улыбнулся. — Тогда думай сразу и на меня.

— Сергеич, я просто размышляю. Почему он не нашел на это дело никого другого? Почему он выбрал тебя и меня? Мы одиночки. Если мы пропадем, никто особо убиваться не станет. Ты говоришь, он ребятам тоже предлагал, Роме и Зубову, так? Еще одна пара никому не нужных мужиков, которых не жалко и подставить. И искать никто не станет.

— Ты не знаешь самого главного, — сказал Ковальский, продолжая улыбаться. — Гера собирался ехать сам. Со мной.

— Это ни о чем не говорит, — упрямо сказал Панин. — Потому что собираться это одно, а ехать немножко другое.

— Стоп, — Сергеич поднял ладонь. — Отложим разбор полетов. Давай решим, что сейчас делать.

— Время потеряли, вот что плохо, — сказал Вадим. — Если бы сразу рвануть на вокзал, запрыгнуть в любой поезд в сторону России... Ладно, будем отталкиваться от действий противника.

— Кстати, кто противник-то? Чехи?

— Думаю, что те, кто нас встречал. То есть холдинг.

— Не стыкуется, — сказал Сергеич. — Холдинг мог получить заложника без всяких хлопот. Мы же сами его привезли.

— Старик, ты сам сбиваешься на разбор полетов. Давай решать загадки по мере их

поступления, — сказал Панин. — Холдинг мог получить, но почему-то не захотел. Может, в нем есть какая-то группировка, которая затеяла свою игру? Мы эту игру сорвали. Но в любом случае нас встречали люди из холдинга, и убили мы людей из холдинга, и убегали от людей из холдинга. Так?

— Черт, — сказал Сергеич. — С тобой лучше не спорить. Ты что угодно докажешь, если тебе надо.

— Итак, противник — холдинг «Мировой океан». И противник, скорее всего, засек, куда мы оторвались. И скорее всего, обратится за помощью к местным властям. Потому что холдинг фирма уважаемая, богатая, с мощными связями, со своими людьми на важных позициях. А мы кто? Пара вооруженных преступников...

— Тройка, — поправил Сергеич.

— Еще хуже. Мы уже банда чеченских отморожков. Значит, розыск. Значит, нелегальное положение. Даже не мечтай о билетах на самолет или поезд.

— В нелегалах мы долго не продержимся, — сказал Сергеич. — Слишком заметные фигуры.

— Надеюсь, долго и не понадобится, — сказал Вадим. — В крайнем случае, уйдем морем. А вот что с заложником делать, с Муртазановым, я не знаю.

— Обратно в тюрьму он не поедет, — сказал Сергеич.

— Да я и не повезу его в тюрьму.

— Тогда давай отпустим.

— Больно добрый ты, — сказал Вадим.

— На тебя не угодишь. То я злой, то добрый. Ладно, чувствую, без бутылки не разобраться, — сказал Ковальский. — Давай еще по рыбки? По паре бычков, а? Что-то жрачка напала.

— Это у тебя нервное, Сергеич.

— Может быть. Старею. Из формы вышел, — приговаривал Ковальский, отрывая голову очередному бычку. — Давно под пулями не валялся. Ну, съешь хотя бы кусочек.

— Не буду аппетит перебивать. Сейчас приедут всякие вкусные вещи, — сказал Вадим.

Фикрет вернулся с большой сумкой. На столе появились пивные бутылки, водка, зелень, солености, лаваш и стеклянная литровая банка с черной икрой.

Скромный ужин удался на славу и постепенно перешел в торжественный завтрак. Вадим еще порывался позвонить в Питер, но сам себя осаживал. По меньшей мере странно просить помощи у того, кому не доверяешь. Утром разберемся, решил он.

Сергеич расписал дежурство и сам себе скомандовал отбой, с трудом оторвавшись от стола.

Вадим с Фикретом проговорили до самого утра, иногда поднимаясь к выходу, чтобы перекурить. Черное небо над заводскими трубами становилось синим, потом зеленым, потом персиковым. Где-то закричал петух, ему ответил гудок тепловоза.

— Мне надо идти, — сказал Фикрет. — Хорошо, что ты приехал. Что принести? Водка, коньяк, вино?

— Водки, — сказал Вадим, подумав. — И побольше. Будем пленного допрашивать.

Глава 13

Допрос

Показания нетрезвых свидетелей, наверно, не должны иметь юридической силы. Достаточно того, что они обладают силой художественной достоверности.

Слушая показания пьянеющего водителя, Панин вспомнил свой недоуменный вопрос в разговоре с Клейном: «Неужели какой-то чеченец дороже прокурора?»

Не дороже. И не дешевле. Махсум Муртазанов был нужнее. По крайней мере, так

полагал свидетель. «Муртазанова найти надо. Информацию снимать надо», цитировал свидетель.

Оказывается, только Махсум мог бы рассказать, каким образом белая красивая машина с охранительными надписями по борту, направлявшаяся из Тбилиси в Махачкалу, пропала по дороге, но спустя несколько месяцев оказалась в Талышских горах на границе с Ираном.

Второй вопрос касался бы содержимого этой машины. Талыши сняли неудобный и громоздкий верхний багажник, но не выбросили его, а хранили в сарае. Там его и нашли, со всеми проводами, которые когда-то соединяли «багажник» с аппаратурой в салоне. К опросу населения были привлечены специалисты. В конце концов выяснилось, что только Махсум Муртазанов может ответить на главный вопрос.

Куда он дел аппаратуру из машины?

— А что за аппаратура? — спросил Панин.

— Не знаю, — устало ответил водитель. — Я маленький человек.

— Наливай, — скомандовал Ковальский, и Панин плеснул еще тридцать грамм. — Пей. Закуси. Пошли дальше.

Если бы Вадиму Панину требовалось незамеченным пройти по питерской улице, он надел бы оранжевый дворничий жилет. Дворники, продавцы и водители — это представители породы людей-невидимок. И когда начальство ведет переговоры в машине, оно не замечает водителя, потому что водитель ничего не слышит, а если слышит, то не понимает, а если понимает, то никому не расскажет.

Расскажет, расскажет, не сомневайтесь. Особенно если расспрашивать будут Панин с Ковальским, а хмурый Муртазанов будет чистить пистолеты за соседним столом.

Водитель пересказывал подслушанное с такими подробностями, что иногда даже Ковальский недоверчиво отмахивался. Тогда рассказчик привставал на стуле, таращил глаза и в запальчивости хлопал себя по щеке, прибавляя страшное заклятие: «Мамой клянусь, э! Так сказал!»

— Какая примерно аппаратура? Ну, радио? Или спутниковая связь? Ладно, ты не знаешь. А другие что о ней говорили?

— Глупости говорили. Что деньги можно делать. Там еще книжки были. Бумага специальная. Страницу оторвал, в аппаратуру положил, получается доллар.

— Какая хорошая аппаратура, а, Сергеич.

— Э, глупости, — сказал водитель. — Талыши все книжки в печку бросили, а доллар разве горит?

— Горит, горит, — сказал Панин. — Значит, твое начальство занимается фальшивыми баксами?

— Откуда я знаю, чем они занимаются? Я маленький человек.

— Ты, маленький чалавек, — спросил Махсум, разглядывая ствол на свет, — на меня кто показал?

— Люди сказали, да. Не знаю кто.

— Э! Люди сказали, Карабах армянская земля.

— Карабах не трогай! — водитель попытался привстать и хлопнул ладонями по столу. — Я твой Дудаев не трогаю!

— Дудаева трогай на здоровье, — спокойно сказал Махсум. — Прыгать на меня не надо, ай киши.⁸ Люди много говорят, слишком много. Сначала говорят, потом думают. Так нельзя, э. Думай, потом говори. Смотри. Где Тбилиси, где Махачкала, а где Иран. У кого машину нашли, у талышей? Я даже не знаю, кто такие эти талыши. Это люди или кто? Мусульмане, молokane, евреи? Кто такие, вообще не знаю. Зачем на меня говорят?

— Спутали с кем-то, наверно, — сказал Сергеич. — Ты не заводись, не заводись, мы-то тебе не шьем никакую машину.

⁸ Киши — «мужчина», разговорная форма обращения..

— Обидно, слушай. Я думал, мои враги все уже на том свете. Оказывается, нет, не все. Еще какие-то собаки ходят, стучат на меня не по делу.

— Я ничего не говорю, — сжался водитель.

— Тогда откуда они меня знают? — Махсум навис над водителем и тряхнул за плечо. — Быстро говори! Кто на меня сказал?

Допрос в исполнении Муртазанова полностью соответствовал психологической схеме «злой начальник и добрый начальник», причем с обеими ролями он справлялся сам. Он то обнимал водителя за плечо, подсаживаясь сбоку и шепча вопросы на ухо. То, размахивая пистолетом, хватал его за воротник и пытался вытащить из-за стола, чтобы не забрызгать посуду выбитыми мозгами.

И хотя он не добился своего, и не узнал имени клеветника, Панин и Ковальский услышали от водителя много интересного. Например, выяснилось, что пропавшая машина вовсе не принадлежала холдингу «Мировой Океан», и некоторые работники каспийского филиала участвовали в поисках лишь по просьбе некоего гуманитарного фонда «Туранбуран», членами которого они являлись.

Просветительская миссия в этом фонде считалась важнейшей. Фонд кормил множество лицеев, колледжей и медресе⁹ на территории СНГ. Единственным отличием этих учебных заведений от начальной школы было своеобразное понимание истории и географии. То ли по вине наборщика, то ли еще по какой технической причине, но на туранбуранских картах не значилась Россия. Не значилась она и в учебниках истории. А родиной туранской цивилизации почему-то считалась Османская империя.

Так или иначе, но лучи просвещения пробивались не всюду, а только в благоприятной среде. Например, в среде морепродуктов. Почти вся верхушка каспийского филиала усердно постигала историю тюрко-язычных народов, регулярно совершая экскурсии по наиболее историческим местам Средиземноморья.

Еще более благоприятной средой пьяный водитель считал правоохранительные органы, потому что дети многих блюстителей порядка с помощью туранбуранских просветителей бесплатно учились в лучших колледжах Турции. Неудивительно, что у фонда «Туранбуран» не возникало проблем с законом. И понятно, какие силы могли быть брошены на поиски пропавшей машины. Эти силы восстановили почти весь ее путь от одного подпольного авторынка к другому, отмечая, что с каждой перекраской машина становилась дороже.

Эти же силы смогли, в конце концов, установить, что объект поиска, несправедливо оклеветанный Махсум Муртазанов, находится в России. И если бы он болтался на свободе, его давно бы допросили. Но ему повезло — он угодил в тюрьму.

А в российскую тюрьму лучи туранбуранского просвещения не пробивались. Пока не пробивались.

Панин вспомнил, что однажды, году так в восемьдесят седьмом, видел у своих московских друзей-аналитиков диаграмму «Рост активности турецких спецслужб». Они еще посмеялись, вспомнив недавние времена, когда в списке противостоящих организаций турки казались забавной экзотикой и занимали свое заслуженное место сразу после Танзании и Туниса. Сейчас ему было не до смеха.

— Чтобы получить Муртазанова, они захватили прокурора, — сказал Панин. — Хорошо, хоть не министра.

— Кто? Просветители? — Сергеич отмахнулся. — Нет, они не могут пойти на такое. Ты думаешь, так легко брать заложников? Это же его вычислить надо, потом захватить, потом вывезти, потом еще перевозить с места на место, чтобы соседи не успели настучать. Это сколько народа надо задействовать, сколько адресов... А у чеченцев этот бизнес налажен. Я так думаю, что прокурора все-таки захватили чеченцы, а просветители с ними сторговались, и они вместо денег просят отдать своего земляка.

⁹ медресе — духовное мусульманское учебное заведение

— Неувязочка получается, — сказал Панин. — Просветители-то у нас кто? Турки. А чеченцы не тюрко-язычный народ. Им нечему учиться в туранбуранских колледжах.

— Значит, просветители нашли какой-то другой подход. Может, заплатили чеченцам аванс.

— Да почему обязательно чеченцам? Очень удобно все на них валить, — сказал Панин. — Никаких концов не найти в этой Ичкерии, это понятно. Так, может, и нет никаких концов? Может, мы не там ищем? Налей-ка еще. Да не мне, ему...

— Продолжаем разговор, — Сергеич наполнил стаканчик пленного.

Этот стаканчик оказался лишним.

— Вай, алла... — сказал водитель, икая и внезапно бледнея.

Махсум едва успел дотащить его до сортира.

— Вот собака, — сказал он через пять минут. — Свинья. Отрубился. Весь в говне. Кто теперь его мыть будет?

— Морской закон, — развел руками Сергеич. — Последний убирает за всеми. Ты с ним беседовал, тебе и убирать.

— Проспится, свинья, сам помоеся, — Махсум захлопнул дверь.

— Жестоко, — сказал Панин.

— Нормально, — сказал Махсум. — Ты не видел, где заложников держат. Я видел. Вот такой комната, как туалет. Точно такой, даже меньше. Кладовка. Наручники на батарею. И сидит месяц, даже встать не может. Как собака, раком встанет, погуляет около батареи, опять на жопу сядет. Месяц так сидел, потом перекинули в другое место. А в селении как их держат, знаешь? В каждом дворе яма есть. Просто конкретно в яме сидит, ему сверху хлеб бросают. Это в старых домах. А новые дома когда делают, сразу подвал делают. Тогда можно весь год держать, никто не увидит. В маленьком доме маленький подвал, в большом доме большой подвал, можно сразу много заложников держать. Я сам видел. А ты говоришь «жестоко».

— Да я не про него, я про нас, — сказал Панин. — Нам-то куда ходить теперь? На крыльцо?

Лязгнул замок, заскрипел штурвал входных дверей, и Ковальский поднял ладонь над головой, требуя тишины. Допрос был прекращен очень вовремя, потому что наступила пора обеда. Или ужина? Здесь, в подземелье, легко было выпасть из привычного хода времени.

— Минара обижается, что я вас домой не привел, — говорил Фикрет, вытаскивая из сумки и расставляя на столе кастрюли, кастрюльки и кастрюлечки. — Нехорошо получается. Не хочешь днем, давай вечером пойдем, посидим, кебаб делать будем. Телефон есть, в Ленинград звонить будем.

— Кебаб дело хорошее, — сказал Панин. — Только нам пока нельзя выходить. Я не удивлюсь, если наши фотороботы уже висят на каждом углу. Отсюда нельзя позвонить?

— Зачем нельзя? Попробуем, да.

— Попробуй, — сказал Панин. — Есть одна идея.

Фикрет отпер дверь с табличкой «комендант» и поднял трубку черного массивного телефона.

— Ну как?

— Молчит. Завтра сделаем, ничего. Поехали на телеграф. Там Мила, там в кабинку сядешь, спокойно поговоришь.

— Не сейчас. Может быть, ночью...

— И кому же это ты собрался звонить, — спросил Сергеич, открывая кастрюльки и принохиваясь.

— Клейну.

— Так ведь он же враг номер один.

— Постой, постой, не сбивай, — Вадим поднял палец и зажмурился, пытаясь поймать какую-то идею. — Вспомнил. Те, которые нас в аэропорту встречали. Они ведь не должны были знать, кого мы везем. У них какая задача была? Просто приехали люди из Питера, их

надо доставить туда, куда они скажут. Вот такая задача у них была. Так меня Клейн инструктировал. А они сразу — «клиента в одну машину, вас в другую...». Откуда они узнали, что мы привезли именно *клиента* ?

— Точно. Что ж ты сразу не сообразил? — сказал Сергеич.

— Наверно, расслабился. Размечтался. Воспоминания и так далее. И потом, все-таки он вице-президентом назвался. На этом уровне он мог и знать о наших делах. Но тогда он и адрес мог знать — а он не знал. Вот ведь почему все у них сорвалось. Они знали о заложнике, но не знали адреса. Если бы мы доехали до адреса, им было бы гораздо сложнее отнять заложника, понимаешь?

— Нет, — сказал Сергеич. — Вот теперь я точно ничего не понимаю. Они захватили прокурора, чтобы получить Махсума. Мы им Махсума привезли. Почему они не могли спокойно отдать нам прокурора? Зачем им лишняя война? Неужели по мне не видно, что со мной будут хлопоты?

— На этот вопрос у меня есть два ответа, — сказал Панин. — Первое. Прокурора у них нет. Он мог сбежать. Мог умереть от разрыва сердца. Второй вариант такой — в этом размене участвуют слишком много заинтересованных сторон. Но так или иначе, отбить Махсума они могли у нас только в аэропорту. Нас в одну машину, его в другую. И все. Клейн этого как раз и боялся. Он никому не доверял, кроме нас. Он знал, что есть какая-то сволочь внутри холдинга! Все, Клейн оправдан. Можем ему звонить. А вот господина Азимова Руслана Назаровича, вице-президента, надо брать за яйца.

— Вице-президентские яйца меня не интересуют, — сказал Сергеич. — Меня интересуют вот эти зеленые шарики.

— Долма, — сказал Фикрет. — Голубцы знаешь? Вот точно такой, только не в капусте, а в виноградных листьях.

— Это съедобно? — засомневался Сергеич.

— Слушай, чего ждем? Наливай, — сказал Махсум. — Давай теперь мне допрос делай. Хороший допрос, слушай. Наливай, все расскажу.

— Эх, был бы телефон, — сказал Вадим. — Могли бы инициативу перехватить.

— Давай лучше по сто грамм перехватим, — сказал Сергеич.

— Ай, молодец! Хорошо сказал, — одобрительно кивнул Фикрет.

Глава 14

Технические подробности

Один генерал наставлял молодых офицеров: «Ты выпей пол-литра, ну литр, ну два. Но напиваться-то зачем?»

А никто и не напивался. Потому что хоть они и пили водку стаканами, но стаканы были маленькие, пузатенькие, под чай. И Фикрет наполнял их строго до талии. Ровно на один добрый глоток. После третьего или четвертого тоста Панин вспомнил, что собирался звонить, но Фикрет расслабленно протянул:

— Э, зачем звонить? Хорошо сидим, давно не виделись, приятная компания. Сиди, не волнуйся, потом звонить будем.

— Потом я уже не смогу, — самокритично признал Вадим. — Лучше завтра. Проспимся, все взвесим и сопоставим, все согласуем, тогда и начнем звонить во все концы.

— Да кому звонить... — мрачно сказал Ковальский. — Кому мы нужны. Димка, черт, обидно, но ты опять прав. Кто мы такие? Два одиноких мужика. Пустая у нас житуха, ты понимаешь? Пустая. Все, что мы делаем, пропадает впустую. Для кого все это? Пустота. Полный ноль. Ни жены, ни детей. Даже собаку не завел.

— Не переживай, — сказал Вадим. — Вернемся, я все исправлю.

— Это как?

— Куплю тебе аквариум.

— Кстати, о рыбках, — Ковальский поднял стакан. — Будем.

— За хозяина, — поспешил сказать Вадим, чтобы Сергеич не выпил без тоста. — Фикрет мой старый друг. Это самый лучший рыбак в мире, но я люблю его не за это. Его все любят за то, что он всегда готов помочь. Как бы ни было трудно, я в нем уверен. Брат, ты тоже можешь быть уверен во мне.

— И во мне, — Ковальский потянулся чокнуться с Фикретом.

— Во мне тоже, — стакан Махсума соединился с остальными.

Фикрет благодушно улыбался и, щурясь, нюхал сигарету, которую разминал перед носом. Он давно уже собрался покурить, но Ковальский попросил его не делать этого за столом, а желание гостя было сильнее любого закона. Выйти курить на крыльцо сейчас было нельзя, потому что мимо бомбоубежища шла с работы дневная смена.

Муртазанов подсел ближе к Фикрету:

— Давно хотел спросить. Ночью, на море, эти собаки на машине в яму попали. Ты откуда знал про эту яму?

— Знал, да. Сам копал.

— Красавчик, — Махсум покачал головой.

Они заговорили о разных деталях браконьерского быта. Фикрет был морским браконьером, Муртазанов промышлял на суше, но у них нашлось много общего.

Вадиму же не терпелось поделить своим планом перехвата инициативы. Наступила та самая творческая стадия опьянения, ради которой и употребляют алкоголь литераторы, художники и контрразведчики. Сейчас он улавливал неуловимое, видел невидимое. Выстраивались связи между событиями, которые никак не могли быть связаны. И закономерность, которая связывала эти события, требовала новых действий, новых событий — просто для завершения картины.

Он доказывал Сергеичу, что надо выходить на Азимова, завязать переговоры и намекнуть, что им известно об аппаратуре. И если он клюнет, предложить обмен на своих условиях — аппаратура на прокурора.

— Да с чего ты взял, что прокурор у него? — удивился Ковальский.

— Чувствую, — сказал Панин. — Ну, положим, он не держит его в своем кабинете, но наверняка связан с похитителями.

Панин расставил на столе схему из головок чеснока, соленых огурцов и помидоров, а связи между элементами обозначил стрелками зеленого лука. Вот аппаратура (зажигалка), а вот «Туранбуран» (чеснок). Они могут получить свой аппарат только через Махсума (помидор). Но на помидор у них нет выхода. Он окружен огурцами. И тогда появился второй чеснок, чеченцы. Чеснок-2 захватил одного из огурцов. Началась торговля. Меняем огурец на помидор.

— А Азимов кто — огурец или чеснок?

— Он козел. То есть он с виду огурец, внутри чеснок. А теперь мы предлагаем им зажигалку сразу, без помидоров и огурцов.

— А она у нас есть, эта зажигалка?

— Нет, но этого они не знают. Это блеф. Ну и что? У нас ничего нет, значит мы ничего не теряем. Зато теряет противник. Он теряет время, он ждет наших дальнейших шагов. И ловить нас уже не будет, и даже может помочь, если это будет нужно, чтобы достать аппаратуру. И помидорчик уже никому не нужен, и огурец возвращается к своим. На, закуси.

— А дальше-то что? Это называется «вызываем огонь на себя», — сказал Ковальский. — Штука эффективная, но малоприятная. Пока я не вижу продолжения.

— Продолжение в следующем номере, — сказал Панин.

Фикрет превратно истолковал его слова и наполнил стаканчики.

— Продолжение может быть, например, таким. — Вадим продолжал импровизировать на ходу. — Мы говорим, что Махсум указал нам место, где лежит аппаратура. И это место где-то за Ладогой. Логично? Потому-то он и оказался в питерском СИЗО, а не в московском,

к примеру. Так мы сразу переносим театр военных действий на нашу территорию. А там уже наши шансы равны. Можем, например, заманить их в район зубовской избушки, а там подставить под каких-нибудь ментов. Или под бандитов. Или сами перестреляем.

— Будешь стрелять, меня позови, — сказал Фикрет.

— И меня, — отозвался Махсум.

— Постой, а как же прокурор?

— Да черт с ним, с прокурором. Самим бы выбраться как-нибудь. А там видно будет. План не должен быть слишком подробным. Первые пункты составили — и вперед, остальное на ходу подправим. А то так всю жизнь и просидишь за составлением плана.

Панин чокнулся с Фикретом и добавил:

— Это меня Сумгаит научил. Брат, расскажу тебе поучительную историю. Помнишь, Мила твоя сказала, что в городском коммутаторе лишний проводок появился? Это уже после погромов было, когда следственная группа работала, со всего Союза орлы слетелись. Там такое можно было подслушать, если на линию сесть... И вот мы получаем информацию, что обнаружен лишний проводок. В обычной ситуации какие были бы наши действия? Доложить начальству. Составить план мероприятий. Подать на утверждение. Устранить замеченные недостатки, переписать, переставить слова в предложениях, отпечатать на хорошей бумаге. Утвердить план. И так далее и тому подобное. Вместо этого что делаем мы с Михалычем? (Это друг мой. Типа Сергеича.) Так что мы делаем на фоне всех этих событий? На фоне всеобщего предательства и полной импотенции властных структур? Никаких докладов и планов. Просто среди ночи несемся на телефонный узел. Находим этот лишний провод и по нему спускаемся в какую-то подсобку. Нам навстречу по лестнице поднимаются двое. Незаметные такие ребята. Мы с ними разминулись, идем по проводу и упираемся в запертую дверь. Ключей ни у кого нет. Взламываем дверь и видим стол, стул, телефон, а к нему ведет тот самый проводок.

— А этих ребят нашли? — спросил Махсум.

— Нет, конечно.

— Повезло вам, — сказал чеченец. — Почему они вас не положили там на лестнице?

— Наверно, боялись, что шум поднимется. Я же говорю, там весь Союз крутился, лучшие сыщики. А ведь могли и положить.

Ковальский кивал задумчиво, похрустывая огурчиком, а потом сказал, что аквариум делу не поможет, что жизнь у них пустая и никчемная, и что это не случайно. Не случайно они попали в такую передрыгу. Почему-то те, кто обзавелся семьей, в такие передрыги не попадают. Они не только о себе думают, они не станут рисковать ради... Ради чего? На кой черт нам сдалась эта аппаратура? Что мы вообще тут делаем?

— Аппаратуры там не было, — сказал Махсум.

— А ты откуда знаешь?

— Про эту машину все знали. Последняя собака знала. Еще когда в Батуми с парохода ее выгружали, уже все знали про нее. Почему? Потому что набрали такую охрану, как будто Клинтон едет. Грузины, гардабанские, первые хотели ее гробануть. На руставской дороге тормознули, типа ГАИ. Какой ГАИ, слушай! Сразу пулемет работает. Положили всех, кто на дороге стоял, всю бригаду. Я тебе отвечаю, охрана была просто ядерная. Все думали, что там золотой запас везут, честное слово. А оказалась всякая ерунда.

Про гардабанских мне свой человек рассказал. Он в охране был. Мы с ним еще в девяносто первом «акээмы» из Турции возили через Баку...

— Откуда у турков АКМ? — перебил его Ковальский. — Они же члены НАТО. Разве что у курдов отбили. Что-то не верится. Курды ребята серьезные, оружие не бросают.

— Курды очень серьезные мужики, — согласился Махсум, — но стволы были не турецкие, а немецкие. Горбачев подарил немцам ГДР со всем барахлом. Немцы барахло туркам подарили, а турки нам. Кому они там нужны, у них все свое, натовское. А нам все давай, и все равно мало будет.

— Выпьем за то, чтобы у нас всего было много, — сказал Фикрет.

Панин чокнулся со всеми, но пить не стал.

— Значит, у тебя был свой человек в охране? Кстати, а все-таки, что за ерунда была в той машине?

— Три железных чамадана, — ответил Махсум. — Мне свой человек рассказал. Один чамадан с книжками и долларами. Примерно сто двадцать тысяч. И какие-то чеки. Их выбросили, а доллары по честному поделили на всех. Второй чамадан с большим калькулятором. Третий чамадан — складной компьютер. Короче, ерунда. Еще видеокамера была, да. Кассеты были, много кассет. Мы думали, там порнуха. Посмотрели — одни горы. Зачем горы на видео снимать? Никакого золота там не было.

— А как же станок, который доллары печатает?

— Не было станка. Большой калькулятор и складной компьютер, и все. Короче, пустой номер. Только мужиков зря положили.

— А теперь все гоняются за этим калькулятором, — сказал Панин. — Значит, на том складном компьютере есть что-то очень интересное, если за него могут отдать прокурора. Сколько стоит прокурор обычно?

— Я откуда знаю? — обиделся Махсум. — Я людей не ворую. Но миллион долларов могут дать.

— Вот видишь, — сказал Панин, — значит, тот калькулятор стоит миллион долларов.

— Правильно говоришь, — задумчиво сказал чеченец. — Если бы меньше миллиона, зачем так охранять, да? Слишком большая охрана была.

— Значит, не слишком большая, — сказал Ковальский, — если машина все-таки пропала. А как ее взяли-то?

— Взяли ее по-хитрому. — Махсум покрутил головой и налил себе сам, не дожидаясь тоста. — В прошлом году было. Масхадова уже никто не слушал. Как из Америки вернулся, закрылся на Ханкале, и сидел там. Чечню на зоны поделили. В Дарго — Хаттаб, в Гудермесе — Радуев, в Ведено — Шамиль Басаев. Кругом блокпосты, шмонают еще хуже, чем русские. В каждой деревне свой бригадный генерал. Машину как охраняли? Например, сто километров гелаевская бригада ее ведет по своей зоне, сто километров радуевская. За бабки, конечно. Бесплатно только могилу сам себе копаешь. Блокпосты были заплачены по всему маршруту. У машины пропуска были и чеченские, и российские, ДЭГЭБэ,¹⁰ МандЭВэ, ЁПэРэСэТэ, — проезд везде, по Ичкерии, по Грузии, по Дагестану, никакого досмотра.

Он вдруг остановился и оглядел собравшихся.

— Не отвлекайся, брат, — сказал Ковальский. — Нам-то все равно, кто ее брал. Интерес чисто технический.

— Чисто технически это было так, — продолжил Махсум. — Машина выходит из поселка, сворачивает на дорогу и сто метров едет до поворота. За поворотом блок. Охрана еще из поселка не выехала, пересчитывают бабки.

Эти сто метров до поворота «ниву» никто не видит. На дороге стоит «камаз». Около него «ваишник»¹¹ разбирается с водилой. Машет палкой, чтоб машина встала. В «ниве» думают, что это с блока «ваишник». У них бумаги хорошие, они тормозят. Один даже вышел, как баран. Из грузовика его кладут «винторезом»,¹² потом водителя. Моментом трап из кузова, убитого обратно в «ниву», ваишник за руль и по трапу — в «камаз». Я долго рассказываю, а там это за две секунды сделали. «Камаз» спокойно едет через блокпост, и прямой дорогой едет куда надо. У него тоже хорошие бумаги были.

— Красивая история, — сказал Ковальский. — Но над деталями еще работать и

¹⁰ ДГБ — дудаевский «департамент госбезопасности»

¹¹ ваишник — регулировщик ВАИ — Военной Автоинспекции

¹² «винторез» — бесшумная снайперская винтовка

работать. Если там вся дистанция была сто метров, а машина подъехала к снайперу еще ближе, как же он, бедный, стрелял? На таком расстоянии «винторез» не нужен, оптика только мешает. Лично я бы выбрал «стечкина» с глушителем.

— Тут тебе не базар, тут тебе война, — укоризненно сказал Махсум. — На базаре помидоры можешь выбирать сколько хочешь. На войне бери что дают. Потом, у «стечкина» патрон слабый. От «винтореза» знаешь, какие дырки? Голова как арбуз разлетелась. Хватит. Говорим много. Пойдем лучше покурим, не могу больше терпеть.

Они несколько раз выходили покурить. Над городом уже висели звезды, и светился тонкий, чисто турецкий полумесяц.

Иногда рядом с этим полумесяцем возникал второй, а то и третий, и Панин начинал энергично растирать уши, чтобы больше не пьянеть.

Глава 15

По местам боевой славы

Ковальский задремал за столом, сложив кулаки под щекой. Фикрет затащил водителя в пункт дегазации, раздел и поливал его из шланга. Панин рассеянно передвигал на столе остатки закуски, совершенствуя свою схему. Вдруг он оглянулся и спросил:

— А Махсум? Где он?

— Курить пошел с тобой, — пробормотал Сергеич, не открывая глаз. — Куряки. Лучше бы пива достали еще. Пить охота.

Через несколько минут Панин понял, что Муртазанов исчез, и убрал со стола помидор. Схема стала выглядеть не так живописно, но зато проще. Не было ни зажигалки, ни помидора, ни луковых стрелок. Только пара огурчиков в окружении чесночной шелухи.

— Сергеич, подъем, — сказал он.

— Не моя смена, — отрезал спящий Ковальский. — С двух часов заступаю. По московскому времени.

— Подъем, тревога. Заложник сбежал.

Ковальский поднял голову, протер кулаками глаза и сказал:

— Далеко не уйдет. Найдем по следу. Он ствол захватил?

— Естественно.

— Значит, не пропадет, — сказал Ковальский. — Пойдем, поищем. А то опять вляпается в историю.

— Вы куда? — спросил Фикрет.

— Скоро придем, — успокоил его Панин. — Может, он свалился тут поблизости где-нибудь. Пил же наравне с нами.

Он и сам заметил логическую уязвимость этой фразы. Из нее следовало, что они тоже должны свалиться где-нибудь поблизости. Но они не свалились. Спотыкаться спотыкались, это было. Но чтобы свалиться? Они шагали по шпалам, перелезали через забор, на четвереньках пробирались под трубопроводами и вышли, наконец, на асфальт. Ветер шумел в голых кронах деревьев. Цепочка фонарей освещала пустую улицу.

— Постой, надо привести себя в порядок, — сказал Вадим. — Мы уже в черте города. Здесь очень важно выглядеть прилично.

— Ну и как я выгляжу? — спросил Ковальский, пригладив усы.

Вадим отлепил от его плаща шматок рубероида, отряхнул песок, носовым платком стер со спины известковое пятно. Потом попросил осмотреть себя. И тут же пожалел об этом, подвергнувшись энергичным шлепкам и потряхиваниям.

— Хорошо, — заключил Сергеич, поставив его на асфальт. — Просто король паркета.

Если не считать домов с темными окнами и закрытых магазинов, город начинался с павильончика, над которым горела неоновая вывеска «КАФЕ». Внутри было светло и тепло,

по крайней мере, здесь не было пронизывающего ветра.

За одним из столиков сидели трое ночных прожигателей жизни, они пили чай и курили одну сигарету по очереди. Нежная мелодия лилась из радиолы — гитара, кларнет, восточные барабаны...

Сергеич устроился на шатком стуле, а Вадим подошел к стойке. Прожигатели жизни даже не повернулись в его сторону. Им было хорошо. Из-за стойки поднялся старик в когда-то белой куртке чайханщика.

Панин немного понимал по-азербайджански, но говорить стеснялся. Тем более сейчас, когда ему совсем необязательно было показывать свои познания, а потом объяснять их происхождение.

— Добрый вечер, — сказал он и услышал, что прожигатели жизни заскрипели своими стульями. — Вода есть?

— Есть.

— Бадамлы?

— Нарзан.

— Жаль, — сказал Вадим. — Две бутылочки нарзана. Русские деньги берете?

— Пятьдесят рублей.

— Спасибо.

— Садись, — сказал чайханщик. — Сейчас будет вода.

Он подсел к Сергеичу. За соседним столиком слышались приглушенные голоса.

— Я воду заказал, — отчитался Вадим.

— Про Махсума не спрашивал?

— Рано еще. Надо контакт установить с населением.

— По-моему, население уже не способно контактировать, — сказал Ковальский.

Чайханщик принес две бутылки кисловодского нарзана, хрустальную пепельницу, стаканы тонкого стекла и тарелку с зеленью и мелко нарезанной сухой брынзой.

Вадим разлил воду по стаканам, и за соседним столиком кто-то засмеялся, а кто-то разочарованно промычал. Он оглянулся.

Один из прожигателей, смеясь, щелкнул по носу другого. А третий, краснолицый толстяк в плюшевой кепке, сказал:

— Они спорили, да. Что вы будете водку пить.

— На сегодня хватит, — сказал Панин.

— Россия-матушка? — спросил толстяк.

— Она самая.

Прожигатели заговорили между собой. Глядя через стеклянную стену, Вадим увидел, что по улице катит полицейский «жигуль». Он толкнул ногой Сергеича под столом и тихо спросил:

— Как насчет сопротивления властям?

— Это смотря какие власти.

— Власти тут специфические. С ними надо повежливее. Здесь вообще очень ценят вежливость, — сказал Вадим. — И знакомства. Может, еще кто-то меня помнит. Это может пригодиться.

— Или наоборот, — заметил Ковальский.

— Но ты все-таки не горячись, если что.

Машина медленно проехала мимо чайханы, и прожигатели заговорили громче. Один из них сказал:

— Я извиняюсь, братишки. Вы откуда «бадамлы» знаете?

— А что такого? — Вадим повернулся к нему, дружелюбно улыбаясь. — Хорошая минеральная вода. Раньше продавалась у нас в аптеках. Лучше всяких нарзанов и «эссенуков».

— Конечно, лучше, — сказал толстяк. — Бадамлы это супер. Первый место в мире.

Панин увидел, что чайханщик смотрит на него из-за стойки и незаметно манит

пальцем. Он встал и подошел к нему, доставая деньги.

— Хорошая музыка. Турецкая, да? Можно у вас разменять рубли на местные?

Чайханщик кивнул и повернул ручку радиолы, прибавляя звук. Пересчитывая десятки Вадима, он проговорил, не шевеля губами: «Долго не сиди. Они под планом.¹³ К кому приехали?» «В командировку», — ответил Вадим, разглядывая портреты на манатах. «Тут ищут кого-то. Сегодня спрашивали. Им надо два русских. Осторожно ходи».

— Спасибо, — сказал Вадим. — А сюда не заходил наш товарищ? Пошел за водой и пропал. Такой высокий, в кожаной куртке.

— Давно?

— С полчасика назад.

— Не заходил.

— Он не русский, — сказал Панин. — Чеченец.

— Все равно не заходил. Никто не заходил.

— Ну, пойдем дальше искать.

— Э, зачем пойдем, зачем искать? Сам придет, куда он денется? — сказали за столиком. — Вы уже хорошие, не надо никуда ходить. Мы тоже хорошие, сидим, никуда не идем уже. Расскажи лучше, как там Питер? Как мосты, еще разводят? Я видел, как разводят. Это супер.

— Питер стоит, еще держится, — сказал Сергеич.

— Никуда не ходи, расскажи, как сейчас русские живут без нашей нефти. Зачем нас бросили, все уехали? Кто вам что-нибудь плохое делал? — все более обиженным тоном говорил худой прожигатель жизни.

— Не слушай его, — сказал толстяк в плюшевой кепке. — Все его друзья алкаши уехали, он скучает. Друзья, да.

— Без друзей нельзя, — сказал Ковальский. — С друзьями надо встречаться, хотя бы раз в десять лет, но надо.

— Мне хорошо, — сказал толстяк. — Мои друзья в Москве. Везу туда гвоздики, всегда меня встречают. Я им говорю, приезжайте. Нет, боятся. Война, говорят. Э. Где война? Какая война? Слушай, когда все поправится?

— Когда-нибудь поправится. Обязательно поправится.

— Почему так говоришь? — спросил худой.

— Потому что Волга впадает в Каспийское море.

Входная дверь распахнулась, и ветер зашевелил бахрому вокруг входа, зазвенел висячими стекляшками светильников. На пороге стояли два милиционера. Вадим знал, что теперь их называют полицией, но это были почти те же самые милиционеры, с которыми он когда-то обходил места погромов и убийств. Не в меру упитанные и не так давно брившиеся в последний раз. В глазах их застыл мучительный вопрос — ну почему они должны шататься по ночам, когда все их естество тянется к мягкой подушке?

Один из них поздоровался и вошел в чайхану, второй остался на пороге, со скучающим видом разглядывая настенный календарь турецких авиалиний.

Милиционер купил пачку сигарет, распечатал ее и тут же закурил. Сергеич поморщился и отпил воды.

Второй милиционер отвлекся от календаря и что-то спросил у чайханщика. Чайханщик отрицательно покачал головой.

Милиционеры вышли, прикрыв за собой дверь. За углом хлопнули дверцы машины, затарахтел разношенный мотор.

— Опять кого-то ищут, — сказал толстяк. — Какие-то приезжие бандиты кого-то застрелили. Не здесь, там, в Баку. Криминогенный обстановка совсем плохой стал. Там, в Баку.

¹³ «под планом» — накурились анаши

— А у вас? Как у вас с этим делом? — спросил Вадим.

— Э, у нас совсем другой город. У нас свой закон. Все друг-друг знаем. Даже на блядки нельзя ходить, все раньше тебя знают, куда пошел.

Панин заметил, что пальцы толстяка густо украшены татуировками, и понял, откуда тот так сносно владеет русским.

— Как-то странно они ищут, — сказал Сергеич. — Я уже собрался документы показывать.

— Зачем документы, — сказал толстяк. — По человеку видно.

— Видно, да, — сказал худой прожигатель жизни. — Видно, какой документ ты им показывать будешь. Фамилия «макаров», да.

Все сдержанно посмеялись, и толстяк хлопнул худого по подставленной ладони.

— Спасибо за компанию, — сказал Вадим, вставая, — но все-таки надо товарища найти. Если он сюда зайдет, скажите, что мы ждем его дома.

— Знаем твой товарищ, да, — сказал худой. — Фамилия «калашников».

Развитие темы вызвало более бурный смех аудитории. Начинало сказываться специфическое воздействие анаши, и смех становился неудержимым.

Они вышли на улицу, и ветер принялся хлопать полами их плащей. Уворачиваясь от ветра, Вадим сказал:

— Не догоним мы его. Скорее всего, он уже далеко. Тормознул машину и уехал.

— Ну и хрен с ним. Одной проблемой меньше.

— Неохота возвращаться, — сказал Вадим. — Давай прогуляемся. Тут недалеко.

Ковальский огляделся. Он явно не одобрял эту затею.

— Не волнуйся, — сказал Вадим. — Сумгаитцы никогда не сдадут нас бакинцам. В крайнем случае, сами зарежут. Но ни один сумгаитский милиционер не станет рисковать жизнью и пытаться задержать опасных вооруженных преступников по просьбе бакинского начальства.

Подняв воротники, они шагали по темным аллеям, и Вадим рассказывал Сергеичу о вечном противостоянии двух городов. Возраст Баку превышал полторы тысячи лет, а Сумгаит появился на карте всего-то лет пятьдесят назад, но противостояние это было вечным. Хотя бы потому, что в сумгаитцы попали жители прибрежных браконьерских поселков, а поселки эти были известны еще древним арабам как места добычи икры, когда еще и Баку-то не было. И Фикрет, между прочим, из такого же поселка, и все его предки добывали осетра, и всегда это было браконьерством.

Он немного преувеличивал, отчасти под влиянием выпитого, отчасти чтобы заинтриговать слушателя. Сергеичу были бы неинтересны законопослушные предки.

Они вошли в темный двор. Вадим остановился, разглядывая окна на третьем этаже.

— Все, пошли обратно, — сказал он наконец.

— Ты здесь жил?

— Мог бы жить. Если б женился. Но не успел.

— Ты собирался жениться на азербайджанке?

— У нее мать русская.

— Хочешь зайти к ней?

— Она здесь больше не живет.

— Морем пахнет, — сказал Сергеич.

— Здесь близко. Хочешь, сходим?

— Холодно.

— А у меня с собой есть, — сказал Вадим и похлопал по карманам плаща. — Согреемся.

Ковальский только руками развел. Они дворами выбрались на набережную, постояли за углом, пропуская одинокую машину, и перебежали через освещенную улицу. Перемахнув через кусты, они спустились по песчаному склону между сосен, перебрались через какие-то трубы, промочили ноги, напугали бродячих собак и в конце концов устроились на пляжной

скамейке недалеко от воды. Странно, но здесь не было ветра. Наверно, его гасили волны.

Бутылку и пару огурцов Вадим захватил с собой почти машинально. Опыт совместной работы с К.С. Ковальским приучил его всегда иметь аварийный запас выпивки на тот случай, если шефу покажется, что необходимо добавить.

А таких случаев в последнее время было все больше. Впрочем, добавлять приходилось совсем немного. Иногда хватало одной стопки, чтобы объявить, наконец, торжественный вечер закрытым и рухнуть в чью-нибудь постель. Эту постель тоже приходилось организовывать Панину. В пьяном виде Сергеич женщин стеснялся, но, опохмелившись, кидался на каждую. И в обязанности заместителя входило недопущение случайных связей. В его блокноте было два десятка телефонов, обведенных розовым фломастером.

Чем кончится сегодняшнее мероприятие, предугадать было трудно. Вадим то и дело вспоминал, что они находятся на сопредельной территории без малейшего прикрытия, и начинал оглядываться. Ковальский сидел на песке, привалившись спиной к скамейке, и кидал ракушки в набегающие волны. «Чего замолчал?», спрашивал он, выводя Панина из приступа панической бдительности, и Вадим продолжал рассказывать, почему он так и не женился на единственной любимой женщине. «А я думал, ты был женат. Ты же развелся?» «Развелся. Но с другой»...

Иногда все происходящее казалось ему сном. Наверно, потому, что ему часто снилось возвращение сюда, к этому городу, к этому песку и морю. И в этих снах все происходило ночью.

Ночь — наша, говорила Рена. Днем ты принадлежишь работе, вечером — друзьям, ночью ты только мой.

Как мало было этих ночей... И как много было потом других.

И начиналось это тоже ночью. Это была новогодняя ночь. Жена не прилетела из Питера. Просто не захотела. И он, сменившись с дежурства в 23.00, собрался ехать в свою пустую квартиру на окраине, выпить самого советского шампанского перед самым цветным телевизором, да и отоспаться за весь год и на год вперед. Но автобус выбился из графика, и в 23.45 Панин еще был на другом конце города. Такой иллюминации он прежде не видел. В домах не было ни одного темного окна. Во дворах горели костры, и пахло шашлыками. Кто-то уже кричал «ура», наверно, встретив Новый Год по ташкентскому времени. И Вадим не выдержал, свернул во двор и взбежал по лестнице. Здесь жил его друг, и за столом нашлось место, и штрафная рюмка домашнего коньяка была вручена ему, как своему, со словами «Вур, бизе чат!», что означало «Пей, догоняй нас!». И он догнал, и перегнал, и был новый год бакинский, а потом московский, и была женщина, с которой так приятно просто сидеть рядом, а еще приятнее танцевать, и даже мыть посуду с ней было приятно. А через пару дней какая-то незнакомка поздоровалась с ним на улице, улыбаясь. Улыбка вспыхнула и сразу погасла, и ее лицо окаменело высокомерно, как только она поняла, что ее не узнали. И ему пришлось оборвать разговор с агентом, и бежать за ней, и долго путано объясняться, и только охалка нарциссов слегка поправила положение. И на каждой следующей встрече Вадим просто старался загладить свою вину.

Однажды он устроил новоселье. Квартиру-то он получил давно, но все ждал жену, чтобы начать обустройство. Не дождался, устроился сам, и созвал друзей, давно намекавших на недопустимость пренебрежения традициями. Все пришли с женами. Вадим был с Реной. Ее торт заткнул рты даже самых строгих моралистов.

В отпуск он слетал в Ленинград, выдержал там три дня и вернулся к Рене. Надо было разводиться. Но жена считала, что развод помешает его карьере. Рена тоже так считала.

Карьере капитана Панина помешало совсем другое. Для чекистов началась война, и он носился по фронтам, выдерживая из-под огня женщин и детей, оставляя мужиков разбираться между собой, не в силах помешать этому. Он писал Рене, она не отвечала. Его контору придавили, Железного Феликса опрокинула мутная волна. В один из тех смутных дней Вадим пришел домой с мешком документов, которые надо было сжечь, с запасными паспортами и табельным стволом под мышкой, готовый к переходу на нелегальное

положение, если все пойдет по немецкому сценарию. Ему совсем не хотелось повторить судьбу гэдээровских товарищей, преданных всеми. Жена что-то твердила про мебельный магазин, где надо было *выкупать* гарнитур. Он тупо посмотрел на нее. Выкупать? Ему приходилось выкупать трупы. «Нам надо срочно развестись, — сказал он. — Развод и девичья фамилия. С моей фамилией теперь тебе будет трудно». Это подействовало, и она все сделала сама, быстро и четко.

На следующий же день после развода он дозвонился до Сумгаита, и его друг Вагиф, запинаясь, пригласил его на свадьбу. Панин извинился, что не может приехать, и Вагиф не стал настаивать. «Ты только не говори ей, что я звонил», попросил Вадим. «Понял, шеф, — сказал Вагиф. — Ты только не обижайся, шеф. Такая жизнь. Ей тоже надо жить. Мне тоже надо жить. Всем надо жить».

— Черт, Димка, я никогда не видел тебя таким пьяным, — сказал Сергеич, пытаясь подняться с песка. — Давай искупаемся.

Вода оказалась теплее, чем можно было ожидать от начала марта. Ковальский шагал впереди, отсвечивая белой задницей. Волны с шипением и плеском разбивались об него, обдавая Вадима ледяными брызгами. Песчаное дно было твердым и ребристым, иногда под ногу попадался камень, обросший скользкой травой. Вадим не выдержал и нырнул, чтобы спрятаться от холодного ветра, а потом плыл, задевая дно кончиками пальцев. Где-то рядом в темноте пыхтел и отплевывался Сергеич.

Потом они бегали вдоль прибоя, чтобы обсохнуть. Согрелись остатками водки, оделись, так и не избавившись от песка, и торопливо покинули пляж. Поднимаясь по склону парка, Вадим оглянулся. Над морем уже пролегла мутно-розовая полоса рассвета. Ковальский тоже оглянулся и сказал:

— Вторую ночь гудим. Хорош, пора браться за дело. Димка, начинай обдумывать план.

Это прозвучало самокритично, бодро и конструктивно. Вадим честно попытался собраться с мыслями и набросать план действий. Но мысли отказывались собираться, и план не набрасывался. Пока все шло само собой, и получалось неплохо. Их хотели убить, но они остались живы. Их приказали поймать, но они остались на свободе. Обкуренные уголовники в ночной забегаловке могли пырнуть их ножом, но не пырнули. Ныряя в ночное море, они могли разбить башку об камни, но не разбили.

— План такой, — сказал Панин. — Добраться до койки и спать, спать и спать. Утро вечера мудренее.

— А если мы вечером проснемся?

— А вечернее утро еще мудренее.

Так и получилось. Они проснулись вечером, и увидели новых людей за столом. С ними был и Махсум. Новые люди пили чай и тихо переговаривались. Муртазанов сказал:

— Садитесь, мужики, чай пить будем. Потом этим козлам звонить будем. По серьезному говорить будем.

ЧАСТЬ III

«НЕ ПРЕДЪЯВЛЯЙТЕ СВОИ ДОКУМЕНТЫ»

Глава 16

Система Станиславского

Когда Клейн скрылся за углом дома, Степан Зубов огляделся и зашел в чайхану. Он занял свободный столик, поставив тяжелую сумку под стул. Пока он рылся в сумке, перекладывая вещи поудобнее, на столике откуда-то появился чайник и стаканчик с блюдцем.

Чай был настоящий — вишневого цвета и с запахом южной ночи. Зубов посмотрел на часы. Прошло только три минуты.

— Свободно?

Он машинально кивнул, и за столиком устроился человек в кожаной куртке. Русский, грузный, лет сорока. Не местный. Он тоже был с большой сумкой, и устроил он ее так же, как и Зубов, под стулом, потом пригладил ладонью короткие седые волосы и оглянулся. Степан Зубов и не оглядываясь знал, что за спиной у него сидят какие-то старики, а слева и справа есть два свободных столика. «Почему он подсел ко мне?», подумал Зубов. «Наверно, распознал приезжего. Надо было отшить его, но уже поздно». Бесшумно подлетел чайханщик и поставил на стол еще один чайник со стаканом.

— Ваши собираются в автобусе, — сказал чайханщик, протирая стол.

— Спасибо, сейчас пойдем, — сказал седой и повернулся к Зубову. — Не могу я местный чай пить. Люблю, но пить не могу. Беда. Вкус, запах, все нормально. Но после первого стакана режет в желудке, и все.

— А мне нравится, — сказал Зубов.

— Ну, пей, пей, — сказал седой.

Он встал, вытянул из-под стула свою сумку, в которой глухо брякнул металл, и вышел, оглянувшись на Зубова.

Через семь минут Зубов и чайханщик совершили несложную валютную операцию. Еще через две минуты Зубов вышел из чайханы и остановился за углом, неторопливо прикуривая.

Сигары он оставил у Марины. Сигара вещь домашняя, а в дорогу лучше брать сигареты. Не жалко выбросить, не докурив.

С Клейном они договорились — если что, разбегаемся. Пробиваемся поодиночке. Место сбора там-то и там-то, по таким-то дням, таким-то часам.

Если враги все-таки вычислили Рену, они вполне могли устроить у нее засаду. На этот случай Клейн и послал к ней своего человека. Человек надежный. Но не всемогущий. Так вот, если все-таки будет засада, то здесь уже никто не поможет. Значит, действуют такие структуры, что шансов нет. И остается только разбежаться, пробиваться, добираться до места сбора и ждать, ждать, ждать.

И вот прошло ровно пятнадцать минут, и Клейн не вышел из дома Рены. Зубов постоял на углу, прикуривая и незаметно оглядываясь. Штрафная минута. Он отметил «ауди» с водителем, читающим в темноте, и микроавтобус на тротуаре — зеленый «транспортёр».

Зажигалка, наконец, перестала стрелять искорками, выдала язычок пламени, и сигарета занялась. Больше стоять нельзя. Он поднял тяжелую сумку и пошел вперед, не оглядываясь. Всё. Надо уходить.

Между домами, на выезде из двора, стоял автобус — серый ПАЗ с черной полосой по борту и с занавесками на окнах. Передняя дверь была открыта, и на подножке стоял человек в камуфляже типа «камыш». Заметив Зубова, он что-то сказал кому-то внутри автобуса, кивнул и сошел с подножки, оглядывая безлюдную улицу. Был он невысоким и плотным, шея шире головы, руки дугой. Типичный борец-тяжеловес. И двигался он по-борцовски мягко, чуть подав плечи вперед.

«Федотов?» Зубов чуть не выронил сумку от удивления и радости, но тут же очнулся. Человек, похожий на прапорщика Федотова, был моложе Зубова. А Федотову сейчас должно бы исполниться пятьдесят пять... Прапорщик Федотов пришел в спецназ из пограничников. Несмотря на борцовскую комплекцию, он был непревзойденным мастером горной подготовки и на занятиях беспощадно гонял молодняк по скалам, не различая званий, должностей и наград. После войны он уволился и уехал к себе в Душанбе.

Нет, это не Федотов. Тяжеловат, сутулится. И этот камуфляж...

В годы службы у Зубова такого камуфляжа не было. На боевые они надевали пропыленные робы, случалось работать и в халате с чалмой, но в расположении спецназовцы ходили в простом мотострелковом «хэбэ». Пятнистая «эксперименталка» была привилегией прилетающего начальства. С тех пор у него выработалась стойкая неприязнь к тем, кто в

мирной жизни носит всякие камуфляжи или, к примеру, высокие ботинки-берцы.

Но, похоже, этот Камыш жил не самой мирной жизнью.

— Сюда, сюда, — приказал он, глядя на Зубова.

«Засада», подумал Степан Зубов, и повеселел. В чайхане он успел переложить косметичку с кольцом из сумки под плащ. А в нагрудном кармане жилета лежал его маленький ПСМ. И если это и в самом деле засада, то ему сейчас предстоит более веселое занятие, чем разбегаться, пробиваться и уходить на дно.

Из автобуса выглянул еще один, и Зубов признал в нем седого, который только что ненадолго подсел к нему в чайхане.

Уже двое, считал Зубов. Кажется, еще один за рулем. «Троих кладу на месте. Уходить буду через двор», решил он, увидев, что между домами просвечивают фонари параллельной улицы и виднеются кроны деревьев.

— Ну чего так долго, — недовольно сказал Камыш Зубову. — Вы сюда не чай пить приехали.

Зубов перехватил сумку левой рукой, а правую встряхнул, расслабляя пальцы.

— Сумку в автобус, — сказал Камыш, — а сам вон туда. Держать угол. Кто побежит — задерживать. Но без шума. Может быть женщина с ребенком, может быть один ребенок. Если бежит мужик, он может быть вооружен, его не трогать. Позовешь нас и дуй за ним, но осторожно. Вопросы есть?

Команда «дуй» была одной из неуставных команд прапорщика Федотова. И Зубов еще раз подивился сходству. Он молча закинул сумку на плечо и пошел на указанный угол. Камыш проговорил ему вдогонку:

— Сумку-то оставь. Вот куркуль...

«Они меня за своего приняли, — подумал Степан. — Хорошее начало. Подыграть им, что ли по системе Станиславского?». На углу он обнаружил столбик со знаком автобусной остановки. Грамотно, отметил Зубов. Стоит себе запоздалый пассажир, ожидает автобуса. Интересно, здесь и в самом деле остановка, или они этот столбик сами установили?

Отсюда ему было видно часть дома, в котором скрылся Клейн. Улица, на которой стоял Зубов, огибала скверик с густыми кустами, скамейками, кипарисами и соснами — хорошее прикрытие от пушечных пуль. А за киоском можно и остановиться, чтобы расстрелять преследователей, когда они будут продираться через кусты. Парочка сидит на скамейке. Ну, нашли местечко... Парень-то должен сообразить, что делать при стрельбе? На всякий случай надо будет встать левее, чтобы не задеть их...

Он все рассчитал, но расчеты не понадобились. Захлопали дверцы машин. Зачихал, заводясь, мотор автобуса. Камыш выскочил из-за угла и махнул ему: «Сюда!»

Из дома вышли двое в сером камуфляже, встали спиной к выходу. Вывели Клейна. Руки его были свободны, но он не пытался убежать. Подлетела белая машина, Клейн сел на заднее сиденье вместе с двумя охранниками.

Времени на размышления не оставалось. Позиция была удобной, а вот сил маловато. Сейчас белая машина с Графом повернет на эту улицу и проедет мимо меня, рассчитывал Зубов. Стреляю в водителя из кольца. Охрана выскакивает из машины. Должна выскочить. Кладу дальнего, пока он не спрятался за машину, а от ближнего прячусь за скамейку, он выдвигается, кладу его наверняка. Граф уже за рулем, подбирает меня, я на заднем сиденье отстреливаюсь от автобуса с Камышом и «седым». Хватит попадания в радиатор.

Этот расчет занял в его мозгу ровно столько времени, сколько надо, чтобы сунуть руку под куртку и нащупать рукоятку кольца. Но этого времени хватило и на то, чтобы увидеть, как из подъезда выходят еще какие-то люди, и как они на ходу заскакивают в подкативший «транспортёр».

Отставить, скомандовал Зубов с досадой.

Автобус с занавесками на окнах вырулил из-за угла. На подножке стоял Камыш.

— Ну ты что, заснул? — крикнул он Зубову.

«По крайней мере, буду держаться поближе к Графу. Пока они не разобрались. А

разберутся — им же хуже будет», решил Зубов. Он спрятал кольт обратно за пояс, подхватил сумку и побежал, догоняя автобус. Задняя дверь раздвинулась, он закинул туда сумку и запрыгнул сам.

Внутри было довольно просторно. Вместо обычных сидений в салоне были две лавки вдоль стен, а в проходе, на оцинкованном полу стояли спортивные сумки, такие же, как у Зубова. Он насчитал двенадцать сумок. Усмехнувшись, добавил свою. Пусть будет тринадцать.

На лавках сидели двое. «Седой», любитель местного чая. Второго Зубов обозначил Щуплым. Он был узкоплечий и сутулый, в длинном вязаном свитере и в большой кепке типа «аэродром».

Водителя не было видно за переборкой. Камыш был четвертым противником.

Щуплый привстал и полез в карман, задрав свитер. Зубов увидел у него сзади на поясе кобуру.

— Не курить в машине! — сказал Камыш.

— Да я осторожно, — по-южному протянул Щуплый.

— Сдать сигареты, — сказал Камыш. — Всех касается.

Зубов кинул свою полупустую пачку в проход. Щуплый, сокрушенно поцокав языком, вертел в руках нераспечатанную пачку «Мальборо», но сдавать ее не спешил.

— Вы опоздали, — сказал Камыш, — так что полный инструктаж потом получите. Сейчас ситуация такая. Собрались не все. Народу не хватает, поэтому каждому придется выкладываться на все сто, а то и двести процентов. Группы по три человека. Старший из местных. Полное подчинение. Никаких вопросов. Прикажут прыгать с десятого этажа — прыгать, и все дела. Все будет заплачено. Поэтому прыгать надо с умом, так, чтобы получить свои деньги. Ну, не мне вас учить. Вопросы есть?

— Что будем делать? — спросил «седой».

— Там скажут. По первому варианту должны были разбежаться по адресам. Надо было снять информацию, куда ехать на захват. Весь день тут торчим, с самого утра. Народ подтягивается, сука, с миру по нитке, по чайной ложке. Боялся, что по одиночке придется на засаду идти. Но птичка припозднилась, и мы теперь в полном комплекте.

— А делать-то что? — не унимался «седой». — Задача есть?

— Будет вам задача, мужики, будет. Птичка упертая попалась, будем колоть ее по серьезному. Теперь все едем на фазенду. Как только снимем информацию, получим задачу. Еще вопросы есть?

— Опять двадцать пять. Почему курить-то нельзя? — спросил Щуплый.

— На дурацкие вопросы не отвечаю. Еще вопросы есть?

— А я ведь обидеться могу, — сказал Щуплый. — Переживать начну, нервничать. Пальчики дрожать начнут. Вам всей толпой придется меня успокаивать. Так что хамить-то мне не надо.

— Тебя «хранители» прислали? — спросил Камыш.

— Есть такая буква, — сказал Щуплый.

— Я тебя другим представлял. Извини. Можешь курить, если очень хочется. Но только сядь в корме, если не трудно. Подальше от сумок, пожалуйста.

Щуплый перебрался назад и распечатал пачку. Но закурить ему не удалось. Автобус резко затормозил. Зубов откинул занавеску и выглянул в окно.

Он увидел «транспортёр», который остановился, выехав поперек тротуара. Из проема откатившейся двери вывалился человек, за ним второй. Первый остался лежать, раскинув руки, а второй побежал по улице. Он пронесся мимо автобуса, и Зубов увидел, что его черная рубашка порвана на спине. В руке у него был зажат нож, и короткое лезвие сверкнуло, когда он пробежал под фонарем.

— Гасить! — сказал Камыш и кинулся к задней стенке автобуса.

Он схватился за рукоять, потянул, и задняя стенка откинулась вверх. Щуплый по-змеиному выскользнул из автобуса.

Человек в черной рубашке успел сделать несколько шагов. Что-то щелкнуло, и он споткнулся, взмахнул руками. Нож вылетел, звонко ударился об асфальт и скользнул вперед. А человек, еще бесполезно перебирая ногами, все падал и падал и вдруг замер.

— Контрольный! — сказал Камыш.

Тело человека в черной рубашке последний раз дернулось на асфальте, и Щуплый забрался обратно в автобус, держа дымящийся пистолет стволом вверх.

— Подберем, — сказал Камыш.

Автобус попятился назад. К убитому подбежали двое в камуфляже. Подняв тело за руки и за ноги, они раскачали и забросили его в задний люк автобуса. Один из них подобрал туфли, которые валялись на дороге, второй сбегал за ножом, и на асфальте не осталось ничего, кроме пары блестящих лужиц.

— Сдвинь сумки, только осторожно, — сказал Камыш Зубову. — Освободи место для гостя.

«Седой» вытянул из-под лавки брезент и накрыл им тело. Зубов услышал, как он проговорил вполголоса: «Ну что, добежался...»

Щуплый остался сидеть на краю лавки у задней стенки автобуса. Он курил, ссутулившись, с видом смертельной усталости опираясь локтями о колени и свесив голову. Рукоятка пистолета выпирала под свитером сзади.

Этого надо убирать первым, решил Зубов. Не знаю, на что способны остальные, но этот себя уже показал.

Он пересел на другой конец лавки. Теперь все трое противников были слева от него, а водитель справа. Если они и успеют открыть огонь, то будут стараться не задеть водителя, и это может им помешать. Не засадить бы пулю в сумки. Судя по всему, там может быть взрывчатка.

— Что, покойников боишься? — спросил Камыш, по своему поняв его перемещение.

— Ужас как боюсь, — Зубов пожал плечами.

Камыш раскрыл блокнот, щелкнул ручкой и сказал:

— Ну что, больше никто не подтянется, я думаю. Записываю последних.

Щуплый поплевал на сигарету, бросил окурочок на оцинкованный пол и раздавил его ногой. Порывшись под свитером, он достал красную книжечку. Камыш переписал в блокнот:

— Ассоциация «Хранитель»... Так, следующий.

Следующим был «седой». Он тоже предъявил удостоверение охранника. Камыш повернулся к Зубову.

Степан Зубов расстегнул плащ и вытащил из-за пояса косметичку. Потянул молнию. Запустил ладонь внутрь.

Пальцы его наткнулись на твердую гладкую книжечку.

Отвлекающий маневр? Почему бы не попробовать...

Он вытащил удостоверение и передал его Камышу. Рука вернулась в косметичку и обхватила рукоять кольца.

— О-Пэ «Мурена», город Балашиха, — прочитал Камыш и сделал запись в блокноте. — Побрейся, Петров, а то сам на себя не похож.

Зубов невольно провел рукой по подбородку.

— Так, эти бумажки вам больше не понадобятся. На фазенде получите новые. Теперь вы работаете в охранной компании «Туранбуран Протект». Получите форму и «кипарисы».

— «Кипарис»? На фига мне эта пукалка? — спросил «седой». — У меня своя «тотошка», родная.

— А у тебя там что? — спросил Камыш у Зубова, показывая на косметичку.

— Кольт.

— Парк юрского периода, — засмеялся Щуплый. — Отцы, вы бы еще «максим» притаранили, или там ППШ.

— Ладно, — махнул рукой Камыш. — Можете таскать железяки с собой, но «кипарисы» все равно получите. Порядок есть порядок. На сегодня работы больше не будет.

Мыться, бриться, отдыхать. Так, еще. Запоминайте свои позывные. Это не только для рации. В общении тоже, обращаться только по позывным. «Хранитель», ты будешь Закир. Ты будешь Нури. Петров, ты — Рамазан. Запомнили?

— Легко, — сказал Степан Зубов. — Я Рамазан.

Глава 17

Графа учат жизни

Шалаков сидел рядом с водителем, повернувшись назад и положив локоть на спинку сиденья, и говорил. Он говорил непрерывно с того самого момента, когда Клейн перешагнул порог.

Сейчас, сидя между конвоирами и слушая быструю и уверенную речь Шалакова, полковник Клейн удивлялся все больше и больше. Это был совсем другой Шалаков. Мало того, что трезвый. Он еще и рассуждал, и аргументировал, и даже немного смущался, поучая.

— Все ваши проблемы, Герман Иванович, от того, что вы не умеете подбирать себе достойных друзей. Вы меня, конечно, извините. Но в вашем положении, при вашем авторитете, при вашем высочайшем статусе внутри холдинга, как мне представляется, не следовало окружать себя типичными маргиналами. Ведь их поведение непредсказуемо, потому что нет устоев. Устоев нет, понимаете? В результате мы имеем то, что имеем. И где теперь их искать, становится просто неразрешимой задачей, особенно учитывая вашу позицию в этом вопросе. Мне только остается надеяться, что ваша позиция может измениться. Вы же не хотите довести нас до экстремальных каких-то решений?

— Моя позиция вам известна, — сказал Клейн. — Я вашим вчера уже все сказал, а повторяться я не люблю.

— Вчера? Это было так давно, — протянул Шалаков. — С тех пор много изменилось в этом мире. Кто-то родился, а кто-то, знаете, умер. Мир меняется, меняются и наши позиции. Это так естественно. Тем более, что вчера мы были крайне ограничены во времени и в средствах. А сегодня эти ограничения сняты. Здесь у нас хорошие специалисты. Пара уколов, и все. Вы будете говорить, говорить, говорить, а мы будем терпеливо слушать, пока вы, наконец, не скажете то, чего мы ждем.

— Это займет много времени. Очень много.

— Ничего, мы подождем.

«Пара уколов? — подумал Клейн. — Знаем мы вашу пару уколов. Тот, кто остается живым после этих уколов, жалеет, что выжил. У меня здоровое сердце, нормальная печень. Я останусь живым. Это плохо. Зато смогу наговорить такого бреда, что им до конца жизни не распутать. Пара уколов...»

— Как вы узнали, где меня ждать? — спросил он. — И вообще, вы же думали, что я сгорел.

— Мы так не думали, — сказал Шалаков. — Ваша смерть, знаете, не входит в наши планы. По плану вам полагалось остаться живым и ехать в Баку, несмотря на запрет Президента.

— Что я и сделал, как последний идиот...

— Да нет, вполне нормальный ход. Если бы мы вас не подтолкнули, вы бы так и сидели дома и звонили бы в город Баку. Вы же никогда не нарушаете приказы начальства, так? Как видите, все было рассчитано на психологическом уровне.

— И кто же это рассчитал?

— Специалисты, — ответил Шалаков. — У нас все делают специалисты. Было бы время, мы бы сняли информацию прямо у вас дома. Но вы сразу показали, что с вами придется возиться. А возиться было уже некогда. И было принято решение вас использовать. Правда, мы вас потеряли на какое-то время. Наверно, вы летели через Москву, да? Как же я

сразу не догадался... Впрочем, важен конечный результат, а он положительный. Для нас.

«Вранье, — решил Клейн. — Врет Мишаня. Тоже мне, психологи. Вся их психологическая работа — окружить мой труп признаками депрессии. Картину создать для ментов. Пришел уволенный начбез домой, напился с горя, заснул с сигаретой и сгорел. А другая пара *психологов* имитировала ограбление Зубова. Ромку тоже, наверно, как-то хотели *психологически* обставить, да он не дался».

— Не очень-то он положительный, этот ваш результат, — сказал Клейн. — Вам же пришлось раскрыться.

— Ну и что? — сказал Шалаков.

«Действительно, ну и что? — подумал Клейн. — Кому я успею рассказать про все это? Не добили в Питере, добьют здесь, только и всего».

— Ладно, и все-таки как вы узнали, где меня встречать?

— Адрес этот? Да вы сами и сказали, — улыбнулся довольный Шалаков.

— Ничего я не говорил. Не мог я вам его сказать.

— Нам не мог, а другу своему — мог. Не надо было вам звонить в Баку с трубки холдинга. И обратите внимание, Герман Иванович. Ведь вы считаете этого Гасанова своим другом, не так ли? И это уже тенденция. Он такой же маргинал, как и остальные ваши друзья. В солидном возрасте, а карьеры не сделал. Ни должности, ни семьи, ни машины. А когда человеку нечего терять, он становится непредсказуемым. Кстати, это ведь по его милости нам пришлось все свернуть. Могли бы сейчас не трястись в машине, а спокойно беседовать в уютной квартире вашей подружки. И ей было бы спокойнее, и ребенку. Но он поднял шум. Хотя его предупреждали из управления. У него есть прямое указание непосредственного начальника. Не препятствовать следственным действиям. А он? Шум, скандал, чуть ли не в драку полез на наших сотрудников. И этого дебошира вы называете своим другом? Не умеете, не умеете вы друзей выбирать, Герман Иванович.

«Друзей не выбирают, — подумал Клейн. — Это было бы слишком просто. Друзей нам выдает Самый Главный Старшина вместе с оружием, патронами и сухим пайком».

Эта мысль позабавила его, хотя и напугала немного. О Самом Главном Старшине он вспоминал только два-три раза в жизни, причем жизни тогда оставалось совсем немного. Почти как сейчас.

А Гасанова он не выбирал. Гасанова ему дали проводником, когда спецназ лазил по бакинским чердакам в поисках снайперов. Это было абсолютно безнадежное дело. Кто-то стрелял — и в солдат, и в гражданских — с крыши дома. Если бы подняться на эту крышу сразу, еще можно было на что-то надеяться. Но группа Клейна обследовала точки, откуда стреляли два-три дня назад. Абсурд, глупость. Или подлость. Если не чья-то блестящая работа.

Там-то, на чердаках, Гасанов и раскрылся. В городе был траур, на солдат смотрели косо и армяне, и азербайджанцы. «Почему вы не вошли в город, когда нас резали?» — упрекали одни. «Почему вы начали убивать нас, а не погромщиков?» — упрекали другие. Гасанов не упрекал. Он обнюхивал чердаки с маниакальной жадностью, пытаясь найти какие-то следы. Сейчас, спустя много лет, Клейн понимал, что Гасанов охотился на зверя, которого потом — в Бендерах, в Чечне, в Таджикистане — назовут «третьей силой».

Он видел тогда студентов, погибших от выстрелов сзади. Парни стояли в оцеплении, чтобы грудью и голыми руками остановить советские танки. Танки все равно прошли, а парней свезли в морг, и опер Гасанов зафиксировал — входные отверстия пуль в затылке, в спине, в шее, снова в спине. Кто стрелял по ребятам сзади? Мы не стреляли, сказал ему Клейн, ты мне веришь?

Гасанов никому не верил, но здесь он согласился. Потому что у каждого убитого студента в кармане брюк лежала записка с адресом родни. Не паспортные данные, а именно адреса родни, то есть тех, кто должен был похоронить их до заката. Кто-то знал, что ребята погибнут сегодня. Кто-то все это устроил, и его надо было найти.

Ничего они не нашли. Если не считать, что на той войне они нашли друг друга.

«Не умеете вы выбирать друзей...»

— А вы умеете? — спросил Клейн. — Выбирать друзей?

— Стараюсь, — ответил Шалаков. — Стараюсь окружать себя достойными людьми, по крайней мере.

— Посмотрим, чего достойны ваши друзья, — сказал Клейн. — С женщиной и ребенком они справились. Кстати, имейте в виду, ребенок не мой. И женщина отнюдь не настолько дорога мне, чтобы я раскололся.

— Блефуете, Герман Иванович, блефуете, — снисходительно укорил его Шалаков. — Она дорога вам ровно настолько, чтобы полуживым добраться до нее с другого конца света. То есть очень дорога, очень.

— Я просто хотел у нее отсидеться, — сказал Клейн. — В моем положении надо уходить на дно, а другого места у меня нет.

— Знаете... Давайте пока отложим эту тему, — предложил Шалаков. — Вот приедем на место, сделаем укол, тогда и поговорим. Куда вы ехали и зачем. И где сейчас прячутся ваши друзья.

— Мне жаль вас, — сказал Клейн. — Вы не хотите слышать то, что вас не устраивает. Это большая ошибка. Хотите, я вам прямо сейчас скажу, где прячутся мои друзья? Я скажу, но вы не услышите, потому что такой ответ вас не устроит.

— Ну, попробуйте.

— Полагаю, что в данный момент они прячутся в морге, — неожиданно легко выговорил Клейн. — В каком именно? Спросите у Гасанова. Это мой друг-скандалист. Как я понял, это его уговаривали сесть в микроавтобус ваши достойные друзья. Полагаю, что вас не затруднит прямо сейчас переговорить с ним, изменить маршрут и устроить опознание. И все вопросы будут сняты.

Шалаков ответил не сразу.

— Досадно, — сказал он, — но вы правы. Этот ответ меня не устраивает.

— Я предупреждал, — сказал Клейн.

— Да был я в морге! — сорвался Шалаков. — Видел я этих жмуриков! Сам разглядывал, сам! Не те они, не те!

— На вас не угодишь, — сказал Клейн, с трудом удержав ликование. — Те, не те... С чего вы взяли, что не те? Вы же их в глаза не видели раньше.

— Зато теперь насмотрелся, — сказал Шалаков и глубоко вздохнул, явно пытаясь успокоиться. — В морге, знаете, как-то принято показывать тело без одежды. И эти двое оказались мусульманами.

— Я бы на вашем месте не торопился делать вывод о конфессиональной принадлежности лишь на основании внешнего вида пениса. Почему вы уверены, что они не иудеи? — спросил Клейн.

Шалаков потер висок и сказал:

— Я евреев различаю в любом виде, хоть в морге, хоть где.

— И откуда же у вас такой богатый опыт?

— Скоро и у тебя будет опыт! — заорал Шалаков, взмахнув кулаком. — Тебя, сука, будут дрючить все чучмеки подряд, пока не расколешься! Никаких уколов! Не понимаешь головой, поймешь через жопу!

— Вот теперь я тебя узнаю, Мишаня, — сказал Клейн. — А то как неродной, честное слово. На «вы», ядрен корень. Так-то оно лучше будет.

Шалаков отвернулся, бормоча что-то под нос. Клейну показалось, что он считает по-английски.

— Это что, новая методика?

— Не самая новая, — ответил Шалаков, не оборачиваясь. — Но помогает. Ит веркс,¹⁴

¹⁴ «it works» — это работает (англ.)

как говорят американцы.

— Растут люди, на глазах растут, — сказал Клейн. — Уже замполиты изучают американские методики.

— Да ладно вам, Герман Иванович, — Шалаков снова повернулся к нему. — Забудьте про мою вспышку. Иногда накатывает, знаете. Я хочу, чтобы вы меня поняли. Сейчас мы теряем время, а это угнетает. Давайте отбросим эмоции и рассмотрим вопрос в его чистом виде. Голую структуру, так сказать. Ваши люди должны были привезти сюда очень важную персону. Вместо этого они исчезают. Я сейчас не спрашиваю, как они это сделали, зачем они это сделали. Это меня не интересует. Вы знаете, где они. Скажите мне, где они. Мы встретимся с ними, и все кончится.

— Все кончится? Интересно, чем?

— Мы забираем эту важную персону.

— Кто это «мы»? — спросил Клейн.

— Вам-то какая разница? Вы знаете меня, этого достаточно.

— Более чем достаточно. Но у меня были другие планы насчет этой важной персоны.

— Понимаю, — сказал Шалаков. — Вы имеете в виду обмен на другую важную персону. Обмен состоится в лучшем виде. Но заниматься этим будем уже мы, а не вы.

— Надо подумать, — сказал Клейн.

— Не старайтесь выиграть время. Вы же не собираетесь ничего обдумывать, вы просто тянете время. Не надо. Вам совершенно незачем упираться. Мы ничего не сделаем вашим друзьям, если, конечно, они будут разумно себя вести. Я просто советую вам, как офицер офицеру. Хватит упираться. Ну незачем упираться, незачем. Денег вам за это не заплатят, медаль не дадут. Просто детское упрямство, и все.

— И все-таки я прошу дать мне время на размышление, — сказал Клейн. — Слишком много информации. Надо все разложить по полочкам.

— Какой информации? — удивился Шалаков. — Неужели вы услышали от меня что-то новое?

— Услышал. Увидел. Заметил. Надо обдумать, — сказал Клейн.

— Думайте, Герман Иванович, думайте, — сказал Шалаков. — Через полчаса мы будем на месте, и там некогда будет думать. Там надо будет отвечать быстро и четко. А пока, что же, думайте.

В одном Шалаков был прав: Клейн тянул время. Как только он узнал, что ребята живы, ситуация перестала казаться безнадежной. Кот где-то рядом. Маузер наверняка видел все, и наверняка забудет их благоразумный уговор. И оставалось только дожидаться, когда ребята начнут действовать.

Самое тяжелое позади. Самым тяжелым было видеть, как Рена одевается у выхода и оглядывается, что бы взять с собой? Она успела бросить в сумку пачку печенья и коробку с конструктором «Лего», потянулась за косметичкой, но не взяла, и конвоир подтолкнул ее к выходу. И сонный Эльдарчик тащит за собой пластиковый пакет с вещами.

Все это было отвратительно и непонятно. Куда их уведут и зачем? Как здесь оказался Шалаков, и почему ему подчиняются все эти мордовороты в милицейском камуфляже, заполнившие квартиру? И где Гасанов? На столе в кухне остался стаканчик с недопитым чаем, и пиджак с засаленным воротником висел на стуле. Не мог же он уйти без пиджака. Да он и в пиджаке не мог уйти, не дождавшись Клейна. Неужели и он подчиняется Шалакову?

В молодости Клейна приучили не размышлять. Не задавать ненужных вопросов ни начальству, ни самому себе. Став постарше и посвободнее, он понемногу привык сам докапываться до сути некоторых вещей. А пройдя через первую свою войну, он понял, что совершенно необходимо иметь в голове точную картину происходящего. Вслепую много не навоюешь. Чтобы выжить, надо много знать. Кто противник, где он, насколько силен, и самое главное — чего он хочет.

Сейчас он не понимал, чего хочет противник. Зачем Шалакову чеченец? Может быть, он собирается освободить прокурора сам? А может быть, Шалаков работает на

прокурорских?

Клейна бросило в жар от этой мысли.

Шалаков работает на прокурорских, то есть на президента? И обеспечивает обмен со своей стороны? И точно так же, как Клейн, ничего не знает о работе своих соседей слева и справа?

Похоже на правду, очень похоже. Сюда вписывается и шишковатая родня в Москве. И выясняется, за какие такие скрытые достоинства президент полюбил Шалакова. И понятно, как Шалаков мог удалить Гасанова — пара звонков начальству, и все. Люди в синих мундирах всегда могут договориться.

Это выглядело очень правдоподобно. Тогда что же, Шалаков — союзник? Получается, что ему надо помогать.

Если забыть о Ромке.

Я не знаю, на кого работает Миша Шалаков, сказал себе Клейн. Но его люди убили моего друга.

Господин президент! Похоже, вы не доверяли мне с самого начала. Похоже, за мной следили очень пристально и грамотно. И я, и мои друзья были на мушке. Но если это так, то теперь мне плевать на все ваши проблемы. Пускай теперь Шалаков спасает вашего брата. А я буду спасать своих. И что самое интересное — мои будут спасать меня. И им точно так же наплевать на все ваши проблемы.

Это только версия, сказал он себе. Это всего лишь предположение. Шалаков может работать и на чеченцев, и на каких-нибудь конкурентов холдинга, или просто на бандитов. Правда, остальные версии выглядят не так убедительно. Но в любом случае, вот он — конкретный противник, сидит на переднем сиденье и что-то бормочет по-английски. Если ему сейчас рубануть локтем пониже уха, то-то конвоиры удивятся... Клейн задержал дыхание, чтобы остыть.

Не можешь драться — веди переговоры. Однажды в Афганистане ему пришлось сопровождать на враждебную территорию не приметного человечка. На лицо — типичный кандагарский дукащик, но одет почти как вождь племени, только без дорогого оружия. Это был знаменитый переговорщик. Между прочим, коренной ленинградец. Восемь часов, полноценную рабочую смену просидел он за одним столом с муллой Абазом. Клейн с тремя ребятами томились в одном углу шатра, из другого глядели на них семеро нукеров Абазы. За жизнь переговорщика отвечал лично Клейн: в случае осложнения ситуации он должен был убить его раньше, чем погибнет сам.

Переговоры шли тяжело, но кончились миром. Группа Клейна благополучно вернулась. А на этом участке уже не стреляли до самого Вывода.

Тогда-то Клейн и узнал про три правила переговоров. Уважение. Непрерывность. Никаких обещаний. Наверно, есть и другие правила, но в его практике хватало и этих трех.

Показать свое уважение к Шалакову ему было нетрудно, потому что конвоиры, стиснув Клейна с боков, удерживали его от проявления иных чувств. Обещать ему было нечего. Труднее было с непрерывностью. Следовало заговаривать зубы, вешать лапшу и нести пургу, лишь бы не нарушался контакт. Пока есть контакт, не убивают. А сейчас Клейн боялся только одного — он боялся, что начнут убивать свидетелей.

Его не пугали обещанные пытки. Он знал, что человек способен выдержать гораздо больше, чем ему могут предложить.

Кроме того, он и не собирался молчать. Спрашивайте — отвечаем. Ему нечего было скрывать. Потому что группа Кота должна была прибыть на квартиру к Рене. И не прибыла. Значит, ребята нашли другое укрытие.

Значит, что-то могло насторожить их по дороге, и они подстраховались.

Значит, надо проверить то самое незаметное звено в цепочке — тех, кто встречал Кота в аэропорту.

— Ну и что вы надумали? — снова повернулся к нему Шалаков. Кажется, его тоже учили правилам переговоров.

— Сейчас уже слишком поздно, — сказал Клейн. — Ночь. Но вот с утра не мешало бы переговорить с кое-какими нашими работниками. С теми, кто встречал важную персону.

— Хороший ход, — сказал Шалаков. — Вы могли бы выиграть целую ночь. Но не получится. Мы уже переговорили с ними. Они встречали, но не встретили. Ваших людей не было среди пассажиров. Не было, Герман Иванович.

Глава 18

На новой службе

Автобус остановился. Посмотрев вперед, Зубов увидел только клубящуюся пыль в лучах фар. Фары погасли, и в темноте появились две звездочки. Они приближались, раскачиваясь. Скоро появились пятна света на дороге. К автобусу приближались двое с фонариками.

Они переговорили с водителем. Один из них заглянул в салон и скользнул лучом по лицам сидящих, по сумкам и брезенту на полу. Второй пошел впереди, освещая дорогу, и автобус медленно тронулся за ним, не зажигая фар.

Поперек дороги вдруг высветилась автоцистерна. Она испустила облако дыма, моргнула стоп-сигналами и неловко, рывками откатилась назад, пропуская автобус. Дальше был опущенный шлагбаум и усатые полицейские в касках, громоздких бронежилетах, с автоматами стволом вниз.

Наконец, после кружения по тесной улице между каменными заборами, автобус остановился перед железными воротами. Над забором возвышалась караульная вышка с мощным прожектором. Ворота поползли в сторону со скрежетом и визгом, и автобус вкатился в сад.

Невысокие деревья с побеленными стволами сплошной стеной окружали заасфальтированную площадку перед воротами. Здесь уже стояли знакомые Зубову машины — белая «ауди» и микроавтобус.

— Рамазан, Нури, за мной, — вполголоса скомандовал Камыш, выходя из автобуса. — Закир, сумки выгружай на траву. И поосторожнее, не кидай.

Они углубились в сад по дорожке, вымощенной белым камнем. Из такого же камня был сложен забор, вдоль которого они подошли к небольшому домику с покрашенными окнами. Из-за открывшейся двери ударил густой запах хлорки.

Камыш вытянул из коридора что-то длинное. Это были носилки.

— Ну, похоронная команда, тащите клиента сюда, я пока санитаров разбужу, — сказал Камыш. — Только не заблудитесь. В той стороне собаки пасутся.

Они вернулись к автобусу. Никаких сумок на траве не было. Щуплый мирно спал на лавке в автобусе.

«Седой» забрался в автобус и открыл задний люк. Зубов подал ему носилки. В темноте слышалась возня и шарканье ног по оцинкованному полу. Автобус был приспособлен для перевозки гробов, но носилки из него вынимались с трудом.

Зубов вспомнил, что те двое к нему на Почтамтскую приезжали на «скорой помощи» — потом он перегнал машину в тупичок, где ее найдут очень нескоро, и не всю. И у Клейна он застал машину коммунальной службы. А вот теперь — катафалк.

В темноте слышались шаги, хруст веток. Группа крепких ребят в серо-голубом милицейском камуфляже остановилась у автобуса. Все они смотрели на Зубова, который держал на весу один конец носилок, а второй конец еще был внутри автобуса. На носилках из-под брезента торчали ступни в темных носках. На пятке белела дыра. «Седой» вылез из люка, подхватил носилки и вдвоем они поставили свой тяжелый груз на асфальт, чтобы перехватить поудобнее.

Зубов поправил брезент, прикрыв ступни убитого.

— Тут, типа, где-то сумки должны быть наши, — сказал один из группы. — Нам их в камеру хранения сдавать. Где сумки-то? Сказали, что около автобуса.

— А я тебе не нанимался грузчиком, — слышался из автобуса недовольный голос Щуплого.

В проеме двери показалась его узкая фигурка. Оглядев собравшихся, Щуплый заговорил более приветливо.

— Так, бойцы, подходим по одному, быстренько получаем багаж. Сумки фирменные, чистые, жалко же их в грязь бросать, верно? Подходим, разбираем!

Бойцы понемногу разобрали сумки и ушли в темноту. Зубов с «седым» отнесли тело к домику у забора, где их перехватили двое в темных халатах. «Санитары» занесли носилки в домик, Камыш плотно затворил за ними дверь и сказал:

— На этом все. Пошли рубать, хлопцы, пока мясо не остыло.

— Сумки там остались, — напомнил «седой».

— Не пропадут, — сказал Камыш. — С утра вам на этом же автобусе ехать. Вы теперь на пару будете. Отвозить, привозить. Пускай салабоны¹⁵ побегают, а нам, старикам, как-то на колесах веселей. Так, старая гвардия? А, Рамазан?

— Это точно, — сказал Зубов, подумав: «И чего он ко мне прицепился? Педик, что ли?»

В кронах деревьев вспыхнули лампочки, и по освещенной аллее они вышли к пустому бассейну. Слева и справа стояли одинаковые домики с плоскими крышами, а прямо за бассейном высился двухэтажный особнячок с башней. Все окна на первом этаже тепло светились, и было видно, как за столиками сидят бойцы в камуфляже, и женщина в белом халате ходит между столиками с подносом, собирая пустые тарелки.

«Три стола, сидят по четыре за каждым, — считал Зубов. — Пустой стол с грязными тарелками, три стакана. А вон еще стол за колонной, там еще четверо. Уже больше чем двадцать штыков».

Штыков кормили гречневой кашей с тушеным мясом. На каждом столе была большая миска с нарезанными помидорами и огурцами, тарелка с ворохом зеленого лука, горка серого хлеба и по две бутылки красного сухого вина. Все ели молча и сосредоточенно. «Соль дай». «Вино кислое». Больше Зубов ничего не услышал.

— Так, — сказал Камыш, выходя на середину столовой. — Порубали? Можете покурить перед отбоем. Спать на втором этаже. Там две палаты по десять коек, хватит на всех. Сортир и умывальник с правой стороны. Каптерка с левой, там возьмете форму, кто не взял. Подъем в семь ноль — ноль. Вопросы есть?

— У матросов нет вопросов, — раздался бодрый голос Щуплого.

Загремели отодвигаемые стулья. Зубов не вставал. Он медленно потягивал вино, разглядывая и еще раз пересчитывая выходящих. Чтобы освободить Графа, ему придется перестрелять их всех.

Их было четырнадцать. Лет двадцати пяти — тридцати. Все примерно одного роста, все загорелые и темноволосые. У семерых за спиной висел «кипарис» без магазина.

Зубов допил вино и последним вышел из столовой. Бойцы собрались у крыльца вокруг железной бочки, наполовину вкопанной в землю. Зубов похлопал себя по карманам и вспомнил, что оставил сигареты в автобусе.

Кто-то протянул ему открытую пачку «Примы».

— Закуривай, братишка. Наша, краснодарская.

Вспыхнула спичка, осветив умело сложенные ладони. Зубов прикурил первым, хозяин спички — вторым. Потянулся третий, но хозяин задул спичку. И тут же зажег новую.

— Кого привезли, братишка, ногами вперед? Нашего или нет?

— Нет, — сказал Зубов.

¹⁵ салабон, салага — презрительное название молодых солдат

— Тогда другое дело. А то ребята уже заскучали некоторые. Говорят, не все доехали. А и кто доехал, уже, говорят, некоторые в погребке отдыхают.

— Такая работа, — сказал кто-то из темноты.

На другом краю крыльца присели несколько бойцов, как видно, знакомых. Зубов незаметно прислушивался к отголоскам их разговора.

— ... натуральные духи. Так и ходят в своих шапках и шароварах. И у каждого АКМ. Услышали, что мы по-русски говорим, сразу подтянулись, обложили. Вроде сидят, ворон считают, а сами секут за нами. Один подкатился: «Командор, Афгана ходил?» Я ему, мол, не ходил, маленький был тогда. А он: «Отец, брат, сестра ходил?» Хотел я его послать, да вспомнил, что чучмеки за мат зарезать могут. В общем, прочитал он мне политинформацию, как плохие русские командоры ходили в Афган, а теперь Афган будет ходить в Россию. Ну, начали они собираться на объезд трубы, Толян меня придержал. Не понравилось ему, что они меня зацепили, и оставил на базе. Сам за руль, и повез.

— Постой, какой объезд? Какой трубы? Уже протянули?

— Нет, конечно. Никакой трубы, одни колышки. Но трассу объезжают каждый день. Короче, уехал Толян, через час по рации тревога, вызывают вертушку. Обстрел. Мы по боевому туда. Толяну пуля в шею, вышла через затылок.

— Не показывай на себе.

— Короче, кончился, пока летели. Вот так.

— А откуда стреляли?

— А они не заметили.

— Ну да. Они же в горах никогда не были...

— Короче, братва, решил я дальше не подписываться. Трубой там не пахнет. Так и будем по горам ездить, духов катать. Нам это надо? Обещают большие бабки, но только после пуска. Какой там пуск... Конь не валялся. А еще Толян мне рассказывал, что трубы, может, и не будет никакой. Что нефти мало, и гонять ее по трубе выйдет в десять раз дороже, чем старые скважины распечатать где-нибудь у них, в Северном море или в Мексиканском заливе. А сейчас просто трассу хотят зачистить. Обжить помаленьку, а потом построить какую-то супер дорогу Европа — Азия в обход России. Но это когда еще будет, а мы-то записывались на охрану трубы. Так что нам ничего не светит. Толян сам уже собирался не продлевать контракт. Вот и не продлил...

Сигарета тянется семь-десять минут. За это время можно услышать много интересного. Добавим к этому еще полчаса перешептываний после команды «отбой». Зубов слушал, иногда поддакивал, но в основном угрюмо отмалчивался, как и большая часть бойцов. Устроившись на узкой солдатской койке, он еще долго обдумывал подслушанное.

Собравшихся можно было разделить на несколько групп. Три или четыре охранника из компании «Туранбуран Протект». Они занимались охраной трубопровода, которого еще не было. Пятеро или шестеро прилетели сюда, чтобы после тестирования подписать контракт и тоже заняться охраной несуществующего трубопровода. Еще пятеро были вызваны из различных охранных предприятий на временное усиление охраны все того же трубопровода.

Народу могло быть и больше, но на усиление приехали не все вызванные. А местные кадры поредели за последнее время.

Самым приятным во всем этом было то, что кадры поредели по вине Кота. Зубов с трудом удержал эмоции, услышав о потерях туранбуранцев при попытке задержания его старого друга. Двое застрелены. Двое покалечены в аварии. «Это вы еще не знаете про моих двоих», чуть не сказал он. А одного, говорят, сегодня пырнули ножом, сейчас в реанимации.

Никому не показалось странным, что трубопроводные охранники почему-то участвуют в каких-то полицейских мероприятиях. Кого-то разыскивают, хоть и неудачно. Кого-то задерживают, еще неудачнее. Это были опытные бойцы, и они привыкли не спрашивать лишнего, а спокойно делать свое дело, за которое к тому же весьма щедро платили. Правда, порой кого-то из них уносили в домик с запахом хлорки. В таких случаях увеличивалась зарплата оставшихся в живых, только и всего.

Дождавшись полной тишины, Зубов встал и вышел в коридор. Он ошибся — заснули не все. Его попутчики сидели на табуретах в разных концах коридора. Седой подшивал подворотничок к камуфляжной куртке, а Щуплый чистил пистолет, разложив детали на подоконнике...

Глава 19

Такая работа

Следующий день начался приятно — Зубов получил двести долларов. Их ему выдал Камыш, когда Зубов зашел к нему в каптерку за новыми документами.

Все было организовано очень толково. От вспышки фотокамеры до получения пластикового удостоверения прошло не больше пяти минут, и за это время Зубов успел заменить камуфляжные штаны на более просторные, получить «кипарис» со стертым заводским номером и инструкцию к нему, «Кипарис — твой надежный друг».

— Говорил же тебе, побрейся, — сказал Камыш.

— А так я больше похож на воина ислама, — ответил Зубов.

— Смотри не брякни это при начальстве, — посоветовал Камыш. — «Воины ислама» иранцы, а наши иранцев ненавидят. Наши в смысле турки.

— О кей, побреюсь, оставлю усы, стану турком.

— Никаких усов. Турки давно уже не носят усов.

— Значит, я отсталый турок.

— Догонишь. Никаких усов, — повторил Камыш. — Борода — значит, иранец. Усы — значит, курд. Все четко. Вот, это твои вчерашние бабки. Распишись.

— Как?

— Английскими буквами пишешь свое имя. Все, дуй, изучай материальную часть. Позови ко мне Нури. После завтрака останешься в столовой, на развод не ходи. Развод для салабонов. У старой гвардии особое задание будет.

Особое задание оказалось обычным нарядом по кухне. Последний раз Зубов заступал в такой наряд лет двадцать пять назад, еще курсантом. Но на этот раз ему не надо было мыть посуду или чистить картошку. Толкая перед собой тачку на велосипедных колесах, он отправился на склад. Повар, статный парень с выбритой головой, шел впереди, поигрывая четками.

Он толкал свою тачку и фиксировал местность. Бойцы сидели у пустого бассейна на траве под деревьями, перед ними прохаживался гладко выбритый смуглый человек в штатском.

За бассейном между деревьями и кустами виднелись два одноэтажных корпуса с покрашенными окнами. Одно окно было распахнуто, с подоконника свисал ковер, и слышались завывания пылесоса. Вряд ли там держат Графа, подумал Зубов. Непохоже на тюрьму.

Все это, наверно, было больше всего похоже на пионерский лагерь. Не хватало только наглядной агитации, гипсовых горнистов и парадной трибуны. Зато хватало колючей проволоки поверх каменного забора. Забор уходил в непроницаемую глубину бесконечного сада, и Зубов толкал тележку вдоль него, прикидывая, как можно преодолеть такое препятствие. Никак. Только на танке.

Склад оказался на самом краю сада, за ним был обрыв, а за обрывом далеко внизу виднелся песчаный пляж и свинцовая зелень моря. Забор, однако, не кончился. Он уходил по обрыву вниз (Зубов заметил перила, наверно, вдоль забора была лестница) и тянулся поперек пляжа, и уходил в море, и далеко в воде еще виднелась линия столбов с невидимой отсюда решеткой между ними.

Повар нагрузил тачку коробками с английскими и арабскими наклейками и спросил:

— Что сегодня готовим? Какой мясо? Баран есть, кура есть.
— Все равно, — ответил Зубов, удивившись вопросу.
— Э, земляк, кто гость, я или ты? Я к тебе приеду, ты меня спросишь, что готовим, да. Ты ко мне приехал, я тебя спрашиваю.

— Ну, давай курицу, что ли.
— Ай, молодец. Все другие барана просили. Ты первый курицу заказал. Я сам давно хотел, чихиртма делать будем.

Повар постучал в окошко склада и позвал: «Балам, ай балам!» Выбежал мальчуган лет десяти, тоже бритоголовый, и повар что-то принялся ему говорить, загибая пальцы на руке, и мальчуган кивал, утирая нос рукавом. Он был в черных финках и в драном турецком свитерке, и стоял босиком на холодной земле, почесывая одной ногой другую. «Дуй, балам», сказал повар, и мальчуган сорвался с места. Повар пошел за ним, и Зубов покати́л свою тачку вдоль обрыва, приближаясь к дощатой постройке, которую окружала сетка-рабица. Из постройки уже доносились тревожные вскрикивания кур.

Дорога от склада до курятника была недолгой, но когда Зубов догнал повара, тот уже держал за ноги три куриные тушки и встряхивал их, давая стечь крови, а мальчуган как раз выносил из курятника четвертую курицу. Он бережно держал ее под мышкой и что-то успокаивающе приговаривал, а она все вертела головой по сторонам. Мальчуган присел перед обрезком шпалы. На песке уже темнела впитавшаяся кровь.

Курица протяжно прокудахтала, мальчуган ответил ей, бережно придавил одной рукой к шпале, а в другой руке у него уже был топорик. Тюк — и готово.

— Четыре штук хватит, — сказал повар. — Народ мало сегодня.
— Джигит растет, — сказал Зубов. — Сын твой?
— Какой сын, ты что? — сросшиеся круглые брови повара стали еще круглее. — Откуда сын? Брат, да. Мы семь братьев. Еще мой старший брат не женился, откуда у меня сын?

— Ничего, — сказал Зубов. — Будет и у тебя сын. Такой же боевой.
— А у тебя есть дети?
— Наверно, есть где-то.
— Э, так не шути, — сказал повар. — Дети это самый главный вещь. Если детей нету, зачем живешь?

Пока толстуха в белом халате ощипывала куриц, повар вывалил остатки вчерашнего мяса в оцинкованное ведро, туда же набросал засохшие куски хлеба, перемешал и сказал Зубову:

— Собак любишь? Собака тоже кушать хочет. Голубой дом видишь? Там забор есть, там миски есть. На миску мал-мал кидаешь, под забор ставишь... — Объясняя технологию кормления собак, повар наглядно показывал, как надо раскладывать еду по мискам, как надо, присев, осторожно протолкнуть миску под забор и быстро отдернуть руку. — ...Только все не кидай. Остальной мясо отнесешь на белый дом, там окно открытый, туда ведро ставишь, окно сразу закрываешь. Только быстро-быстро. Никаких разговоров. Дуй.

— У вас что, говорящие собаки? — спросил Зубов.

Повар ничего не ответил, оглянувшись на толстуху, и поднес палец к губам.

Зубов покормил собак: четыре помятые миски со следами мощных клыков отправились под железный забор, и там послышалось чавканье и утробное рычание.

В «белом доме», том самом, где недавно слышался пылесос, было открыто окно в торцевой стене. Зубов сначала поставил ведро с остатками корма на подоконник. Потом осторожно заглянул внутрь. В маленькой комнатке на полу стояло второе такое же ведро, пустое. В углу он заметил истерзанный матрас, из которого торчали клочья грязной ваты. Рядом стояла миска. Что ж, довольно просторная собачья будка. Но без собаки. И без запаха псины.

Он пригляделся и увидел на стенке еле различимые ряды царапин. Календарь заключенного.

В проеме окна он заметил свежие следы штукатурки. Не трудно было догадаться, что совсем недавно в окне была решетка, и ее почему-то выломали. Перегнувшись через подоконник, он опустил ведро на пол и замер, прислушиваясь. Во всем доме не раздавалось ни звука, только скрипела, раскачиваясь, рама открытого окна. Но вот загрохотали тяжелые шаги, и в комнатку вошел охранник. Ничего не говоря, он подхватил ведро с пола и вышел.

Зубов вернулся на кухню, довольно насвистывая. Теперь у него был почти готовый план местности: дислокация противника, управление и связь, система охраны и оповещения, склады и коммуникации, и самое главное — место содержания пленных. Оставалось обдумать отход.

За спальным корпусом вокруг асфальтированной площадки разместились несколько турников, брусья и стойки со штангами. Голые по пояс бойцы сгруппировались вокруг Камыша, который что-то записывал в свой блокнот. Увидев Зубова, он поманил его:

— Старая гвардия! Не хочешь повериться на профпригодность? У меня для тестирования одного человечка не хватает.

— Можно. Что делать надо?

— Подтянись, сколько сможешь. Потом отожмись, то же самое. Потом пятьдесят приседаний.

Он подтянулся пятнадцать раз. Мог бы еще, но оставил силы на приседания и отжимания. Камыш замерил его пульс, записал в блокнот и сказал:

— Спасибо, Рамазан, выручил. Дуй на кухню, поторопи их там с рубоном, парням разлетаться пора.

После обеда бойцы получили снаряженные магазины и разошлись группами по трое, по двое. С каждой группой был человек в штатском. Из-за деревьев слышался поминутный визг и скрежет ворот, выпускающих очередную машину.

— Пойдем, Рамазан, чаю попьем, — пригласил Камыш.

Чаепитие проходило в углу столовой, в обществе Седого, он же Нури, и повара, который подносил новые чайники вместо остывших.

Чай был странного вкуса, и Зубов не рискнул его пить. Он вспомнил свою первую встречу с Седым в бакинской чайхане. Как давно это было... Он потер бок и сказал:

— Что-то печенка шалит. Раньше вроде не жаловался, а вот уже второй день жмет. На вино нормальная реакция, а от чая жмет.

— У меня наоборот, — сказал Седой. — Раньше тоже так было. А тут, наверно, вода особенная. Чай сказочный. Лучше коньяка. Я уже два чайника принял.

— Ты, Рома, с печенкой не шути, — сказал Камыш. — Как-нибудь проверься, это дело такое. Хотя на тестировании у тебя все в порядке. Сердце — пламенный мотор. Не хочешь на трубу подписаться?

— Да что я там не видел, на трубе? — Зубов пожал плечами. — Старый я для таких дел.

— А мы салабонов не берем. Ты бойцов видел. И заметь, не колхозники. Все офицеры, один я прапорщик. На пенсию не проживешь, а у нас платят, как в загранке.

— А как платят в загранке?

— Две тонны в месяц для начала, — сказал Камыш. — Плюс халтурку подбрасывают. И перспектива.

— Да какая, на хрен, перспектива, — вмешался Седой. — Какая тут у русского перспектива. У них свои без работы сидят, мы-то им зачем? Пушечное мясо, что ли? Так я был уже пушечным мясом, с меня хватит.

— Где был? — спросил Камыш, подливая чай в пузатые стаканчики.

— Первая командировка в Герат. С бандами работали. Два ранения. Вторая — Пули-Хумри. Баглан брал. Слышал про такие места на карте мира?

— Не приходилось, — Камыш усмехнулся. — Может, ты, Рома, слышал?

— Да я в географии не очень, — сказал Зубов, он продолжал обдумывать отход, и поэтому моментально вспомнил знаменитого Шеховцова (полковника или майора?), который

при штурме Баглана просто подогнал к духовским укреплениям пару самоходных гаубиц и прямой наводкой наделал проломов, через которые не то что пехота, танки смогли ворваться. Но здесь придется воевать без гаубиц...

— Да что вы вообще тогда знаете, — махнул рукой Седой. — В общем, хватит, навоевались. Уж лучше я в своем Абакане буду водку пить с шахтерами и бандюками, чем тут на черных горбатиться.

— Ну, насчет горбатиться ты погорячился, — сказал Камыш. — Русские специалисты здесь очень даже ценятся. Это, конечно, на каждом заборе не пишут, но народ нас уважает. Местных на трассу посылать смысла нет. Там ведь как получается? Поставили какую-нибудь хренотень, «мадэ ин не наша», типа датчика телеметрического. С горы спускается Ахмед и хочет ее раскурочить. Если в охране будет Мамед, они как-нибудь договорятся. Или родственников общих найдут, или просто побоится Мамед действовать по уставу, его же потом достанут, и родню его достанет родня этого Ахмеда. Понятно, да? А если в охране русский Ваня, Ахмед уже не полезет. Ваня и шмальнуть может, и где ты его потом найдешь на просторах его родной Курганской области?

— Шмальнуть другое дело, — сказал Седой. — Это мы с удовольствием.

— Ахмед в Курганскую область не поедет, — не удержался Зубов. — Если Ваня Ахмеда завалит, брат Ахмеда завалит любого русского. Мы для них все одинаковые, как и они для нас.

— Ваня Ахмеда не завалит, — сказал Камыш. — Заваливать у нас другие ребята заряжены. Иностранные специалисты.

— Афганцы, что ли? Слышали, — сказал Седой, отставив стаканчик. Лицо его покрылось красными пятнами. — Был у меня друг-афганец. Сколько мы с ним на пару натворили, это не за чаем рассказывать.

Повар подошел к Камышу и что-то прошептал на ухо. Камыш встал и ушел куда-то, а Седого вдруг развезло, словно от водки, и он ударился в бессвязные воспоминания, где перемешались афганские кишлаки, абаканские притоны и расстрелянные тюменские кооператоры.

Когда Камыш вернулся, Седой уже молчал, тупо уставившись в одну точку, и не отвечал на вопросы.

— Что это с ним? — спросил Камыш. — Где он мог так напиться? И запаха никакого.

— Вот и попил чайку человек, — сказал Зубов.

— Беда с вами, ветеранами, — сказал Камыш. — Хотел его в город послать, а он спекся.

— Давай я поеду, — сказал Зубов. — А он за меня на кухне останется. Незаменимых нет.

Камыш словно не расслышал этого предложения и продолжал трясти Седого за плечо. Но тот упорно смотрел в окно, облизывая губы, и не отвечал.

— Незаменимых нет, говоришь? Ну ладно, — наконец, решил Камыш. — Поедешь ты, что же делать. Заберешь человека в одной конторе, доставишь в другую контору. Отвечаешь за него на все сто. Ему полагается, вообще-то два телохранителя, но ты и один справишься, я чувствую. Под камуфляж надень гражданку. На всякий случай. Если что, моментом скинул шкуру, и совсем другой человек. Это я так, советую как старой гвардии.

Они поднялись в каптерку, Камыш выдал ему магазин к «кипарису» и отсчитал двадцать патронов.

— Почему только один магазин? — спросил Зубов.

— И одного много, — сказал Камыш. — Не доводи до стрельбы, понял? Ты не стрелять едешь, а охранять. Понял? И вообще... Будь поосторожнее.

— В каком смысле? — Зубов заметил, что Камыш как-то замялся перед последней фразой.

— Ни в каком. Ну, в общем, помалкивай с ним. Сын у него в Москве. Еще никто ничего не знает, но ты знай, чтобы лишнего не ляпнуть. Кажется, пацан попал в неприятную

историю, но я тебе ничего не говорил.

— А что за история? Ты уж давай договаривай, раз начал.

— Да я сам по испорченному телефону слышал... Пацан-то пропал, вот какая история. Напросился на командировку в Питер. Вот когда всех-то подняли по тревоге. Поехал с командой, дали ему адресок, чтобы информацию снял с барыги какого-то. Машину дали, спецсредства, оружие, все как положено. А он пропал вместе с напарником. Не вышел в точку сбора, трубку отключил. Может, залетел. Может, у барыги охрана своя была. Всякое бывает, работа такая, а пацан и в деле-то не бывал. Но может быть и совсем херовый вариант. Может быть, пацан решил свинтить из конторы. Говорят, гнилой он. Выделяется много. В конторе таких не любят, и на дело не брали никогда. А в этот раз людей не хватало, его и вписали. И вот на первой же командировке он нам отчубучил. А это уже всех заденет. Слышал что-нибудь на эту тему? Ночью в курилке всякое можно услышать, а?

— Нет, не слышал, — сказал Зубов, старательно изображая полное равнодушие.

— Ну, тогда дуй вперед. Водила в курсе. На веселом автобусе поедешь.

Глава 20

Исторические изыскания дилетантов

У Рены было много недостатков, как и у любой другой женщины. Достаточно много, чтобы не жениться на ней. Самый страшный из них сейчас изводил полковника Клейна. Рена была болезненно чистоплотна. Оказавшись в комнатке, где им предстояло ожидать своей участи, она тут же принялась ее обустраивать. Эльдарчик был уложен на кушетке и укрыт дубленкой. Себе и Клейну Рена устроила постель на полу, расстелив пару шуб и покрыв их ковром. Под голову пошли свернутые махровые полотенца, а накрылись они махровыми же халатами. Всем этим турецким добром комнатка была набита под завязку. Коробки и клетчатые сумки с шубами, халатами, полотенцами и спортивными костюмами пришлось раздвигать и ставить в пять-шесть слоев, чтобы освободить место для сна. Переставляя коробки, Клейн добрался до окна, и оно оказалось без решетки.

А утром Рена обнаружила коробку с пылесосом, и тут же пустила его в дело.

Она ничего не спрашивала. И за это ей можно было простить все. А вот сможет ли она простить Клейна?

Полковник Клейн поглядывал на часы. Сегодня ночью в разговоре с Шалаковым он совершил ужасное должностное нарушение. Если бы он еще оставался начбезом холдинга, то это нарушение могло стоить ему очень дорого. Но он считал себя уволенным, и это нарушение могло спасти жизнь не только ему, но и Рене. А может быть, и кому-то еще.

Когда Шалаков заявил, что Кот не прибыл в аэропорт, Клейн растерялся ровно на одну минуту. За эту минуту он успел мысленно послать к черту весь холдинг во главе с президентом и зарубежными инвесторами. Собравшись с мыслями, он объяснил Шалакову, как действует система контроля за персоналом, установленная в этом филиале холдинга.

У каждого функционера имелся сотовый телефон. Это было очень удобно, потому что все звонки, и городские, и внутренние, фиксировались секретным компьютером. И Шалакову ничего не стоило, обратившись в отдел специальных проектов с запиской от Клейна, получить на руки распечатку всех переговоров за прошедшие несколько суток. Там он мог обнаружить звонок Панина в Питер, и это убедило бы его, что Клейн говорит правду.

Проблема была только в том, что Клейн не знал, можно ли теперь доверять отделу специальных проектов.

Пока он ожидал результата, все равно какого, Рена продолжала бороться за чистоту. Оказалось, что ей всю ночь не давал спать запах гнилой кислоты, и она обнюхала все, прежде чем нашла какие-то пятна в углу ковра. Пятна были застираны, и ковер вывешен сушиться на подоконник, и пылесос завыл с утроенной яростью, вылизывая все уголки и

шелки этой пещеры Али-бабы. Пришел охранник с «кипарисом» поперек груди и оцинкованным ведром с какими-то объедками. Он молча сбросил ковер на пол, затворил окно и предупредил, что если окно опять окажется открытым, открывший окажется в морге.

Рена отказалась есть из ведра. У нее с Эльдарчиком был запас печенья, а из крана шла отличная вода, гораздо чище, чем в ее городской квартире.

Клейн выловил из месива несколько ненадкусенных кусков хлеба. Они уже пропитались душистым мясным соусом, так что завтрак оказался вкусным. Все остальное он вывалил в унитаз и ополоснув ведро, поставил его в коридоре.

Шалаков появился в сопровождении двух охранников и смуглого гладко выбритого человека в дорогом костюме. Клейна завели в комнату в дальнем конце коридора. Там стоял канцелярский стол и два стула. Шалаков уселся за стол и раскрыл папку с бумагами.

— Присаживайтесь, Герман Иванович.

Клейн сел на стул, а человек в костюме ловко пристроился на подоконнике и достал сигару.

— Курите? — спросил он Клейна, улыбнувшись.

— Нет.

— Это Голландия, не Гавана.

— Нет, спасибо.

— Вы предпочитаете что-то другое? Фильтр? Трубка? Какой табак вам нравится?

— Урицкого,¹⁶ — сказал Клейн.

— О, «Беломор», — уважительно протянул незнакомец. — Но мне казалось, что фабрики имени Урицкого больше нет. Мне казалось, ее купили англичане. Теперь это не Урицкий, а Рейнольдс, кажется.

— Как спалось на новом месте, Герман Иванович? — спросил Шалаков. — Я понимаю, что это не люкс, но выбирать не приходится. Считайте, что это временные неудобства.

— Вам дали распечатку? — спросил Клейн.

— Ну куда вы торопитесь? Торопиться не надо, — сказал Шалаков, расставляя на столе хрустальные стаканчики в глубоких блюдах. — Выпьем чаю, поговорим о погоде, о политике, о здоровье. Куда нам теперь торопиться?

Охранник принес поднос с тремя чайниками. Один чайник он поставил перед Шалаковым, второй перед Клейном, а третий, немного поколебавшись, поставил на подоконник рядом с незнакомцем, который раскуривал сигару.

Шалаков налил себе чаю, выудил из сахарницы желтоватый кусок колотого сахара.

— Между прочим, сахар домашний, — сказал он многозначительно. — Экологически чистый. А чай английский.

— Пейте чай, Герман Иванович, — сказал незнакомец. — Если патриотизм вам не мешает.

Клейн налил себе, понюхал. Чай как чай. Душистый, терпкий, удивительно приятный на вкус.

— Так вы получили распечатку? — снова спросил он. — Думаю, что получили. Иначе не стали бы чаем угощать.

— Да получили, получили. В этой связи у нас возникли новые вопросы, — сказал Шалаков, перебирая свои листки. — Кто такой Митя?

— Не знаю.

— Ответ не принимается. Опять вы за свое, — поморщился Шалаков. — Ну сколько можно. Герман Иванович, дорогой, ситуация изменилась полностью, понимаете? Полностью. Ладно, зачитываю. «Приветствую вас из солнечного Азербайджана». Это он. Компьютер фиксирует его голос. Регистрационный номер 19-00-76. Вы ему: «Привет. Все в порядке?» «Все в порядке. Встретили, едем на место. Конец связи». Кстати, ваш голос тут обозначен по

¹⁶ табачная фабрика имени Урицкого

другой системе, кажется. 00–33.

— Каждый голос имеет свой номер. Ну и где тут Митя? — спросил Клейн.

— А вот где, — Шалаков взял второй листок. — Опять голос 19-00-76. «Руслан Назарович, приветствую вас». «Митя, куда ты пропал? Откуда ты узнал мой телефон?» «Балабек сказал». И так далее. Повторяю вопрос. Кто такой Митя?

— Спросите у Руслана Назаровича, — ответил Клейн. Он уже сообразил, что «Митя» — это Вадим Панин, но не собирался облегчать жизнь Шалакову.

— Спросим, обязательно спросим. Но читаем дальше. Так, это опускаем... Вот. Митя: «Не будем тратить время. Если вас интересует аппаратура, то она у нас». «Какая еще аппаратура? Митя, кончай играть в прятки, давай встретимся». «Если вы не в курсе, передайте своему начальству. Аппаратура у нас, и мы можем обменять ее на нашего человека». «Я не знаю никакой аппаратуры, не знаю никакого человека, Митя, что за детский сад, не ищи приключений на свою задницу». Видите, все тот же Митя. Так, это пропускаем. И вот. «Руслан Назарович, мы ведь и сами можем выйти на ваше руководство». «Митя, давай свяжемся через час. Я буду на квартире водителя, Балабека, позвони туда из автомата, так будет надежнее». «Вас понял, конец связи». Ну, так что вы можете сказать по этому поводу?

— Первое, — подумав, сказал Клейн. — Руслан Назарович — это, видимо, Азимов, местный зам по транспорту. Его служба должна была выделить машину для встречи людей из Питера. Почему-то он решил их встретить лично. Это его инициатива. Итак, он встретил моих людей, теперь и вы это знаете. Куда они делись после встречи, я не знаю. Должны были прибыть в тот адрес, где вы меня ждали. Почему не прибыли? Надо опять же спрашивать у Азимова. Теперь второе, насчет Мити. Возможно, так представился ему один из моих людей.

— Третье, — подал с подоконника голос незнакомец. — О какой аппаратуре идет речь? На какого человека ее хотят обменять?

— Не знаю, — Клейн развел руками.

— Ваши предположения?

— Предположения? — Клейн поглядел по сторонам, словно ответ валялся где-то на полу. — Предположения... Аппаратурой можно назвать все что угодно. Оружие или машину, например. А человек может быть только один. Думаю, что речь вот о чем. Азимов встречал моих людей. Что-то случилось. Чеченец оказался у него, а какая-то важная вещь — у моих ребят. Поскольку ребята отвечают за чеченца, они требуют его вернуть им. Но это только предположение, причем необоснованное.

— Зачем же, — сказал Шалаков. — Вполне обоснованное.

— Ну, если так, то на вашем месте я бы попытался связаться с абонентом 19-00-76, — продолжал рассуждать Клейн. — Если Азимов скрывает чеченца, если он и вам врет, значит, он ведет какую-то свою игру. Прежде всего надо связать абонента «Митю» со мной, чтобы мы могли действовать вместе.

— Вот уж действовать предоставьте нам, — сказал Шалаков. — Теперь вот еще что. Предположим, речь идет не о чеченце. Предположим, речь идет о прокуроре. Это возможно?

— Нет. Невозможно, — сказал Клейн. — Причем тут Азимов? И потом, мои люди представления не имеют о прокуроре. С какой стати они вдруг начнут устраивать такой размен? Они просто курьеры. Они не знают ничего лишнего.

— Да я и не сомневаюсь, — сказал Шалаков. — Это я так, для профилактики.

— А скажите, Герман Иванович, — вмешался незнакомец, — эта система контроля за персоналом, она действует только здесь? Или в Санкт-Петербурге тоже?

— Она действует везде, кроме Питера, — сказал Клейн. — Я сам ее налаживал во всех филиалах.

— В Питере ее могли налаживать без вас, — сказал незнакомец.

— Наладить, — сказал Клейн.

— Что?

— Не «налаживать», а «наладить», — объяснил Клейн. — Извините, привычка. Привык поправлять, когда неправильно говорят по-русски.

— Я? Я что-то сказал неправильно? — удивился незнакомец.

— Лично я ничего не заметил, — сказал Шалаков.

— Ну и ладно, — сказал Клейн.

— Вы лингвист?

— Я же сказал, просто дурная привычка.

— Герман Иванович лингвист еще тот. Он всю жизнь командовал всякими нерусскими, — объяснил Шалаков. — А в армии русский язык главный предмет обучения. В армии последний чабан становится как Лев Толстой, в крайнем случае как Алексей. Такая важная штука, этот русский язык.

— Вы же сам не русский, — сказал незнакомец.

— Интересно, кто же я тогда?

— Как кто? Немец, очевидно. Фамилия, тип лица. Педантизм.

— Я русский. А вы, очевидно, турок, — сказал Клейн.

— Почему обязательно турок? — незнакомец натянуто улыбнулся и спрыгнул с подоконника. Шалаков привстал со своего стула, чтобы уступить место, но был остановлен небрежным взмахом руки. — Может, я такой же русский, как и вы.

— Может быть, — согласился Клейн. — Русским может быть и немец, и турок. Я не говорю уже о русских евреях.

— Тюрко-язычные народы, между прочим, тоже участвовали в формировании русской нации.

— Участвовали, участвовали, — сказал Клейн. — Все там поучаствовали.

— Что вы имеете в виду?

— Вы меня привезли сюда, чтобы поговорить о формировании русской нации?

— Почему нет? Нам интересны ваши взгляды.

— На мой взгляд, никакой русской нации нет, — сказал Клейн, стараясь не сбиться на издевательский тон. Ясно, что они втягивают его в отвлеченный разговор, чтобы притупить бдительность. Но он не должен показывать, что понимает их маневры. Он должен поддерживать светскую беседу. — Итак, на мой взгляд, русская нация еще только формируется. Уже лет так девятьсот-восемьсот. Все никак не сформируется. Все что-то мешает.

— Что, например? — спросил турок, расхаживая по комнате. — Влияние запада или заговор мирового сионизма? Или опять татаро-монголы во всем виноваты? И почему другим нациям никто не мешает?

— Строго говоря, русский — понятие скорее географическое, — сказал Клейн, уклоняясь от нежелательного развития темы. — Возьмем, к примеру, американцев. Это нация? Пока еще нет. Или другой пример. Зачем далеко ходить? Возьмем азербайджанцев. Я с ними пожил какое-то время и заметил, что они очень тщательно разделяют себя на племена. «Кубатлинские» чисто антропологически отличаются от «казахских», «шекинские» от «шушинских», я уже не говорю о «бакинских».

— Ну, это обычное явление в Азии, — заметил турок. — Никакой антропологии здесь нет, это просто результат деления на ханства. В Азии у народов принято называть себя по имени правящего рода. Или по месту проживания.

— Тогда все понятно, — сказал Клейн. — Тогда мы можем, наконец, достоверно расшифровать самоназвание азербайджанцев.

— И как же? — усмехнулся турок.

— Вы зря так иронизируете, — сказал Клейн. — Я знаком с историческими версиями. Но вот вам моя версия, которую вы сами и подсказали. «Азербайджан» надо читать как Азербей — джан. Корень — Азербей. То есть бей по имени Азерб. А «джан» — это родовой суффикс. Получается — «земля Азерб-бей» или «народ Азерб-бей». А народ этот включал в себя и тюрков, и персов, и арабов, и евреев. Пройдитесь по любому азербайджанскому базару и посмотрите на лица. Там же такая смесь...

— Вам остается совсем немного, — сказал турок. — Остается найти в истории хоть

малейшее упоминание об этом Азербее.

— Обязательно займусь этим, как только вернусь домой, — пообещал Клейн. — Кстати, почему обязательно Азерб? Может, его звали Хазар? В честь него и море так стали называть. Должно быть, великий человек был. Но сейчас я не об этом. Я ведь начал говорить о формировании русской нации. Так вот, чисто лингвистически «русский» из той же оперы, что и «азербайджанец». То есть указывает на принадлежность к Руси, а не на этнические признаки. Это понятие историческое, даже политическое. Но не этнографическое. Это как партийность, что ли. Вы живописью не интересуетесь? Ну, все равно, поинтересуйтесь на досуге. Грек Куинджи, еврей Врубель, армянин Айвазовский — это великие русские художники.

— Интересная версия, — сказал Шалаков, тряхнув головой: он явно начал дремать от обилия научной терминологии. — Но Репин-то хоть чисто русский, или тоже какой-нибудь инородец?

— Не знаю, — пожал плечами Клейн. — К Репину я как-то равнодушен. Я просто хотел сказать, что русским надо считать того, кто служит России. Шотландец Барклай да Толли, немец граф Тотлебен, армянин Багратион — это великие русские полководцы.

— Багратион грузин, — сказал незнакомец.

— А вы все-таки турок, — усмехнулся Клейн. — Не удержались. Ну не может армянин быть великим полководцем, да?

— Я — тюрк, — сказал турок, остановившись. — Такой же тюрк, как миллионы татар и узбеков. Все тюрки — кровные братья. Так что вы можете считать меня узбеком. Или киргизом, или якутом, мне все равно.

— А мне вот не все равно, — сказал Клейн. — Я вот думаю, что татары больше русские, чем турки.

— Татарский язык принадлежит к тюркской группировке языков.

— Языки делятся не на группировки, а на группы, — поправил его Клейн.

— У нас общий язык, общая вера, — продолжал турок, слегка поморщившись в ответ на поправку. — Мы все братья. Татары, киргизы, якуты. А русские с татарами триста лет воевали, причем безуспешно. Золотая Орда когда-нибудь снова должна возродиться, по законам вашей, так сказать, диалектики.

— Зачем так далеко ходить за братьями? — сказал Клейн. — Загляните в Германию. Там натуральные турки делают всю грязную работу. Почему бы вам не позаботиться о них?

— У них все нормально, — вставил свое Шалаков.

— Не сомневаюсь, — сказал Клейн. — Они вовсе не собираются возвращаться на родину. Значит, на родине им как-то не очень... И тогда что вы можете предложить якутам? Возможность перебраться в Германию? Кстати, по последним данным, Золотая Орда была как раз военным союзом русских и татар, а потом и турки туда влились. И эта *группировка* здорово трепала в свое время гнилых европейцев. Пришлось Европе внедрять сюда своих агентов влияния. И под видом прогресса все разваливать. Потом это называли реформами. А Россию и Турцию стравили в бессмысленных войнах. Вот такая версия.

— Интересная версия, — сухо сказал турок и снова принялся расхаживать за спиной Клейна. — Вы увлекаетесь не только лингвистикой. И откуда же такие познания у скромного офицера запаса? Только не надо мне говорить о культуре русского офицерства. Знаем мы эту культуру, изучали. Но вы не русский офицер. Вы советский офицер. Так откуда такие познания?

— Просто много читаю. В молодости свое не дочитал, так сейчас наверстываю, — усмехнулся Клейн, принимая капитуляцию в очередной русско-турецкой войне..

Глава 21

Вербовка

Охранник принес три новых чайника.

— Пейте чай, Герман Иванович, — предложил русский турок. — Давайте лучше продолжим нашу беседу о системе контроля. Миша, ты можешь идти. Не забудь поговорить с Руслан-беком.

Шалаков вышел из комнаты, и Клейн успел услышать, как он сказал охраннику: «Иди погуляй, пусть побеседуют спокойно».

Значит, сейчас охрана в корпусе была минимальной. Если скрутить турка, обезоружить, затеять торговлю заложниками... Отставить. У этого может не быть оружия. И двое людей остались в запертой комнате. Двое, которые были дороже всех.

Продолжаем разговор. Но только не о системе контроля.

— Руслан-бек? Это что, так теперь зовут Азимова? — усмехнулся Клейн. — При советской власти его, наверно, считали русским. А сейчас он стал турком. Неплохо устроился Руслан Назарович. Руслан почти русское имя, но на самом-то деле татарское. Назар тоже. Поразительная дальновидность.

— Такая дальновидность, как вы выражаетесь, была совершенно необходима, чтобы жить при диктатуре русских, — сказал турок. — Туранская цивилизация просто вынуждена была, так сказать, принимать безопасные формы. У вас же за пантюркизм расстреливали, вы что, забыли? Когда диктатура кончилась, людям уже не надо притворяться русскими, чтобы чего-то добиться в жизни. А евреи? Все они при коммунистах носили русские имена и фамилии. Да и сейчас тоже. Пока жили в Союзе, все они были Михаилы, Анатолии, Борисы. А как только перебрались в Израиль — Натаны, Мойше, Барухи и так далее. Это не дальновидность, а нормальная маскировка.

— В таком случае будьте осторожнее с Азимовым, — сказал Клейн. — Он слишком дальновидно маскируется.

— В каком смысле?

— В том смысле, что Азимов — еврейская фамилия. Знаете такого писателя? Почитайте, хороший фантаст. Так вот, когда рухнет турецкая диктатура, и придет вместо нее израильская, Азимов снова останется наверху. А где будете вы с вашей туранской цивилизацией? В лагерях вместе с палестинцами? А Рувим Азимов и Мойше Шалаков будут носить вам кошерные передачи, в знак старой дружбы.

Турок покраснел и свел брови, но ничего не ответил. «Наверно, сейчас он считает в уме по-английски, чтобы успокоиться, — подумал Клейн. — Хотя нет, английский для него почти родной язык. Это Мишаня по-английски считал, а этот, наверно, на иврите должен».

— Пейте чай, очень рекомендую, — проговорил, наконец, турок. — Настоятельно рекомендую. Вы зря беспокоитесь. У нас еврейский вопрос не стоит. У Израиля своя сфера влияния, у Турана — своя. Это историческое разделение. Антисемитизм — это советское изобретение. Кстати, Миша как раз этим страдает до сих пор.

— Ох, и страдает, — покачал головой Клейн.

— Нет, он хороший человек, я его очень уважаю, но вы же знаете его проблему. Он был алкоголиком, просто алкоголиком. Почти полная деградация личности. Но это, так сказать, осталось в прошлом. А теперь он пьет только чай. Мы ему помогли, теперь он не знает, что такое вино.

— Зато он хорошо знает, что такое коньяк, — сказал Клейн.

— Вы видели своими глазами, что он пьет коньяк?

— Не видел своими глазами, — признал Клейн, подумав. — Чуюл своим носом.

— Запах — это маскировка, — улыбнулся турок. — Он давно уже не пьет, но не афиширует это. Гораздо удобнее оставаться с виду алкоголиком. Знаете, всякие изменения в человеке вызывают подозрения. Бросил пить — почему? Это настораживает и разрушает привычные связи.

— И как же вы ему помогли?

— Это отдельный разговор. Просто надо что-то дать взамен алкоголя, предложить

новые ценности. Ну, представьте, что вы всю жизнь были надсмотрщиком, а потом в один прекрасный день начали помогать бывшим заключенным. У вас должна автоматически измениться вся система приоритетов, правильно? Между прочим, на это способен далеко не каждый. Мы перебрали десятки кандидатов, и Миша один смог вписаться в нашу систему реабилитации бывших заключенных. Естественно, благодаря своей терпимости, мягкости, способности выслушать собеседника. Причем, что особенно важно для нас, он ведь сам не мусульманин, а работает с мусульманским контингентом.

— Теперь понятно, откуда он набрал своих орлов, — сказал Клейн. — Реабилитировал, значит. Чем же ему так мусульмане приглянулись?

— А что в них плохого? Вера должна приносить пользу, тогда она будет распространяться быстрее. Пусть неверующие увидят, как мусульмане помогают друг другу.

— Вера должна приносить пользу? Надо запомнить, — сказал Клейн.

— Но вернемся к нашим баранам, — усмехнулся турок. — Можно ли получить распечатку прослушанных разговоров без вашего распоряжения? Например, по просьбе президента или вице-президента? И вот еще что. Системы прослушивания бывают разные, но раньше я не встречал в таких системах анализатор голоса. Кто вам дал программное обеспечение? Вы можете нас познакомить с этими людьми?

«Вот мы и перешли к делу», подумал Клейн. Перевести разговор на другую, более безопасную тему, уже не было сил. Он слишком устал говорить. Никогда еще ему не приходилось выступать так долго. И с чего бы он так разговорился? Неужели — чай?

— Почему я должен вас с ними знакомить? — спросил он.

— Вы ничего не должны. Мы просто беседуем. Как вам чай?

— Чай хорош, — сказал Клейн. — Я его недооценил. Обычно я стараюсь соблюдать технику безопасности. Есть такое правило: никогда не беседуйте с незнакомцами.

— Читал я Булгакова, читал. Но нам нет необходимости знакомиться, мы больше никогда не встретимся. Вы вернетесь в свой холдинг, займете свой кабинет и забудете, что когда-то пили чай с каким-то турком.

— Не думаю, что вы хороший предсказатель, — сказал Клейн.

— И все-таки все будет именно так. Президент обнимет своего брата, вы получите большую премию от холдинга. И скажу по секрету, еще вы получите компенсацию за причиненные волнения. И ваша служба пойдет дальше. Причем вашим лучшим другом станет Миша. Он прекрасный человек. И вы прекрасный человек. Вы делаете одно дело, у вас общие интересы, так что ваша дружба будет вполне естественной. Вместе вы многого добьетесь.

«Как уверенно он держится», отметил Клейн. А почему бы ему не держаться уверенно? Клейн у них в кармане. После того, как он раскрыл им один из важнейших секретов холдинга, у него нет иного пути — только с ними. С кем? Чего тут гадать, все равно они не скажут, кто за ними стоит. А если и скажут, то как проверить? Да и какая разница? Прокуратура или ГБ, или еще кто-то... раньше за каждым ведомством стояло государство, и все вроде служили одному хозяину, но даже тогда силовые конторы вербовали агентов среди соседей. Государства больше нет, его заменили финансовые группировки, и ни одной из них Клейн не приносил присяги. Не стоит переживать по поводу незаметного перехода в новую фирму.

Правда, эта фирма чуть не убила его. И убила его друга.

Но ведь Шалаков сказал, что его смерть не входила в их планы. Видимо, все должно было ограничиться жестким допросом и последующим наблюдением. Как это и получилось с Клейном. А Степан их планы нарушил. Если бы им было приказано убить Зубова, они застрелили бы его на лестнице без лишних разговоров.

А Рома?

Наверно, у них не было другого выхода. Ромка мог взорваться хуже Зубова. Приступ безрассудной ярости. На него иногда накатывало. Еще неизвестно, не прибил ли Ромка кого-нибудь из своих убийц. Наверняка прибил. У них просто не было другого выхода.

Сейчас Клейн нужен им хотя бы потому, что только через него они могут выйти на программистов. Потом им понадобится что-нибудь еще. Главное, начать. Итак, он возвращается в свой кабинет. Ничего не случилось. А что случилось, то забыто. Он возвращается в свою квартиру, где в ванной на веревке сохнут майки и трусы, постиранные перед отъездом... Он перевозит с собой Рену и Эльдара, и отныне стиркой будет заниматься жена... Он продолжает работать на предавшего его президента и время от времени подрабатывает на стороне. Наверно, они будут платить ему за каждую распечатку разговоров. Наверно, им нужна будет еще какая-нибудь информация. Наверно, придется поспособствовать в трудоустройстве — то есть внедрить в холдинг еще какого-нибудь Шалакова. Чего уж тут гадать — придется делать все, что попросят.

Как уверенно он держится, как дружелюбно улыбается. Он искренне радуется чему-то. Понятно, чему. Не каждый день удастся получить в свое распоряжение начальника службы безопасности со всеми потрохами. Боевого офицера. Полковника. Это вам не замполит конвойной роты. Интересно, на чем они подловили Шалакова? Неужели действительно на реабилитации эков? Да уж, подобрали вы мне команду, вздохнул Клейн и спросил:

— Чего именно? Чего мы можем добиться вместе с Шалаковым?

— А что вас интересует в жизни? Впрочем, вы получите все. Деньги. Свобода. Власть. Что вам еще предложить?

— Чашечку кофе, — усмехнулся Клейн.

— Почему вы смеетесь?

— Меня еще никогда не вербовали, — сказал полковник Клейн. — Надеюсь, вы профессиональный искуситель. Было бы обидно лишиться невинности под дилетантом.

Глава 22

Телохранитель

Руслан Назарович Азимов оказался утомительно разговорчивым. Как только автобус отъехал от его роскошного офиса, он спросил у Зубова, к какой школе восточных единоборств тот принадлежит. Зубов на секунду задумался, открыл было рот, но сказать ничего не успел, потому что Азимов принялся перечислять школы, в которых занимался его сын. С пяти лет он отдал мальчика лучшему бакинскому каратисту, и через пять лет мастер признал, что он уже не может научить ребенка чему-нибудь новому. Тогда пришлось выписать из Махачкалы мастера кун фу. Азимов устроил его инженером в свою автоколонну, но появлялся он там только один раз в месяц, а все остальное время отдавал мальчику. Они ездили на все семинары и турниры, мальчик выступал вне зачета, под маской, и всех побеждал. В общем, самый-самый черный пояс.

Таланты мальчика очень помогли ему, когда он переехал в Москву. Сейчас он учится на дипломата и подрабатывает в охранным агентстве, тренирует телохранителей. И мастер кун фу тоже с ним, теперь уже в качестве оруженосца. Хотя Салим в принципе не признает никакого оружия, кроме голых рук и ног.

— Это все ерунда, — говорил Азимов, презрительно касаясь «кипариса» кончиками пальцев. — Кусок железа. Кончились патроны, можешь выбрасывать свой автомат.

«Все сходится», подумал Зубов. На лестнице он застрелил Салима, а потом Азимова-младшего. Вот, оказывается, почему мальчишка-то не отстреливался. Просто не умел.

— Это не автомат, а пистолет-пулемет, — сказал Зубов, переложил оружие под другую руку и задержал занавеску.

Он поймал себя на том, что действительно заботится о безопасности Азимова старшего. Забавно. Наверно, до сих пор срабатывают в нем военные рефлексy. Задача поставлена — ее надо выполнять.

Была и другая задача, более важная: позвонить по аварийному бакинскому номеру.

Пока автобус добирался до города, Зубов сидел рядом с водителем и обсуждал перспективы курортного туризма. На его взгляд, пляжи Апшерона и Ленкорани могли выйти на международный уровень. Водитель принялся спорить, потому что эти пляжи были лучше международного уровня. Выяснив название дачного поселка, где базировались боевики, Зубов перевел разговор к теме приватизации. Он полагал, что база расположилась в приватизированном пионерском лагере. Но в ходе обсуждения оказалось, что это дача какого-то Ахундова, партийного деятеля времен Хрущева. Этой информации будет достаточно, чтобы, дозвонившись до угрозыска, объяснить, где сейчас находится тело опера Гасанова.

На перекуре после завтрака один из охранников рассказал подробности вчерашней засады на Клейна. В адресе была женщина с ребенком и местный мент в гражданке. На мента навели его начальство, и ему приказано было сваливать по доброму. А он уперся рогом, наряд вызвал. Ему стали объяснять, что идет секретная операция. Предложили посидеть в машине. Там ему приставили ствол к башке и попросили не рыпаться. Опять же по доброму. Но он по доброму не понимал. Ножик у него был на ноге, под носком. Пырнул нашего и на ходу соскочил. И как раз напоролся на снайпера.

Зубов надеялся, что будет достаточно дозвониться до любого оперативного дежурного. Он надеялся, что такая информация одинаково действует на любых ментов, независимо от их национальности, религии и партийности. Гасанов был членом семьи, и Зубов надеялся, что эта семья не оставит его убийц в покое, каким бы солидным не было их прикрытие.

Он рассчитывал позвонить, когда они остановились у офиса «Мирового Океана», но водитель оставил его в автобусе и сам сходил за Азимовым. Тот послушно вошел в автобус, протянул вялую руку Зубову и сел у окна. Зубов, извинившись, пересадил его на другое место, и сам сел так, чтобы прикрыть Азимова от возможного выстрела через окно. Тут-то Азимов и спросил:

— Вы кто, телохранитель или конвоир?
— Я охранник, — сказал Зубов.
— Если я буду убегать, ваши действия?
— Убегать вместе с вами, — сказал Зубов, не задумываясь.
— Значит, телохранитель, — сказал Азимов и расслабился, и заговорил о единоборствах.

Автобус катился по узким кривым улочкам, пересекал шумные проспекты, иногда застревал в пробках. Зубов обратил внимание, что автобусу уступали дорогу, даже когда он слегка нарушал правила. К катафалкам здесь относились уважительно.

А еще он обратил внимание, что автобус не возвращается на дачу, а едет на другой конец города. Здесь были широкие улицы и высокие современные дома, сверкали витрины и пестрели автостоянки.

Автобус забрался в какой-то служебный двор, развернулся и начал сдавать задом к складской площадке.

— Приехали, — сказал водитель. — Идите вниз. Я тут подожду.

Зубов открыл дверь и заглянул внутрь. Судя по запаху, это было какое-то медицинское учреждение. В коридоре стоял человек в камуфляже, он махнул Зубову и повел за собой. Азимов шагал сзади, нервно потирая руки. Они спустились по гулкой лестнице в коридор с кафельными стенами.

Там их ждали. Четверо насупленных кавказцев в мятых костюмах и черных рубашках. И один русский в джинсах и замшевом пиджаке поверх черной майки от Хуго Босса. Был он белобрысым, со светлыми, жидкими глазами и почти невидимыми бровями и ресницами.

— Ну вот, все в сборе, — сказал белобрысый.

Они пошли вдоль коридора, и эхо смешало шарканье шагов в вязкий неясный шум.

Раздвинув стеклянные двери, они вошли в помещение, где остро пахло медициной. В кресле сидел морщинистый старик с гривой седых волос.

— Оружие на стол, — сказал он. — Хотите разобраться, разбирайтесь по-тихому.

— Чингиз Тимурович, вы же меня знаете, — сказал белобрысый.

— Тебя знаю, других не знаю.

— Стволы оставить, — сказал белобрысый.

Зубов положил на стеклянный стол свой «кипарис». У кавказцев была техника посерьезнее: два «стечкина» и два «узи».

— Заходите, — сказал старик.

— Зачем нам лишние люди? — сказал Азимов. — Пусть ребята постоят здесь. Вы хотели поговорить со мной, я приехал. А зачем лишние люди?

— Здесь нет лишних, — сказал белобрысый и толкнул дверь с закрашенным стеклом. — Прошу за мной. Будьте как дома.

Здесь было холодно, гораздо холоднее, чем в соседнем помещении, и, спускаясь в морг по мраморной лестнице, Зубов порадовался, что под камуфляжем у него еще джинсы, рубашка и жилет.

Вдоль стен в два ряда стояли цинковые столы, и на двух лежали голые серо-желтые тела.

— Руслан Назарович, — сказал белобрысый, — вас не затруднит подойти к покойным? Их обнаружили за аэродромом.

Азимов шагнул вперед и потянул Зубова за рукав. Степан мог бы и высвободиться, и остаться на месте, и чутье подсказывало ему, что лучше держаться от Азимова подальше. Но он должен был увидеть лица тех, кто сейчас лежал на оцинкованных столах. Он не верил, что это могут быть Кот и Димка. Правда, он никогда не видел их в таком положении... Но нет, он просто не верил. И пошел за Азимовым, чтобы убедиться в своей неверии. Так вдвоем они и подошли к трупам. Те лежали на спине, запрокинув голову. У одного была дырка повыше правого соска и развороченный висок. У второго вместо глаза запеклась черная вздувшаяся слизь.

Зубов перевел дыхание. Нет, он не знал этих людей.

— Ну что, не признали? — спросил белобрысый.

— Признал, — сказал Азимов.

— Вы вызвали этих бойцов к себе с базы. Зачем?

— Хотел... Хотел усилить охрану.

— Ответ не принимается. Но пойдем дальше. Это они встречали Муртазанова?

— Не понимаю, как они могли встречать Муртазанова, — слегка запинаясь, сказал Азимов. — Он же в Ленинграде.

— Второй неправильный ответ. Третья ошибка будет для вас последней, уважаемый Руслан Назарович.

Зубов стоял так, что Азимов отвечал белобрысому из-за него. Но кавказцы, пришедшие с русским, рассредоточились по углам морга и застыли там, театрально скрестив руки на груди. Поэтому, если бы у них было оружие, они могли с четырех сторон изрешетить стоящих в проходе.

Как только Зубов подумал об этом, русский шелкнул пальцами, и кавказцы зашевелились. Неуловимое движение рук — и на Зубова глядят четыре ствола. Вот тебе и сдали оружие, подумал он. Сердце забилося сильнее, словно напоминая ему, что в нагрудном кармане жилета затаился его маленький друг ПСМ.

— Постарайтесь отвечать точнее, — сказал белобрысый. — Итак, зачем вы вызвали ребят?

— Я хотел... Я узнал, что Муртазанов... Что его уже везут сюда. Я подумал, что у вас что-то случилось. Если бы я не поехал в аэропорт, они спрятали бы его и начали обмен.

— Ну и встретил бы спокойно, — сказал белобрысый. — Проследил бы за ними, потом вызвал бы меня. Но ты же не так все сделал. Ты свою карту начал сдавать, сука... Зачем ребят вызвал? Зачем бабки им обещал какие-то? Ты у кого ребят перекупаешь, а?

— Надо было много людей. Надо было убрать его охрану. Я хотел перехватить Муртазанова.

— Ах ты, сука, — протянул белобрысый, понемногу закипая. — Перехватчик хренов. Ты у кого перехватываешь, соображаешь? Ты же у меня перехватываешь, сучара!

— Миша, Миша, нельзя так, — недовольно сказал один из кавказцев. — В таком месте ругаешься, э.

— Я извиняюсь, — притих белобрысый. — Муртазанов — мой, ты понял! Я его нашел, я все приготовил, они у меня как на ладони были, все ходы, все люди, все маршруты. Я его мог взять без шума и пыли, как в кино. А теперь все сначала из-за тебя начинать?

— Если мог, почему не взял? — сказал Азимов, подняв голову после того, как кавказцы заставили белобрысого сбавить тон. Теперь он говорил, обращаясь и к ним тоже. — Если мог, где ты был, когда они его вывели из тюрьмы? Я не знаю, где ты был. Я знаю, где я был. Я каждый день в аэропорт ездил, как ненормальный какой-то. Я всех лично встречал. Если бы не я...

— «Я, я», — передразнил его белобрысый. — Головка ты от... от прибора. Каждый день, говоришь, ездил? Ты, значит, давно это наметил, да? Ты, крысятник, все хотел себе приписать?

— Что приписать, зачем приписать? — в речи Азимова все сильнее звучал акцент, игра на публику продолжалась. — И вообще, э, кто тут хозяин, ты или Чингиз? Пускай он зайдет и разберет, кто прав.

Пока он говорил, Зубов понемногу отступал от столов с трупами, и Азимов двигался за ним. Теперь они стояли в центре морга между рядами столов. В этой точке пересекались линии огня, поэтому грозные кавказцы не смогли бы стрелять без риска перебить друг друга. Они никак не реагировали на перемещения Зубова, и он подумал, что стрелять никто и не собирается. Ему только не нравилось, что они все как один держали палец внутри скобы, на спусковом крючке — так и до случайного выстрела недалеко.

— Чингиза наши внутренние разборки не волнуют, — сказал белобрысый. — А вот я тебя спрашиваю.

— Кто ты такой, чтобы меня спрашивать, — скривил губы Азимов, явно осмелевший. — Сам прощелкал у себя в Питере, а здесь виноватых хочешь найти? «Муртазанов мой, Муртазанов мой...» Муртазанов не твой, и не мой. Искали его все, не ты один.

— Искали все, а нашел я.

— Ну и где он, если ты нашел? Покажи. Подумаешь, залез в компьютер МВД, нашел человека. Это любая девчонка-секретутка могла сделать за коробку конфет, не за пятьсот тысяч.

— Какие пятьсот тысяч? Откуда пятьсот тысяч? — удивился белобрысый. — Деньги заплатят только за результат. Ты что, рассчитывал, что тебе за Муртазанова заплатят? Он сам по себе ничего не стоит. Ты его еще попробуй расколоть. А то раскатал губу... Мне смешно с тобой спорить, но ты все-таки не забудь, что прокурора тоже я нашел, и вообще идея-то моя на сто процентов. По-другому Муртазанова никто бы не достал. А раз идея моя, то и Муртазанов мой. Вот так, все сходится. Так что давай закроем базар. Где он сейчас? Мы же знаем, что ты сговорился с питерскими. Не хочешь говорить, не говори. Они все равно расскажут. Но ты еще можешь очки набрать. Ну, где он? Подумай, подумай, не торопись отвечать. Один неправильный ответ — и ты покойник.

— Постой, так не пойдет. Идея твоя, а кто прокурора брал? Кто его прятал? Кто на контакты шел? — Азимов обвел руками присутствующих, словно приглашая всех к участию в дискуссии. Но столкнувшись с их тяжелыми взглядами, Азимов сник и добавил уже тише: — Никто ничего не делал, один ты все делал, да?

— Кто делал и что делал, я знаю лучше тебя, и каждый свое получит, — сказал белобрысый. — Ты тоже мог получить свою долю, но захотел банк сорвать, крыса. Я тебя спрашиваю последний раз. Ты знаешь, где Муртазанов? Только имей в виду, что Митю твоего мы уже нашли, за ним ребята поехали, и все другие вопросы я задам уже ему. А тебя спрашиваю последний раз — ты конкретно знаешь, где Муртазанов?

— Честно и конкретно тебе отвечаю, — сказал Азимов. — Нет. Не знаю.

«Ох и дурак!», подумал Зубов. Он стоял, скрестив руки на груди, (пальцы правой руки на всякий случай касались рукоятки пистолета), и со скучающим видом слушал эту разборку. Все варианты были уже просчитаны. Стволы были наведены на Азимова не в шутку и не для испуга. Его застрелят, здесь и сейчас. Прикажут Зубову подойти к русскому, или подзовут Азимова, чтобы он остался без прикрытия — и все. И ляжет на свободный стол еще одно тело. И подкатят его вон к той двери в стене, а там уже автобус с открытым люком ждет своего пассажира. (Через щель между створками незаметной двери тянуло выхлопным газом, и эта гарь казалось такой родной и близкой, перебивая формалин и гниль).

Шансов — ноль. Зубов прикинул, как бы он вел себя в такой ситуации. Во-первых, не сбавлял бы обороты. Азимов поначалу хорошо держался, даже почти прижал белобрысого к стене своим уверенным тоном. Но потом сбил на скандал, а сказать-то и нечего. Во-вторых, надо было смещаться к выходу. Если упасть на пол и нырнуть под столы и под ними быстро добраться до двери и толкнуть ее ... Нет, подстрелят. Никаких шансов.

Так что прощайте, господин Азимов. Возможно, скоро вы увидите своего сына вместе с его тренером Салимом.

Вот если б Азимов сказал, что он знает, где этот пропавший чеченец, все могло быть иначе. Он мог торговаться, тянуть резину, мог и выиграть жизнь. Но он сказал: «Не знаю»...

— Не знаешь, — вздохнул белобрысый. — Тогда на кой черт ты нам сдался? И еще неизвестно, на кого ты работаешь на самом деле. Даже если ты не стукач, а просто дурак, вреда от тебя до хера и больше. Ну, сам смотри, что ты наделал. Из-за тебя ребята погибли. Сами виноваты, конечно, что с тобой связались. И тоже непонятно, на кого они работали на самом деле. Но они — вот они, жмурики, они уже ответили за дурость свою. Смотрим дальше. Из-за тебя все пропало. Из-за тебя Муртазанов убежал. Тебе и отвечать. Больно много проблем с тобой. А нам лишние проблемы не нужны. Это не я решил. Все решили. Так что конец тебе, Руслан Назарович.

Он щелкнул пальцами, и пистолеты начали подниматься, и Зубов успел подумать: «А я-то причем?». Дальше он уже не думал.

— Аллах акбар! — заорал Зубов, и противники оцепенели.

Рука скользнула под куртку и выхватила пистолет. Другая рука схватила за воротник Азимова и швырнула на пол. Зубов резко присел, и тут же захлопали выстрелы. Он потерял равновесие и опрокинулся на спину, но так оказалось даже удобнее передвигаться. Отталкиваясь ногами, он полз на спине по гладкому кафельному полу и стрелял. Пока было видно, стрелял в грудь. Потом столы закрыли противников от него, и он стрелял по ногам, а потом стрелял в упавшего, не забывая считать свои выстрелы.

Столбы визжали и грохотали под пулями, но Зубова еще не задело, и он отползал к выходу, все больше удивляясь, что жив и цел. Азимов куда-то пропал, зато дверь оказалась отперта, и Зубов смог одним толчком плеча распахнуть ее, прокатиться по крыльцу и нырнуть в открытый люк автобуса.

Из морга продолжали стрелять, и довольно метко. Посыпалось окно в автобусе, промяукал рикошет во дворе. Но он уже рванул сумку, и молния рассыпалась, и кольт сам лег в руку. И как только в проеме двери показалась фигура с оружием, Зубов нажал на спуск, и фигуру снесло обратно.

И наступила тишина, в которой переливался телефонный звонок. А потом прозвучал плачущий голос Азимова:

— Все, все, не стреляйте, все! Это Муртазанов звонит!

ЧАСТЬ IV «НЕ ЛЕТАЙТЕ БЕЗ КАРТ»

Глава 23

Мистер Абдулгафар, санитар эфира

Махсум Муртазанов положил трубку и сказал:

— Не понял. Он что, обкурился? Плачет, э. Попросил перезвонить через десять минут.

Панин оторвался от изучения записной книжки.

— За десять минут они могут подготовить прослушку, чтобы засечь наш номер. Старайся говорить быстро. Да-да, нет-нет. Начнет тянуть время — обрывай разговор.

— Э, сам знаю. Что-нибудь разобрал в книжке?

— Да что тут разбирать, все понятно, — сказал Панин, в задумчивости грызя кончик авторучки.

— Слушай, я что, совсем тупой? — обиделся Махсум. — Я ничего не разобрал, Хохол ничего не разобрал, даже Сурен ничего не разобрал. А ты пять минут смотрел и разобрал!

— Я разобрал только, что без бутылки тут не разберешься, — усмехнулся Панин. — Человек писал так, чтобы никто чужой не понял. По-английски, сокращенно, причем особыми словами. Хотел бы я познакомиться с тем, кто это писал. Похоже, что он-то и управлял всей этой аппаратурой.

— Он умер, — коротко сказал Лезгин, и Махсум бросил в его сторону недовольный взгляд.

Остальные друзья Махсума тоже отреагировали на эту реплику. Али и Вели на секунду оторвались от нард. Курд застыл с картами, занесенными над носом Хохла. Хохол перестал жмуриться и посмотрел на Махсума. И только Талыш продолжал невозмутимо грызть семечки.

— Да я знаю, что умер, — сказал Панин, продолжая переписывать книжку в «Журнал дежурства по убежищу». — Что делать, все мы смертны. Давай, звони, пока хоть этот жив.

Он еще раз перечитал расшифрованные записки покойного хозяина аппаратуры. Самая первая запись: *«Меня зовут Абдулгафар. Отец — М. Наби из Кандагара, род занятий — санитар, образование — студент университета»*. Автор, видимо, выдавал себя за афганца. Но остальные записи явно не могли быть сделаны студентом-санитаром.

«Отчет по заданию 766. Сигнал появился, когда самолет развернулся и пошел к базе в 13.44 и пропал в 13.55, ровно через три минуты после того, как в 13.52 легчик доложил, что начал снижаться. В 14.10 с азимута 120 перехватил еще один такой же сигнал, однако он ни с чем не связан. Через четыре минуты после посадки самолета сигнал все еще находился в эфире».

«Задание А-654. Наблюдение за линией связи, работающей с азимута 205 и 200. Запись излучения с 3 до 6 утра по местному времени».

«Записывать как можно большее количество сходных сигналов ракетных комплексов, определить взаимосвязь между ними при стрельбе и последовательность смены режимов работы».

«Станных все-таки санитаров готовят в кандагарском университете, — думал Панин, вглядываясь в округлый почерк. — Вместо латыни овладевают английским военным жаргоном. Вместо анализов мочи и кала — анализ эфира. Особое пристрастие к работе локаторов. Нет, я бы не пошел к такому на перевязку. Сам бы его перевязал. Колочей проволокой».

Эти записи были сделаны наспех, потому-то Панин и смог их прочесть, затратив всего несколько часов. Остальные строчки были зашифрованы тщательнее, но он знал, что и они не смутят высоколобых «биномов» из Научно-технического Управления.

На какое-то мгновение Вадим Панин представил за собой ту огромную и могучую систему, частью которой он когда-то был...

Но только на мгновение. Сейчас за его спиной не было системы. Не было начальника,

который мог бы представить его к поощрению за ценную находку. Не было «биномов», которые могли бы с этой находкой поработать. Не было «вымпеловцев», которые могли бы без шума и пыли разобраться с коллегами «санитара Абдулгафара». Он был один, и перед ним лежала никому не нужная рабочая книжка вражеского поста радиотехнической разведки.

В книжку были вклеены вырезки из подробной топографической карты с английскими надписями. Вадиму были знакомы эти края. В свое время капитан Панин облетел почти все площадки ЗакВО,¹⁷ и сейчас он мог довольно высоко оценить географические познания противника. На карте были карандашные пометки: даты, время прохождения отрезка, время стоянки. Судя по ним, машина довольно быстро доехала от Батуми до Тбилиси, потом надолго застряла в районе Лагодехи. Сбились с курса, усмехнулся Вадим. Если бы им надо было в Махачкалу, следовало брать севернее, на Владикавказ, по Военно-Грузинской дороге. Но Абдулгафара манили горные тропы. На следующих страницах Вадим нашел вклейки районов Дагестана. Интересно, как они перебрались через горы. От Лагодехи нет дорог в Дагестан. Вертолетом?

Agwaly, Botlych, Mechelta, Dylm... Так-так. Агвали стоит на дороге, соединяющей Дагестан и Чечню. Причем это — последний крупный поселок. Дальше в горы ведут только тропы до перевала Ягодак. Можно сказать, что Агвали — ворота в Россию. Мехельта? Это перевал 2806, а за ним Чечня, Дарго, а значит, Хаттаб. А посередине — Ботлих. Узловая точка. Интересно, наши пограничники видели эту гуманитарную «ниву»? Поинтересовались ее начинкой?

Санитар Абдулгафар кружил вокруг чеченской границы, вылавливая в эфире русскую речь, а его «нива» своим неуклюжим «багажником» фиксировала наши рабочие частоты и систему управления. Последняя запись была сделана в Гудермесе. Опять заблудились, отметил Вадим. Махачкала осталась на востоке, а «Нива» свернула на запад. Это ее и погубило.

Одна из прелестей работы в Системе заключалась в доступе к закрытой информации. Невольно начинаешь ощущать собственное превосходство, когда знаешь больше простых смертных. И знаешь не со слов уважаемых журналистов, а из документов. Вот еще один такой документ. Теперь он точно знал, что по территории его страны снуют любопытные гуманитарные санитары с длинными ушами-локаторами. Сколько этих «санитаров», и сколько народу прикрывает их? Целая армия. Еще никогда прежде Вадим Панин так остро не чувствовал себя меньшинством. Ведь сейчас он один противостоял этой армии.

Он был один, если не считать К.С. Ковальского, который сейчас изгонял из организма алкогольные токсины привычным для себя способом.

Глава 24

Пополнение

Сергеич пыхтел в дальнем углу убежища, то подтягиваясь к потолку, то отжимаясь между двухъярусными койками, то приседая с сейфом на спине.

Друзья Махсума опасливо поглядывали в его сторону. Они приехали среди ночи, подремали, не раздеваясь, и весь день грызли семечки, играли в нарды и в дурака. Муртазанов не удосужился их представить. Да и были ли у них имена? Они называли друг друга — Курд, Хохол, Лезгин, Талыш. Были еще близнецы, Али и Вели. Вся эта шайка жила где-то в бакинских пригородах, собираясь на дело по сигналу Махсума.

Они говорили между собой по-русски, иногда переходя на азербайджанский. Курд,

¹⁷ ЗакВО — Закавказский военный округ

проиграв в карты, ругался по-грузински, наверно, чтобы не оскорбить слух никого из присутствующих.

Иногда они вспоминали Сурена, который когда-то был их мозговым центром. Ходячая энциклопедия. Гений кроссвордов. Полиглот кавказского масштаба и непревзойденный мастер народной дипломатии. Сурен был с ними, когда они занимались простым мародерством, но отказался от серьезных дел. И просто исчез однажды, чем навсегда обидел друзей. Получалось, что грабить поезда под Гудермесом и перепродавать оружие, крутясь между воюющими сторонами — это было несерьезно. И переходить иранскую границу — тоже несерьезно. И даже Сумгаит для него был несерьезным делом.

Ковальскому было непонятно, как это Сурен, армянин, мог участвовать в армянских погромах.

А мы и не участвовали, объяснил Махсум. Тогда, в феврале 88-го, пошел слух, что в Баку будет какая-то заваруха, и город на двадцать четыре часа отдадут шпане. Под это дело слетелись урки со всего Юга. Оказалось — обманка. Кодла начала расползаться, слегка поцапавшись с местными ментами. В одной из таких разборок пострадал и Муртазанов. На вокзале к нему прицепились, чем-то не понравились документы, слово за слово, получи пятнадцать суток.

На волю он вышел вместе с новыми друзьями, и тут оказалось, что обманка-то была неполная. На площадях базланили студенты, менты ходили строем, и документы их уже не интересовали.

Шайка Махсума уже наколола пару адресов в армянских районах Баку, куда можно будет заглянуть, если начнется заваруха. Но тут началось в Сумгаите, и пришлось рвать туда. Сначала походили вместе с толпой по улицам, вскрывая магазины. Кооперативный колбасный ларек толпа вскрывала два раза — когда шли к горкому и когда возвращались. Шустрые кооператоры успели вставить новую витрину и наклеили на нее самопальный плакат — «Да здравствует свободный Азербайджан!». Витрину вынесли вместе с плакатом и снова очистили прилавок от копченостей.

Ближе к вечеру определились с адресами и пошли с толпой громить портных, зубных и прочих богатых армян. Но богатые армяне жили в старых дворах, а в каждом старом дворе была большая беседка. В мирное время в этих беседках, накрыв их коврами, сумгаитцы устраивали свадьбы или поминки. Сейчас в беседках сидели все мужчины двора — азербайджанцы, лезгины, русские, евреи. Почти в каждой квартире уважающий себя хозяин держал самодельный наждак, и сейчас в руках соседей, собравшихся в беседке, поблескивали свеженаточенные тесаки и топоры. Это поблескивание заставило толпу остановиться. Дипломат Сурен быстро сообразил, что в чужом дворе лучше не базарить, и спросил по-азербайджански: «Армяне есть?» Соседи переглянулись. «Нет». Армян и в самом деле не пустили в беседку. Не дай Бог, прольется кровь, и армянин ранит азербайджанца — такое началось бы...

Толпа потопталась и повернула назад. В соседнем дворе история повторилась. Так бы и гуляли они по дворам, если бы не прибежали пацаны и не рассказали, что в новых районах уже разнесли несколько дорогих квартир — ювелира, товароведа и еще кого-то, чуть ли не секретаря горкома. Толпа двинулась на другой конец города, где уже что-то горело. Проходя мимо отдельно стоящего дома, Сурен предложил туда заглянуть, благо никаких беседок здесь не было. Но перед подъездом была скамейка, на которой сидели два амбала, два огромных людоеда. Даже сидя на скамейке они были выше подошедшего к ним Сурена. У людоедов не было в руках ничего, и толпа подошла поближе.

«Армяне в доме есть?» грозно спросил Сурен. «Рагим-джан, что им надо?» спросил один людоед у другого. «Не знаю, Салман-бек». «Армяне убивают наших земляков, отнимают нашу землю, а вы тут сидите и прячете армян!», буром попер на них Сурен, заводя толпу. «Иди, поищи, может быть, найдешь», сказал один из людоедов, встал, схватил Сурена за шкуру и швырнул его в подъезд. Двери, между прочим, были закрыты, но это не помешало бедному Сурену оказаться где-то глубоко внутри. «Еще кто-нибудь хочет

поискать армян?» — спросил второй людоед, нетерпеливо потирая руки. «Нет? Тогда забирайте свое говно».

Панин уже слышал эту историю от одного из «людоедов», Соломона Маргулиса. Правда, в первом варианте двери вышибались лбами пяти, а то и семи погромщиков. Но тексты реплик совпали, и это было приятно.

Всю ночь шайка Муртазанова бродила по городу, но ничем серьезным поживиться не удалось. Так, пара золотых колец да несколько цепочек. Многие рассчитывали конкретно развернуться на следующий день, но Махсум знал от верных людей, что утром надо будет рвать когти. Двадцать четыре часа, отведенные на разграбление города, истекали. Они вскрыли гараж и уехали на стареньком «рафике», вот и вся добыча.

Правда, Лезгин напомнил, что в этот «рафик» они загрузили то, что смогли хапнуть в хозяйственном магазине — утюги, электродрели, мясорубки. И именно с этим товаром, когда наступил подходящий момент, они впервые вышли к иранской границе для натурального обмена. Значит, можно считать, что в Сумгаите они не зря провели время.

Говорят, где-то было много погибших, но Махсум не попал в те дворы, где шла настоящая резня. Говорят, много порезали в квартале у въезда в город: там скопились какие-то беженцы из Армении, и они творили полный беспредел. А в остальных местах просто грабили, разносили чемоданы с приданым, пуховые подушки, уцелевшую посуду. Ну, насиловать насильовали, было, но ведь не убивали. Нормальный деловой погром. Причем ведь громили не всех. Только дойдет до дела, только выйдут на чисто армянскую квартиру, как в толпе найдется какой-нибудь близкий знакомый и начнет уводить народ в сторону. Мол, квартира бедная, а у хозяина мать азербайджанка, и вообще половина семьи — мусульмане. Неудобно как-то. Пошли лучше к соседнему дому.

И швырнув для острастки пару камней по темным окнам, толпа перетекала в соседний двор, заполняя его свистом и гомоном, и уже оттуда неслись крики, удары, звон стекла...

Слушая, как Махсум вспоминает с друзьями те давние события, Панин старался сдержаться и не вставить пару вопросов. Например, от кого конкретно они узнали, что в Баку «что-то будет»? Кто именно предупредил их, что пора скрываться?

Стоп. Следствие закончено.

Жаль, не было у него с собой архивной папки, где он сохранил кое-какие бумаги, которые следовало уничтожить, да рука не поднялась. Вот бы показать им сводные эпизоды уголовного дела «Сумгаит-88». Третий микрорайон, 28 февраля. Двенадцать убийств в двух домах в течение трех часов. Одной из убитых — восемьдесят лет. Трое убитых в квартире Габриэла Трдатова. Ее штурмовали восемь часов. Проломили стену, ворвались из смежной квартиры. 29 февраля. Семь убитых в одном доме. Детали убийств совпадают. Эти девятнадцать погибших, возможно, дело рук одной группы. Во всех остальных районах города, подвергшихся погромам, погибло еще семь человек. Армян. Мусульман, погибших при этом, сосчитать не удалось, потому что они были вывезены родней и захоронены до заката...

Дать бы им почитать эту бумагу, да еще добавить фотографии... Как бы тогда они рассказывали о своих деловых похождениях в Сумгаите?

Вот кого надо было тогда хватать и допрашивать в первую очередь — чужаков. Местные были просто материалом для толпы, а вот среди чужаков наверняка можно было бы отфильтровать очень интересных персонажей. Тех, которые квалифицированно руководили погромами и убийствами. Тех, которые приказывали вылавливать любого человека с предметом, похожим на фотоаппарат. Между прочим, среди погромщиков видели человека с видеокамерой. Интересно, Махсум не встречал этого оператора позже, и не в Баку, а в Чечне?

Ладно, ладно, одернул себя капитан Панин. Какие же они враги? Просто шпана. Всякий устраивается в жизни, как может.

Возможно, десять лет назад судьба могла столкнуть их немного иначе. Не столкнула. А сегодня они союзники, и Панину без них не обойтись.

Махсум собрал своих друзей, чтобы обменять аппаратуру на прокурора.

Бредовая затея, порожденная в пьяном угаре, начала воплощаться с невероятной быстротой.

Азимов помялся для приличия, но все-таки пошел на контакт. Откуда-то появилось то, что называли «аппаратура» — два зеленых кофра и сумка с личными вещами. Для обмена заложников нужна опытная и надежная команда — и такая команда прибыла вместе с Махсумом. Панин сам не рад был такому стремительному развитию событий, но отступать было некуда.

— Звони, звони, десять минут прошли, — сказал Панин.

Глава 25

Уроки старого Чингиза

Облачившись в резиновый фартук и бахилы, Зубов ходил со шлангом между столами и мощной струей смывал кровь с кафеля. Так приказал Чингиз.

Это было не совсем справедливо, но остальные участники стычки не могли смыть следы своей несдержанности. Они лежали на столах. Двое в операционной, двое в морге. Оба убитых пали от пуль товарищей — вот что значит неправильный выбор позиции. Раненые были наспигованы пулями из ПСМ, плюс в боку у одного — дыра невиданного здесь калибра 11,43.

Хорошая была стычка, думал Зубов. Видел бы Ромка...

Он направил струю на стенку, но вода не помогала, и он вооружился тряпкой, чтобы оттереть полосы крови. Из-за стеклянной двери доносился разговор. Пока говорили трое, трудно было разобрать слова. Ясно было только то, что белобрысый и Азимов перестали спорить и оправдывались в чем-то перед старым Чингизом. Но когда зазвонил телефон, и старик взял трубку, те двое примолкли, и голос звучал ясно, отчетливо. Зубов положил шланг на пол, чтобы шум воды не мешал ему, и, прислушиваясь, медленно водил тряпкой по стене.

«Махсум, сынок, зачем так говоришь? Кого хочешь спроси про старого Чингиза, и все тебе скажут — старый Чингиз за свои семьдесят лет никого не обманул. Ты Мишу Ленкоранского знаешь? А Аслана Нефтяника знаешь? Они мне как дети. Ай молодец, правильно говоришь. У них свой закон, у нас свой закон. Скажи, какой такой прокурор тебе нужен, будет у тебя прокурор, на белом мерседесе с красными лентами привезу тебе прокурора. Хорошо, Махсум, хорошо, сынок. Давай посмотрим сначала. Я тебе верю, ты мне веришь, но проверить все равно надо. На этот номер позвони вечером. Нет, в десять рано, в двенадцать, в час позвони. Эти люди, у которых прокурор, сюда придут. Прокурор с тобой говорить будет, потом другой человек с тобой говорить будет. Их чемоданы у тебя, да? Он с тобой про чемоданы говорить будет. Может быть, тебе другой прокурор нужен, может быть, им другие чемоданы нужны. Время такое, сынок, все перепуталось. Прокуроров воруют каждый день, как туфли в общем вагоне, честное слово. Да, про чемоданы я просто молчу. Никому верить нельзя, такое время. Олды, договорились».

Прокурор? Прокурора меняют на какие-то чемоданы? Клейн говорил, что прокурора должны были поменять на чеченца. Похоже, размен получается многоступенчатым. Но пусть это сделают без меня, решил Зубов, а моя задача — выдернуть Графа.

Он услышал скрип двери и принялся неистово тереть тряпкой стену. Наклонившись за шлангом, он оглянулся и увидел, что по мраморным ступеням спускается белобрысый. За ним высились двое улыбающихся даунов в синих халатах и резиновых перчатках.

— Хорош тебе марафет наводить, — сказал белобрысый, брезгливо перешагивая через лужицы. — Не за это тебе деньги платят. Иди, забери железо, сейчас поедем на базу. Так, начинайте упаковывать, чего ждете?

Зубов попытался развязать тесемки фартука, но они намокли и не поддавались. Белобрысый подошел к нему, щелкнул ножом и разрезал тесемки.

— Хороший ножик, — заметил Зубов, стряхивая бахилы.

— Ножик что надо, — мрачно сказал белобрысый и с трудом втянул длинное лезвие обратно в рукоять. — Засадить бы его кое-кому промеж лопаток. У тебя сумка есть? Да откуда у тебя сумка... Иди в кладовую к Чингизу, прямо по коридору, выберешь там что-нибудь подходящее.

— Для чего подходящее?

— Для стволов, бля, подходящее! — рывкнул белобрысый. — Сам людей перебил, сам их стволы таскай!

В кладовой на стеллажах было разложено какое-то тряпье. Зубов не сразу понял, что это одежда невооруженных покойников. Бросились в глаза голубые джинсы в бурых пятнах крови. К джинсам были прикручены проводом лакированные туфли с квадратным носом и черная заскорузлая сорочка, и желтела картонная бирка с какими-то цифрами.

Вся одежда на стеллажах была связана в комплекты. Где проволокой, где бечевкой увязывались костюмы, рубашки, брюки... И в беспорядочном ворохе одежды желтели картонные бирки.

Сумки валялись грудой на полу. Челночные баулы, рюкзаки, спортивные «колбасы». Бирок на них не было.

Он нашел подходящую сумку не так быстро, как можно было ожидать. Потому что в углу кладовой рядом с тумбочкой и раковиной обнаружился стол с телефоном. Зубов набрал аварийный номер и попросил кого-нибудь, кто знает Гасанова. Гасанова знали все. И куда он ушел, тоже знали. В адрес выезжал наряд, но никого не обнаружил. Зубов назвал другой адрес. «Ахундовская дача? Шутки шутим, да?» Он не успел ничего объяснить и бросил трубку, потому что за стеллажами раздались шаркающие шаги.

Старый Чингиз одобрительно кивнул, увидев, как Зубов смоченным полотенцем вычищает запыленную сумку над раковиной.

— Культурный человек, сразу видно. Я тебя раньше не видел с этими аферистами. В командировку приехал? Не хочешь задержаться?

— Там видно будет...

— Это ты кричал «Аллах акбар»?

— Я.

— Мусульманин?

— Иногда.

— Э, на меня не смотри. Мне все равно, какой у тебя Бог, русский или мусульманский, — сказал Чингиз, присаживаясь на край стола и доставая сигареты. — Кури. Говорят, Бог для всех один. Не знаю. Люди очень разные. Наверно, все-таки у русских немножко другой Бог. Типа Брежнева. А у мусульман типа Сталина. Ничего, мне семьдесят лет, скоро я сам все узнаю.

— Подходящая тема для такой обстановки, — сказал Зубов, наклоняясь к поднесенной зажигалке. — Ого, вот это табачок.

— Алжир, — сказал польщенный старик. — Переходи ко мне. Бросай своих аферистов. Что ты забыл в России? Климат ужасный, дороги разбитые, кругом беспредел...

— Одну минутку, — сказал Зубов. — Чингиз Тимурович, я вас вижу первый раз в жизни, вы меня тоже. Вы даже не знаете, кто я, как меня зовут, что я умею делать...

— Чтобы узнать вино, не надо пить бочку, один глоток достаточно, — усмехнулся старик.

Зубов вспомнил, что собирался уходить на дно. Похоже, что это уже произошло. Еще один шаг, и он окажется на такой глубине, где его не найдет никакая «Мурена». Изменится ли при этом его жизнь? Ненамного. За последние годы он привык служить хозяину. Смена хозяина вряд ли изменит его жизнь.

А как же Марина?

А как же Ромка?

— Я подумаю, — сказал он.

— Ты где застрял, что копаешься! — белобрысый ворвался в кладовую, но увидев Чингиза, сменил тональность. — Рамазан, ехать надо. Кури, кури, я тебя в автобусе подожду.

— Был у меня знакомый, — сказал Чингиз, когда русский исчез. — Тоже Рамазан. Рамиз по-нашему. Как сын родной был мне. Цирроз печени. Сгорел за два месяца. Ты не пьешь, Рамазан?

— Могу не пить, — сказал Зубов.

— Ай молодец, сынок, — засмеялся Чингиз. — Жена, дети есть?

— Нет.

— Конечно, нет, — кивнул Чингиз. — У тебя никого нет. Эти аферисты специально ищут таких ребят, как ты. У них в каждом городе такие ребята есть. Когда надо, собирают на дело, используют, потом все разбегаются.

— Удобная система, — сказал Зубов.

— Моя система лучше. У меня ты не будешь как шакал бегать. Будешь как человек жить. Никакой контракт-монтрак не надо. Просто живи в моем доме, немножко помогай, немножко охраняй. Когда я поеду, поедешь со мной. Ты русский?

— Да.

— У меня в доме все по-русски говорят. Тебя никто обижать не будет. Женщину хорошую тебе дам. Хочешь, русскую, хочешь, армянку, какую хочешь. Сейчас ничего не говори. Думай, завтра скажешь. А эти аферисты тебя используют, потом выкинут, как мусор. Я их знаю. Это не люди.

— Почему?

— Потому что люди свою нацию уважают. Других тоже уважают, но своя нация на первом месте. А эти аферисты от своей нации отказались. Вот ты — нормальный человек. Я тоже нормальный человек. Ты русский, я азербайджанец. А Миша этот, Шалаков, белая голова, он не русский и не азербайджанец. Он знаешь кто? Туран.

— Я про таких и не слышал, — сказал Зубов.

— Правильно делал, что не слышал, — сказал Чингиз. — Такой нации нет. Это типа партийная организация. Они знаешь, что придумали? У кого в языке тюркские слова есть, это все туранцы.

— Туранцы? Значит, турецкие иранцы, что ли?

— Не иранцы, а засранцы, — сказал Чингиз, и первым расхохотался, подставляя Зубову ладонь.

Зубов пожал сухую твердую ладонь, но Чингиз выдернул руку и объяснил:

— Когда у нас говорят какую-нибудь смешную вещь, и руку вот так делают, надо просто хлопнуть по ней и все. Типа «я тебя понял, брат».

Он снова подставил ладонь, и Зубов по ней хлопнул.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Чингиз, тяжело слезая со стола. — Ты меня понял, я тебя понял.

— Я только не понял, — сказал Зубов, — какой смысл записываться в эти туранцы? Какая тут выгода?

— Наверно, есть выгода. Они все — шестерки. А шестерки любят работать в большой команде. Чтобы их было много. Вот ты один, их четыре. Ты справился. А если их четырнадцать, тогда что? А если сорок, тогда? Наверно, такая выгода. Ладно. Забирай игрушки и иди к своим аферистам. Завтра поговорим.

Они перешли в комнату со стеклянными столами. «Стечкины», «узи» и четыре коварно припрятанных ТТ лежали под марлей, как медицинские инструменты.

— Ай, аферисты, сукины дети, — покачал седой гривой Чингиз. — Конкретно им сказал, разбирайтесь без оружия. Будь проклят тот день, когда я пустил их сюда.

— Удивляюсь я, — сказал Зубов, укладывая в сумку чужое оружие. — Какие могут быть дела у такого человека, как вы, с такими уродами?

— Откуда ты знаешь, какой я человек? — спросил старик.

— Один глоток достаточно...

— Дела разные бывают, — сказал Чингиз, поудобнее устраиваясь в своем кресле и снова закуривая. — Я что, виноват, если какая-то шпана на моей земле устроила свою хазу? Раньше легче было. Все друг другу помогали, советовались. Этот вайнах дикий что, не мог у меня сначала спросить? Дядя Чингиз, у меня дома ситуация нестабильная, можно у тебя мои вещи полежат? Я что, без понятия? Нет, все сами решили. А теперь война из-за этих чемоданов. Мне войны не надо. Целоваться с туранами-баранами я тоже не буду, но они по-человечески попросили, культурно. Дядя Чингиз, люди говорят, что наши чемоданы видели где-то в твоём городе. Разберись, пожалуйста. Это уже другой разговор. А то, что они меня вербовать начали, это потому что аферисты.

— Вас? Вербовать?

— Клянусь, конкретно вербовали. Даже бумажку давали подписывать. Рекламщики, да. Такие они хорошие, половина мед, половина сахар. Мюсюльмане бедные, несчастные, только тураны-бараны их защищают. Наши школы все ерунда, дети пускай в медресе ходят. Я им сразу сказал: мозги полоскать не надо. Если ваш медресе такой хороший, почему ваши инженеры всю жизнь у нас учились? А насчет аллаха тоже самое. Пока я живой, мне мулла не нужен. Тем более турецкий. Мы «шийя», шииты, а они сунниты.

— Что, такая большая разница?

— Католиков знаешь? Есть разница с русскими? Вот у нас то же самое.

— Тогда зачем они сюда лезут? — спросил Зубов. Ему не хотелось уходить от старика, и он закурил еще одну его алжирскую сигарету. — Если бы католики так нагло лезли в Россию... А ведь так и есть. Лезут. Сейчас им свобода. Лезут все, кому не лень. Сектанты всякие, вообще уроды.

— Вот у нас тоже самое, — кивнул старик. — Я так думаю, они сами такую вещь придумать не могли. Это Америка их толкает. Спокойно жить не могут, слушай. Где немножко лишние деньги видят, сразу лезут. Теперь им нефть надо. Всем нашу нефть надо. Все сюда лезут, только не сами. Впереди себя разных баранов толкают. И у вас то же самое, ты говоришь?

— Да я особо не интересовался, — Зубов пожал плечами.

— Сынок, надо интересоваться такими вещами, — строго поднял Чингиз свой прокуренный палец. — Это как цирроз. Тихо-тихо болит, даже не думаешь про это. Потом — парт! И готово. Надо раньше интересоваться, чтобы потом не жалеть.

— Ну и чем кончилась их вербовка?

— Они видят, что я не какой-нибудь там пацан, сразу отстали. В общем, так. Пускай заберут свое говно, потом на сто километров ко мне не подойдут. Если чужое говно в твой дом попало, надо его быстро-быстро выкинуть, а потом хорошо почистить.

— Понятно, — сказал Зубов. — Почистить, конечно, придется...

Глава 26

Победителей не судят

С тяжелой сумкой Зубов вышел во двор. Автобус уже развернулся. Выбитое стекло было затянута серой занавеской.

Он поднялся на подножку передней двери и ощутил тяжелый запах крови и формалина. Салон автобуса был перекрыт серой шторой, и Азимов с Шалаковым сидели рядом на тесном сиденье. Зубов остался на подножке, бросив сумку на пол, и автобус выехал со двора.

Водитель открыл форточку, и теплый ветер бил в лицо Степана Зубова, обдавая его запахами нефти и вянущей листвы, вот примешался запах горячего хлеба, а вот потянуло жгучими соленостями с базара. Это были запахи жизни. Как же он раньше не замечал, что

жизнь так вкусно пахнет? А какие дивные женщины проносились мимо него... Некоторые изумленно оглядывались, увидев его ухмылку за стеклом закрытых дверей катафалка.

Пару часов автобус простоял у длинной стены с вышками и прожекторами. Зубов и водитель сидели на корточках под одиноким деревом, задерживая дыхание, когда ветер дул от автобуса.

Наконец, Шалаков с Азимовым вышли из КПП, а через какое-то время ворота раздвинулись, выпуская серый фургон с зарешеченными окнами.

Фургон послушно катил за автобусом через весь город до самой дачи. А там из него выгрузили изможденного зэка. Зубов завязал ему глаза черной лентой с остатками золотых букв и повел за собой, а впереди шагали «аферисты».

Они шли по извилистой дорожке между голыми деревьями к неприметному зданию на самом краю сада. Дом был сложен из такого же камня-кубика, что и бесконечный забор, окружавший сад. Маленькие окна были изнутри прикрыты пожелтевшими газетами. У входной двери стояли двое в сером камуфляже. Завидев идущих, они вытянулись и шагнули в стороны.

Внутри домик показался просторнее, чем снаружи. Стены и пол были покрыты толстыми коврами. Низкие кушетки и пуфики красного бархата стояли вокруг пары низких столиков. На темном полированном дереве поблескивали хрустальные вазы с черным виноградом и оранжевой хурмой.

Зубов почувствовал удушающий приступ голода. Наверно, он сглотнул слишком громко, потому что Азимов сказал ему:

— Сейчас, сейчас. Посиди здесь, тебя покормят по высшему разряду.

Он послушно сел на мягкую кушетку. Шалаков щелкнул своим ножом и перерезал ленту на глазах зэка. Тот принялся тереть глаза и оглядываться.

— Ярослав Ильич, — сказал Шалаков, обращаясь к зэку, но тот словно не слышал, продолжая изумленно оглядываться. — Ярослав Ильич, сейчас я не могу раскрыть вам все детали, но главное вы должны знать. Наше специальное подразделение сейчас проводит операцию по вашему освобождению. Осталось еще несколько шагов. На этом этапе требуется ваше непосредственное участие. Вам предоставят возможность поговорить по телефону. Будьте благоразумны и отвечайте так, как вам будет предписано. Ни одного слова от себя. Понимаете? Ни одного слова. Только то, что будет на листке. Вы меня слышите, Ярослав Ильич?

— Я? Я это... Как его... Ну да, я слышу. Слышу я, значит. Все путем, все отвечу, как скажете, это самое, как вам надо.

Так вот он какой, наш бесценный заложник... Зубов знал, что красноречие юристов может сравниться только с добротой и чуткостью врачей. Но от прокурора он все же не ожидал услышать «это самое».

— Вам надо отдохнуть и привести себя в порядок, — сказал Шалаков. — Пройдемте.

За плюшевой портьерой оказалась дверь, и в нее вошли Шалаков с Азимовым и потрясенный зэк, а вышел оттуда Камыш. Он подсел к Зубову и хлопнул его по коленке.

— Ну ты даешь, старая гвардия! Ну ты и отчубучил!

— А что такого?

— Да ничего особенного. Взял и перебил Мишане всю охрану. Как получилось-то?

— Нормально получилось, — Зубов пожал плечами. — Просто неправильно встали ребята.

— Пойдешь ко мне инструктором? — спросил Камыш, крепко сжимая колено. — Завтра же будешь на переподготовке. Завтра же. Сдаем работу, и все разбегаются, а мы с тобой в теплые края.

— Надо подумать, — сказал Зубов. — У меня уже есть пара предложений.

— Да чего тут думать? Тут уже подумали люди поумнее нас с тобой. По тестам у тебя сто баллов. Легенду мы тебе подберем. Месяц работаем в лагере с салабонами, месяц балдеем, а баксы капаят и капаят. Чего тут думать?

— Пожрать бы, — сказал Зубов, пытаясь отодвинуться. Ладонь Камыша жгла его колено.

— Это моментом, — Камыш засмеялся и хлопнул в ладоши.

Портьеры раздвинулись, и женщина в красном блестящем халате внесла поднос, от которого пахло жареным мясом.

— Ешь, пей, отдыхай, — приказал Камыш, вставая с кушетки. — Лалочка о тебе позаботится. До утра свободен. А днем поступаешь в мое распоряжение. Только не высовывайся. Земляки тебя ищут.

— Нет у меня земляков.

— У тебя-то нет. А у тех, кого ты в городе грохнул, есть. И земляки есть, и родичи, и все тебя уже ищут. Так что, Рома, теперь тебе одна дорога. Или ко мне в инструкторы, или в колодец.

— Все равно, — сказал Зубов. — Но сначала пожрать.

Глава 27

Семейное счастье Графа

В эту ночь Клейн сделал Рене предложение, и она ответила отказом.

Они лежали на ковре, обнявшись, и перешептывались как можно тише, чтобы не разбудить Эльдара.

— Нам надо жениться, — сказал он.

— Нет, не надо, — почти неслышно ответила она.

Он так удивился, что даже не смог обидеться.

— Но... Почему?

— Потому что поздно. Спи.

— Я давно собирался сказать тебе это, но как-то не было случая.

— Да, сейчас, конечно, самый подходящий случай.

В темноте ему показалось, что она улыбается, и он решил, что сможет ее переубедить.

— В общем, я им сказал, что ты моя жена. Нас вывезут отсюда вместе, прямо в Питер. Теперь ты будешь жить у меня. Эльдара я устрою в гимназию. Ты, если захочешь, будешь работать там же. Но лучше посиди пока дома.

Она долго молчала. Он погладил ее по щеке, и пальцы коснулись мокрого следа ее слез.

— Ты плачешь?

— Гера, Гера, ну как же ты мог... — Рена вздохнула. — Ну ладно, если надо, то надо. Поедем вместе. Но я вернусь при первой же возможности, ладно?

— Почему-то мне казалось, что ты будешь рада.

— Слишком поздно радоваться переменам.

— Что значит поздно? — Он зашептал слишком громко, и она прижала ладонь к его губам. Но Клейн не остановился: — Жизнь только начинается. Милая, знаешь, сколько раз я думал, что уже поздно, уже конец, уже ничего хорошего не будет? Но жизнь всегда начиналась заново. Все будет хорошо, можешь мне поверить.

Он приподнялся на локте, чтобы видеть ее лицо. Рена вытерла глаза и отвернулась.

— Это мужчины могут начинать новую жизнь, потому что вы живете только для себя. А у меня уже была одна жизнь, и она кончилась. Другая жизнь началась, когда родился Эльдар. Третьей жизни мне не надо.

— Ты думаешь, со мной ему будет хуже?

— Не обижайся, Гера. — Она снова повернулась к нему, и снова прижала ладонь к его губам. — Не шуми. Мальчик вырастет там, где родился. Это его дом. Пусть он вырастет в своем доме, а не в чужом. Здесь у него вся родня. Родители Вагифа, моя мама — ты о них подумал? Старики меня убьют, если я увезу их внука.

«Да что она говорит? — подумал он, сдерживая раздражение и обиду. — Причем тут старики? Да она просто не хочет быть со мной... Черт возьми, я же ничего не знаю о том, как она тут жила без меня. Значит, здесь ей лучше, чем со мной? Значит...»

Его обожгла ревность.

— Старики, старики, — повторил он за ней. — Это все слова. У тебя кто-то есть?

— Что?

— У тебя кто-то есть, — повторил он уверенно. — Другой мужчина.

Она просто отвернулась к стене. Среди ночи он почувствовал, что ее плечи вздрагивают.

— Я мог бы и сам догадаться, — глухо сказал он, чувствуя, что с каждым словом между ними вырастает пропасть. — Я не собираюсь ломать твоё счастье. Прости. Но у нас нет другого способа отсюда выбраться.

Рена перестала плакать и повернулась к нему. Ее горячая рука легла ему на шею, и она зашептала сбивчиво и бессвязно.

— Почему, Гера? Ну, почему все время одно и то же? Сначала один. Он любит меня, я люблю его, и все так хорошо, только он не может на мне жениться, потому что для этого надо сначала развестись, а развод помешает его работе. Мы все тянули и тянули, а потом началась война, и все пропало... Потом Вагиф. Он хороший человек, очень хороший, и никаких разговоров о любви, мы уже взрослые люди, и он все про меня знает. И он честно говорит, зачем ему нужна жена. Мы поженились, потому что освободилась должность для местного, партийного, женатого, а он был не женат. И вот мы поженились, и все было прекрасно, и он гибнет на войне... И теперь ты...

— Бог троицу любит, — сказал Клейн. — У нас все будет хорошо.

Но пока все было не так хорошо, как ожидал он после беседы с турком. Он и ответил почти на все вопросы, и всячески демонстрировал готовность к разумному сотрудничеству, и был за это награжден кучей комплиментов и обещаний. В знак особого доверия он даже выпил пару стаканчиков чая, после чего настроение его резко улучшилось. Он стал снисходителен и податлив, и, кажется, даже подписал какую-то бумагу... Контракт с агентством «Туранбуран Протект». Испытательный срок три месяца... Оплата по договору... Консультационные услуги... Что-то там еще. Обязательства о неразглашении... Он не мог вспомнить подробности, и это определенно говорило об отравляющем, точнее — психотропном воздействии чая. Недаром они так настойчиво его предлагали. Так или иначе, а контракт он подписал — но положение его пока не изменилось. Ему не дали связаться с Ковальским и Паниным. Ему не вернули его документы и вещи. И по-прежнему держали в бараке под охраной.

Небольшие изменения в режиме были заметны только в процедуре кормления. Сначала в ведре приносили объедки. Пару раз выбросив их в унитаз и выставив вымытое ведро в коридор, на третий раз, к вечеру, Клейн обнаружил в ведре не объедки, а какой-то газетный сверток. Газета была старая и грязная, и Клейн ожидал, что в нее завернуты какие-нибудь сухари и огрызки. Но он ошибся.

Паштет, фасоль, маслины, сушеный инжир, финики. Отдельно были завернуты яблоки и хурма. А на самом дне ведра был теплый лаваш, заботливо обернутый полотенцем.

Рена тщательно вымыла фрукты и внимательно изучила все надписи на консервах, прежде чем покормить Эльдара.

После такого ужина настроение у нее поднялось, поэтому Клейн и решился на важный разговор. Для него этот случай был самым подходящим. Ни при каких иных обстоятельствах он бы не решился предложить ей выйти замуж.

Все очень просто. Клейн делил людей на две породы. Есть люди семьи и есть люди стаи. Это два разных мира. Семья разрушает стаю. Стая разрушает семью. Поэтому людям разных пород лучше не смешиваться.

Рене нужна семья, и она у нее есть. У Клейна семьи нет, но она ему и не нужна.

Он вырос в стае, он живет в стае, в стае он и умрет. Когда-то его стая была огромной и

могучей, и перелетая из края в край великой страны, везде он был своим, на юге и на севере. Молодые самцы подчинялись ему, а он подчинялся матерым, но водку пили все наравне, чинов не разбирая, и так же гибли, тоже наравне. И самки, молодые и зрелые, уступали ему одинаково охотно на юге и на севере, особенно на севере...

Нет уже той стаи. Его новая стая способна уместиться в десантном отсеке БМП, и то — если соберется в одной точке.

Но это не может превратить его в человека семьи. И все, что он мог предложить Рене — это переехать в более удобное для жизни место. Он даже не задумывался, любит ли он ее? Любит ли его она? Ему хотелось, чтобы она жила лучше. Чтобы она жила.

— У нас все будет хорошо, — повторил он. — Все будет так, как хочешь ты. А дедушки-бабушки, может быть, только рады будут, что пацан учится в петербургской гимназии.

— Может быть...

Под утро Клейн услышал легкий стук в окно. Он бесшумно встал и приоткрыл створку.

Бритоголовый парень с персидскими круглыми бровями, сросшимися на переносице, типичный талыш, протянул ему термос и газетный сверток.

— Чай, — сказал талыш. — Масло, сахар, немножко хлеб.

— Спасибо, брат, — сказал Клейн.

— Для мальчика что еще надо, скажи.

— Ничего не надо.

— Твоя жена учительница, да? — спросил талыш.

— Да. Ты ее знаешь?

— Нет, просто так сказал. Культурная женщина. Даже ведро моет. Я думал, она доктор. Охранщики сказали, что бедная. Бедная, значит учительница. Доктор бедный не бывает. А мальчик на тебя похожий, копия, клянусь. Только ты рыжий, а он черный, как мы. Дай Бог здоровья ему.

— Спасибо, брат, — сказал Клейн, гадая, как и когда этот парень ухитрился разглядеть Эльдарчика.

— Чай пейте, это хороший чай, настоящий ленкоранский, домашний. Что надо, скажи, я в обед принесу. Охранщики все уедут, мальчик мало-мало гулять будет. Детям гулять надо, воздух надо, солнце надо.

— Домой ему надо, домой, — сказал Клейн.

Талыш вздохнул, огляделся и ушел, катя перед собой тачку на велосипедных колесах.

С утра на базе боевиков началась какая-то суета. Стоя у закрытого окна, Клейн слышал дружный топот вооруженных групп, пробегающих мимо барака. На слух он определил: группы до десяти штыков, с легким стрелковым вооружением, без поклажи. Что интересно — команды отдавались то на азербайджанском («Сол! Сол!¹⁸»), то на русском («Левое плечо!»).

Постепенно все стихло, и доносились только звуки открывающихся ворот.

Охранник, вежливо постучав, вошел в их комнату.

— Я извиняюсь, выходим на прогулку по одному. Кто первый?

— Ребенок один не пойдет, — сказал Клейн.

— Само собой, само собой, — закивал охранник. — С матерью или с отцом, само собой.

— И с матерью, и с отцом, — сказал Клейн. — А кто приказал-то? Неужто господин Шалаков?

— Не знаю я господина Шалакова, — сказал охранник. — Мы и сами с усами. Даже в тюрьме прогулка положена, а тут вообще, с ребенком... Короче, кто первый на выход?

Первым пошел Клейн. Охранник довел их до спортплощадки и стоял в сторонке,

¹⁸ сол (азерб.) — зд. «Левой!»

покуривая, пока Клейн с Эльдаром лазили по турникам и брускам. Нашелся даже потертый футбольный мяч, и им удалось недолго погонять его по асфальтовому полю. Недолго, потому что в небе появился оранжевый вертолет. Он начал поворачивать и снижаться, накренившись и посверкивая стеклами. Охранник торопливо скомандовал:

— Сматываемся! Бегом в расположение!

Снижающийся Ми-8 наполнял пространство грохотом и свистом, под деревьями взметнулись желтые и бурые листья, и поползла по дорожке сада, кувыркаясь, старая газета.

Они добежали до барака, охранник проверил, закрыто ли окно, и сказал:

— Ничего, скоро они улетят, тогда еще погуляете.

— Долго нас еще будут держать здесь? — спросила Рена.

— Здесь долго не держат, — сказал охранник и вышел.

Обычное занятие заключенного — ожидание очередной кормежки. Рена занималась с сыном географией, играя в «города». Клейн валялся на шубах, разглядывая каталог туристического агентства «Туранбуран Круиз» и подсказывая Эльдару. На букву «л» он подсказал автоматически — Ленинград.

— Нет такого города, — сказала Рена.

— Нет, есть! — возразил малыш. — Я сам слышал.

— Сынок, Ленинград был раньше, теперь его нет.

— Нет, я сам слышал, по телевизору показывали, как фашисты хотели уничтожить Ленинград, но у них ничего не получилось, и наши победили.

— У фашистов-то не получилось, — сказал Клейн.

— Сынок, теперь этот город называется по-другому. Это Санкт-Петербург, на букву «эс». Санкт — по-немецки «святой», «Петер» — Петр, «бург» по-немецки «город». Получается «Город Святого Петра». Ну, что с тобой?

— А почему? — спросил Эльдар недовольно. — Почему Ленинград называется по-немецки? Наши что, не победили?

— Все нормально, — Клейн отбросил каталог и обнял малыша за плечи. — Наши победили. Ленинград стоит на старом месте, никуда не делся, только название поменял, но это ерунда.

— Как? Юрунда? — мальчуган расхохотался, обрадовавшись смешному словечку.

Клейн успел проголодаться к тому времени, когда в окно постучали. Это был тот самый талыш.

— Охранщики все уехали, — сказал он. — Двери закрывали, через окно надо вылезать. Пошли, хлеб кушать будем.

— Охранники уехали, а ты кто?

— Я? — удивился талыш. — Я повар, да.

— Что за бардак, — сказал Клейн. — Такой бардак уже пахнет провокацией. Почему на окнах нет решеток?

— Раньше был решетка. Белый Голова сказал, чтоб снимали. Был один несчастный случай, да.

Клейн догадался, что кличку «Белая Голова» здесь присвоили Мишане Шалакову.

Повар провел их в свой домик на краю сада, там уже был накрыт стол, и они наконец-то поели как люди, а не как заложники. Рена говорила с талышом по-азербайджански. Эльдар тоже участвовал в разговоре, вежливо отвечая на вопросы повара, чем приводил того в восторг.

— Какой сын у тебя, честный слово, талант, э, просто талант! — говорил талыш Клейну. — Дай Бог здоровья. Культурный мальчик, настоящий бакинец.

— Он не бакинец, — сказала Рена. — Он в Ленкорани родился. Вы Новруза Расул-заде знаете? Это дедушка Эльдара.

— Расул-заде? Новруз-бек? — круглое лицо повара просияло восторженной улыбкой. — Такой человек! Его у нас все знают. Большой человек, уважаемый.

— Раньше был уважаемый, а сейчас... — Рена вздохнула.

— Э, сестра, так не говори. Жалко, он в Баку уехал. В Ленкорани он был как царь. Зачем уехал? Сейчас мог делать отдельный республика, Талышистан, да, — повар засмеялся. — Сейчас такой время. Татарстан отдельно, Туркестан отдельно, талыши тоже люди, тоже хотят отдельный республика. Вай, какой человек! А я думаю, почему мальчик такой умный? Земляк, да!

— А можно вертолет посмотреть? — спросил Эльдар.

— Ай балам, почему нельзя? Пойдем посмотрим.

— А тебе ничего не будет за это? — спросил Клейн повара. — Все-таки нам вроде положено под замком сидеть.

— Э, никого нету, только на воротах сидят, и еще летчики. Пошли погуляем, потом чай пить будем. Они только ночью приедут, я все слышал. На размен поехали. Мне сказали, собак открой, пускай собаки охраняют. Я что, совсем ненормальный? Собаки никого не слушают, только одного монгола слушают. Если монгол не приедет, кто будет собак закрывать?

— А почему он может не приехать? — спросил Клейн.

— Я просто так сказал, да. У них каждый день кто-нибудь не приезжает.

«Неужели они так мне доверяют, что оставили без охраны? — подумал Клейн. — Уверены, что я никуда не денусь? Думают, что я не смогу убежать, бросив тут жену с ребенком? Значит, они и не собираются выпускать Рену. Они выпустят меня, а ее оставят заложницей. Чтобы я был более послушным».

— Мне не нравится, что в лагере нет охраны, — тихо сказала Рена, когда Эльдар отбежал от них, гоняясь за курицей. — Это подозрительно. Что-то случилось.

— Ничего не случилось. Просто теперь они думают, что я работаю на них.

— Но ты же не будешь работать на них?

— Я буду просто работать. Как раньше, — сказал Клейн. — Только теперь мы будем жить вместе. Тебе придется привыкнуть к северному климату. Эльдарчик будет учиться в самой лучшей гимназии. И еще мы купим новую квартиру, побольше.

— Ты серьезно? — она остановилась. — Ты им веришь? Они взяли нас в заложники, а ты им веришь? Они напали на женщину с ребенком, они подонки, а ты им веришь?

Он не знал, что ответить. Ей ведь не скажешь, что и сам когда-то захватывал семью Рахмат Шаха, чтобы склонить командира моджахедов к переговорам. Ей не докажешь, что Шалаков и его команда не собирались сдирать с Рены кожу на глазах Клейна, чтобы выпытать у него все тайны. Захват родственников практикуется с целью психологического давления. Между прочим, Клейн этого давления не выдержал. Так что теперь-то Рене тем более ничто не угрожало. Но есть вещи, которые нельзя прощать.

— Я им не верю, — ответил Клейн. — Да и они мне тоже не слишком доверяют.

— Как же ты сможешь работать с такими подонками? — спросила Рена.

«И не с такими работал», хотел ответить Клейн.

— Что же мне, убить их? — спросил он.

— Лучше убить их, чем жить с ними, — сказала Рена.

— Договорились. Как только ты окажешься в надежном укрытии, я их убью. Всех по очереди.

— Я не шучу, Гера.

— Я тоже, — сказал он.

Рена хотела еще что-то сказать, но тут подбежал Эльдар, и она промолчала.

Рена шла с сыном впереди, Клейн с поваром держались сзади. Оранжевая туша вертолета виднелась за деревьями. Двое в кожаных куртках возились у передней стойки шасси. Они вяло матерились, что-то откручивая и подтягивая. Третий сидел, свесив ноги из люка, и потягивал из бутылки «Агдам».

— Гера, своди мальчика на экскурсию, — попросила Рена. — Познакомь с боевой техникой, ты это любишь.

Клейн взял Эльдара за руку и вышел на асфальтовую площадку, где стоял вертолет.

Штурман и техник продолжали ковыряться со своими ключами и гайками, не обращая внимания на посторонних, но материться перестали. Командир аккуратно поставил пустую бутылку в ящик у себе за спиной, снял синюю фуражку и, без тени улыбки, протянул ее Эльдару.

Вертолет был осмотрен издалека, вблизи, потроган и понюхан, и строгий вертолетчик даже взял Эльдара с собой в кабину, и через десять минут оттуда вышли уже два вертолетчика.

Большой вертолетчик достал новую бутылку из ящика, а с маленьким Клейн вернулся к Рене. Она сидела на краю пустого бассейна и грызла яблоко.

— А где повар?

— Фейзулла? Он уехал.

— Как уехал? А как же чай?

— Я обо всем договорилась, — сказала Рена. — Вечером мы будем дома.

Глава 28

Политзанятия

Панин и Ковальский совершенно упустили из виду своего пленного. Нет, конечно, они не забывали его покормить, и привязывали на ночь к койке, но пленных надо не просто содержать — с ними надо работать. Идеологическую сторону они пустили на самотек. И результаты этого упущения не заставили себя ждать.

Пленный водитель, его звали Балабек, заметно преобразился, когда в убежище появились друзья Махсума.

Он перестал жалобно причитать, перечисляя членов своей семьи, умирающих от горя в связи с его отсутствием. Ему великодушно разрешили играть в нарды, и это великодушие, как обычно, было жестоко наказано, причем двойко. Во-первых, усевшись за нарды, Балабек оказался гроссмейстером, и никто не мог его высадить. Во-вторых, во время игры он непрерывно пел.

Если бы в его репертуаре было что-нибудь из Муслима Магомаева или Полада Бюльбюль оглы, это еще можно было и стерпеть. Но Балабек исполнял песни только собственного сочинения. А сочинял он по принципу «что вижу, то пою». Иногда его куплеты вызывали смех у Али, Вели и Талыша, и они переводили текст для остальных слушателей. Надо сказать, что юмор вообще много теряет при переводе, поэтому шуточки Балабека не казались смешными больше никому. И переводчики забросили это дело. Поет — и пусть себе поет.

Но когда пришел Фикрет, Сергеич все-таки попросил его прислушаться к творчеству пленного ашуга. Особенно интересовало Ковальского словосочетание «руслар — вируслар».

— Глупости, — отмахнулся Фикрет. — Сам не знает, что болтает.

— И все-таки, что это значит?

— Значит «русские вирусы». Дурной, да. Ты не обижайся.

— Почему это я должен обижаться за русских? — удивился Ковальский. — Я вообще-то поляк.

— Почему не уезжаешь в Польшу? — спросил кто-то из друзей Махсума.

— Потому что Волга впадает в Каспийское море. Зачем мне уезжать?

— Поляки должны жить в Польше. У вас есть своя земля, там живите. Каждый человек должен жить на своей земле.

— Это точно, — сказал Ковальский. — Вот я и живу на своей земле. Вы, ребята, наверно, в школе это не проходили. Польша была в составе России. Финляндия была. Даже Аляска была. Вот это была страна, я понимаю. Одна граница с Германией, другая с Канадой. А на юге граница с Англией.

— Э, кончай, — сказал Лезгин. — На каком юге? Англия на западе, мозги пудрить не

надо.

— А Афганистан тогда был английской колонией, так что на юге была таки граница с Англией. Вот такая была карта мира. Кому она мешала? Но это ладно, это история, а почему русские-то вирусы, а, Балабек? Ты знаешь, что такое вирусы?

— Вирус — это зараза, — сказал Балабек.

— Ага, — обрадовался Ковальский. — Картина проясняется. Значит, русские это что-то вроде плесени на здоровом теле содружества наций, так, что ли? Больно толстая плесень получается. Миллионов сто, наверно. Да, болезнь зашла далеко. И что, есть лекарство от вирусов?

— Э, я маленький человек, — заныл Балабек. — Я ничего не знаю. Какой такой лекарство?

— Нет, наверно, не сто миллионов, — сказал Хохол. — Все ж таки поменьше будет. Раньше больше было, а теперь народ вымирает. Я слышал, типа по миллиону за год откидывается.

— Значит, действует лекарство, да, — усмехнулся Курд.

— Действует, — согласился Ковальский. — Хотелось бы только с доктором познакомиться. Просто чтобы спросить, за что ж он так на русских-то навалился? За что их не любят?

— А за что их любить? — сказал Лезгин. — Ты посмотри, что с Чечней сделали. А что с Афганистаном сделали? Один миллион народа убили, целый миллион, э.

— Может, и не миллион, но народу там накрошили, конечно, — сказал Ковальский. — И что, там только русские резали людей, да? А я вот слышал, что туда в основном посылали ребят такого азиатского типа или кавказского. Я даже слышал, что вроде мусульманские батальоны были самыми боевыми.

— Э, командиры все русские были. Летчики русские.

— Самый знаменитый русский летчик это генерал Джохар Дудаев, — сказал Ковальский. — Его бомбы, наверно, побольше народу поубивали, чем какой-нибудь шофер Вася, который солярку возил для кабульских госпиталей.

— Давай не будем политзанятие делать, да, — сказал Лезгин. — Уже поздно считать, кто больше убил, кто меньше убил.

— Да на войне вообще убитых считать бесполезно. Миллион за десять лет. А пакистанцы за полгода три миллиона перебили. Это как? Может быть, пакистанцы тоже вирусы? Может, их тоже не все любят?

— Где это они три миллиона перебили? — спросил Хохол.

— В Бангладеш. Был такой маленький кризис в 70-м году. Вот, кстати, «паки» русских не любят вполне справедливо. Тогда один русский ракетный крейсер, который за Индию работал, взял и потопил весь пакистанский флот. А бангладешские ребята, я так думаю, очень не любят пакистанцев, и тоже за дело, — сказал Ковальский.

— Э, вообще, какой народ любят? — спросил Курд. — Нас тоже некоторые не любят. Что с нами Турция делает, весь мир знает. Все знают, все молчат. У чеченов, у албанцев рекламщиков много, а про нас все молчат. Ничего, мы не плачем. Они нас убивают, просто в натуре убивают, никакого лекарства не надо — огнеметами, танками, самолетами. Ничего, мы не плачем. Кто может воевать — идет воевать. Кто не может — отстегивает бабки на общий котел. Но мы не плачем, мы деремся. А русские ничего не делают. Их из дома выгоняют, они молчат. Их девочек насилуют, они молчат. Их скоро на колбасу пускать будут, они все равно молчат.

— И за это их не любят, — сказал Лезгин. — Очень терпеливые они потому что. Слишком терпеливые. Все терпят. А мы не такие терпеливые, мы терпеть не хотим. Зачем терпеть? И правильно говорят. Пускай они идут в свою Россию, и там терпят. А мы здесь, на своей земле, терпеть не будем.

— Хорошо сказал, — Курд покачал головой. — Только сначала найди свою землю.

Лезгин хотел что-то сказать, но передумал и махнул рукой. Паузой воспользовался

Балабек. Он бросил кости, с треском передвинул шашки и сказал авторитетно:

— Россия делает дистрибутизацию обстановку на Кавказском регион.

Все онемели. Балабек истолковал тишину в свою пользу и добавил от себя:

— Пока русских не было, мы хорошо жили. Русские все пьяниси. Русские женщины все бияди.

Эта банальная фраза оказалась для него роковой. Фикрет развернулся и звонко залепил Балабеку в ухо. Потом схватил за волосы и рванул вниз, припечатав его физиономию к столу. Нарды свалились на пол, черные и белые шашки раскатились по углам бункера. Фикрет опрокинул Балабека на пол и пару раз пнул ногой. Балабек сжался колобком и молча сносил удары.

Панин выглянул из комнатки дежурного, где они с Махсумом вели телефонные переговоры, посмотрел, что за возня, и приложив палец к губам, скрылся за закрытой дверью. Избиение продолжалось совершенно бесшумно.

— Да оставь ты его, — попросил Ковальский.

— Сначала убью, потом оставлю, — сказал Фикрет, задыхаясь.

Он бы и убил, если б его не оттащили. Балабека водворили на прежнее место в угол бункера и привязали к койке. Нарды собрали, но настроение играть пропало.

— Ты чего сорвался? — спросил Ковальский. — Мало ли что болтают разные идиоты. Если бы я так отвечал на каждую глупость, меня бы давно расстреляли.

— Из-за таких все случился, — сказал Фикрет, пытаясь успокоиться. — Вся война началась из-за таких. Мы хорошо жили. Мы очень хорошо жили. Все вместе. Потом эти гетвераны, эти пидарасы пришли, начали шум поднимать. И началась война. А теперь он тут сидит, мой хлеб кушает, и еще мою жену ругает.

— У тебя жена русская? — спросил Курд.

— Русская тоже есть.

— Но он же не знал, — Ковальский попытался оправдать Балабека, опасаясь, что тот будет зарезан ночью.

— Какая разница, знал, не знал... Ты слышал, что он сказал. Таким жить не надо, клянусь. Таких душить надо, как собак.

Ковальский постарался перевести разговор к воспоминаниям. Выяснилось, что при старой власти, под гнетом русских вирусов, все и в самом деле жили хорошо. Талоны на мясо и масло, конечно, никто не забыл. Но ведь и тогда люди ухитрялись устроиться. Почти все так или иначе доставали лишние талоны, и морозильники были забиты запасами. Зато спокойно ездили в Москву или Ригу, отдыхали в Кисловодске или Сочи, по профсоюзным путевкам летали за границу — ГДР, Вьетнам, Куба... О, Куба, любовь моя! Кстати. О девочках.

Когда Махсум и Панин вышли из дежурки, Талыш как раз рассказывал, как его пытались изнасиловать в городе Иваново. На самом интересном месте Махсум перебил рассказчика грубой командой:

— Кончай базар. Вечером идем на размен.

— Что с собой берем? — спросил Хохол.

— Еще не знаю, — сказал Махсум. — Надо место посмотреть сначала. На всякий случай приготовь все.

— Всё?

— Всё, «красавчика», «муху», в общем, всё. Сергеич, Фикрет, надо ехать, место смотреть.

— Два часа ночи, — сказал Фикрет. — Куда ехать, что смотреть?

— Самое подходящее время. — Ковальский встал, потирая руки. — Поехали.

Ему приходилось когда-то участвовать в обмене пленными. Но тогда было проще. Тогда была, хоть и условная, но линия фронта. Была и нейтральная полоса, куда выпускали одновременно по одному пленному с каждой стороны. Но как это делается в городе? Кот мог бы предложить несколько вариантов, но было уже поздно: телефонные переговоры

закончились тем, что Азимов настоял на способе размена, взятом из фильма «Мертвый сезон».

Только вместо моста здесь была эстакада с трубопроводами, а вместо пограничной речки — канал с промышленными стоками.

Место, где канал впадал в Каспийское море, наверно, было хорошо видно из космоса. Вода здесь меняла цвет в зависимости от производственных успехов химических заводов, сливавших в канал свои отходы.

Фикрет съехал с обочины и, сколько мог, проехал вдоль канала. Наконец, «Нива» взобралась на крутую насыпь и остановилась. Дальше даже Фикрет не решился ехать.

Они переоделись в черные комбинезоны бойцов гражданской обороны, вооружились фонариками и принялись изучать место. Горы земли и строительного мусора, осыпавшиеся траншеи и котлованы, на дне которых блестела вода, отражая свет фонариков. И над всем этим тянулись сплетенные трубы, и что-то свистело, пыхтело и капало из-под многочисленных вентилей.

Им предстояло вечером собраться у эстакады — команда Махсума с северной стороны, команда Азимова с южной. Южная сторона была перекопана вдоль и поперек, а по северной вдоль всего канала виднелась вполне приличная дорога.

Кот перебрался по эстакаде через канал. Он шел между трубами по ржавой сетке, и она прогибалась под ногами. В трубах что-то стучало, и ему очень не хотелось к ним прикасаться. Вода внизу шумела и булькала. Да и не вода это была, а жутко смердящая жижа, которая пузырилась и пенилась, обтекая опоры эстакады.

Кроме дороги, на северном берегу обнаружилось кое-что еще. Следы машин и множество окурков. Кто-то уже проводил здесь рекогносцировку. Значит, почему-то этот берег показался Азимову менее удобным.

Кот прошел по дороге между каналом и бетонным забором какого-то химического завода и добрался до шоссе. Здесь канал уходил в бетонные кольца, которые были спрятаны под дорогу. В принципе, это тоже можно было считать мостом, почему бы не провести обмен здесь?

Он вернулся по южной стороне к Фикрету, чуть не вляпавшись в сладко пахнущую лужу под трубопроводами.

— А что здесь, в трубах, не знаешь? На бензин не похоже.

— Какой бензин? — Фикрет тщательно вытряхнул снятый комбез. — Если бы тут бензин был, на каждый метр надо было охрану ставить. Нет, тут всякая химия. Мила говорила, что если маленькая бомба сюда упадет, в городе все умрут. Хлор знаешь?

— Знаю. То-то запашок знакомый. Поехали скорее отсюда, — сказал Ковальский.

Он остался недоволен разведкой. Вместо того, чтобы просто изучить местность, ему пришлось задуматься — почему противник выбрал для себя такую неудобную позицию? Машину поставить некуда, придется большую часть пути проделать пешком. Вонь, грязь, никакого обзора. А на другой стороне — дорога вдоль заводского забора и ровная площадка, откуда просматривается канал на всем протяжении от моря до шоссе.

Нет, подумал Кот, если бы размен проводил я, то уж для себя я бы выбрал северный берег.

Значит, противник либо полный идиот, либо английский джентльмен.

Либо противник и не собирается проводить размен.

Фикрет что-то сказал, но Кот не слышал его, застыв с поднятым пальцем. Ему вдруг стало ясно, что противник выбрал для себя как раз самую удобную позицию. Но не для размена, а для стрельбы.

Это же чистый футбол. Одна команда выбирает удобную половину поля, зато другой команде достается мяч. Право первого удара. Ну нет, это право Кот решил оставить за собой.

— Извини, что ты сказал?

— Я сказал, плохое место для нас, — повторил Фикрет. — Когда ты там ходил, я тебя хорошо видел. Никакой защиты там нет. Плохое место.

— Нет плохих мест, — сказал Ковальский, приглаживая усы. — Есть плохая маскировка. И кто только учил этих придурков?

Глава 29

В прицеле — свои

Лалочка заботилась о Зубове всю ночь. «Лежи. Молчи. Не двигайся. Я сделаю все сама», сказала она. Такую женщину он ждал и искал всю жизнь. Наконец-то ему досталась женщина, с которой не надо было ни о чем договариваться. Не надо было ни просить, ни подсказывать. Она делала все. Нежно и бесшумно. Ее огромные груди щекотали его по животу, груди, щекам, и вдруг прижимались к его лицу, оказавшись теплыми, как свежий хлеб, и мягкими, как первый снег. А ягодички были прохладными и нежными, как морская волна, и они мягко обволакивали его живот, бедра, и снова живот... Она тоже ничего не говорила, и только дыхание ее становилось иногда прерывистым, потом замирало на бесконечное мгновение, и оба они застывали, но она оживала первой, и все начиналось сначала. Наконец-то ему досталась женщина, которая не кричала, не стонала, не кусалась, не царапалась — зато он под ней и стонал и кричал. Возможно, что и кусался, потому что несколько раз она шлепала его по губам. Она мыла его теплой губкой и обтирала своими волосами, она приносила в постель вино и фрукты, и ее голос журчал ласковыми и короткими фразами, журчал, как струйка вина, наполнявшая бокалы... «Теперь ты лежи и не двигайся», скомандовал он, но она не подчинилась, и это была схватка, и скачка, и это уже была другая женщина, и не женщина, а воющая кошка. И снова недолгое перемирие, и он сдался, и снова она нависала над ним своим нежным шелковистым животом без единой складки... Вконец измотанный, он заснул под утро и не заметил, как она исчезла.

Его разбудил шум вертолета.

«Проспал все на свете», подумал он с досадой. Ломило поясницу, ноги были как ватные. Не надо было пить этот портвейн. Если они даже в чай что-то подмешивают... О чем она спрашивала? Он же что-то ей рассказывал... Не вспомнить. Полный провал в памяти. В углу он нашел медный таз и кувшин с длинным носиком. Поливая себе на руку, умылся. Вода пахла розой, и он вспомнил, как Лалочка ночью лила ему на живот струйку из этого кувшина... Ага, появляются проблески памяти. Что же он ей рассказал? Да что он мог рассказать...

У него были другие планы на эту ночь. Прошли сутки, а он ничего не сделал. Где сейчас Граф? Его могли перебросить куда-нибудь, заложников обычно не держат долго на одном месте. И если его здесь нет, то зачем тебе здесь оставаться? А если Граф еще здесь, то почему ты кувыркаешься с восточной пышечкой, вместо того, чтобы действовать?

Как действовать? Зубов вдруг почувствовал, что на него смотрят. Он сидел взаперти, голый, без оружия, один. А за стенами комнатки целая толпа врагов.

Кажется, маскарад закончен, подумал он, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Маскарадом они когда-то называли выход на засадные действия в гражданской одежде. Это было давно.

Сейчас другая война. Сейчас не надо переодеваться в одежду противника. Идет обычная гражданская война. Противники говорят на одном языке, носят одинаковую форму, пользуются одинаковым оружием. Идеальная обстановка для разведки и диверсий. А контрразведчику остается либо застрелиться, либо хватать всех, с кем лично не знаком.

Он нашел в шкафу свою одежду, аккуратно висящую на плечиках. Камуфляж висел отдельно, причем никаких следов пыли и грязи, все было заботливо вычищено. Рядом на полочке лежали ПСМ и кольт, магазины отдельно.

Он понюхал ствол. Нет, оружие осталось нечищеным. Все-таки Лалочка его обманула,

пообещав сделать *всё*.

Не одеваясь, он сгреб все со стола и занялся неотложным делом. Носовой платок, кусочек мыла да слюна — вот и все, что понадобилось Зубову, чтобы привести оружие в порядок. А потом он разлегся на кушетке, а вазу с виноградом поставил на пол рядом с собой. Примерно так он представлял себе рай. Не нравились ему только запертые двери, но он надеялся, что они распахнутся, и к нему вернется Лалочка с новым подносом, потому что даже в раю надо следовать распорядку дня, а время обеда уже наступило.

— Нехило устроился, — сказал Камыш. — Народ на работу выдвигается, а он виноград хакает.

— Все меня позабыли, позабросили, — сказал Зубов, натягивая штаны. — Сижу тут, как на губе.

— Да, губа у них тут первый класс, — ухмыльнулся Камыш. — Мне бы такое счастье. Подъем, Рома, на выход. Камуфляж не надевай.

Он поднял с пола часы Зубова и поцокал языком:

— Отличная машинка. Оставь здесь. Не пропадет.

— Я без часов из дома не выхожу, — сказал Зубов.

— Сегодня придется, — сказал Камыш. — Сегодня тебе придется руки запачкать. Документы давай сюда, сегодня они тебе не понадобятся. Оружие не бери. Ты снайперку в руках держал когда-нибудь?

— В детстве.

— Отставить разговорчики, — сказал Камыш. — Я серьезно. У меня людей не хватает. Приехали только двое снайперов, а нужно четверо. Придется самому поработать. И ты давай подключайся.

— Я не снайпер, — сказал Степан. — У меня вообще от оптики глаза слезятся.

Камыш открыл дверь и подтолкнул вперед Зубова. Они долго шли по длинному темному коридору, где свет пробивался сверху, из под неплотно лежащих шиферных листов. Коридор закончился низкой железной дверцей. Камыш погромел в ней ключом, дверца распахнулась, и Зубов зажмурился от ударившего света, и ветра, и плеска прибора.

Они стояли на краю обрыва, а внизу на зеркало шоколадного песка набегали длинные тонкие волны.

— Красота, — сказал Камыш. — Люблю я эти места. Всегда с удовольствием приезжаю. И народ здесь отличный. Ты как, бывал тут раньше?

— Проездом.

— Ну ты и темнила, — сказал Камыш. — Надо будет Лалочку поспрашивать, что ты ей там пел.

— А чего спрашивать. Прослушай диктофон, и все дела.

— Диктофон? Много чести на таких, как мы, диктофоны тратить. Дуй за мной.

По узкой тропке они прошли вдоль обрыва, завернули за выступ скалы и скоро оказались на дороге. Голубая старенькая «тройка» стояла на обочине. Камыш сел за руль, Зубов на заднее сиденье. На полу он увидел укороченную винтовку Драгунова, обернутую махровым полотенцем.

Двигатель зачихал, зачирикал и замолк. Камыш выругался, поднял капот и рукояткой пистолета постучал по клеммам аккумулятора. После третьей попытки мотор, наконец, заревел на повышенных оборотах.

— На таком аппарате далеко не уедешь, — сказал Зубов.

— А нам далеко и не надо.

Машина съехала по крутой дороге к воде, и Камыш сказал:

— Видишь, забор в море уходит? Последний столбик видишь?

— Вижу.

— С трех патронов попадешь?

— Откуда?

— Да отсюда. Из машины. Только ствол не высовывай. Вот так, на спинку можешь

опереться и через переднее правое окно стреляй.

Зубов приложился к винтовке, подвинул поудобнее накладку под щекой и прижал бровь к прицелу.

— Давай магазин.

— Постой, постой, — Камыш скрутил ватные затычки и запихал их в уши.

Первым же выстрелом Зубов выбил из столбика струйку пыли, но Камыш приказал стрелять еще. Второй выстрел не дал видимой отметки попадания. После третьего от столбика оторвалась труба, на которой крепилось ограждение.

— Хорош, — сказал Камыш. — Сойдет по бедности.

Машина выбралась на твердую дорогу, развернулась и понеслась куда-то вдоль линии прибоя. Камыш говорил, часто поворачиваясь к Зубову:

— Эти козлы затеяли засаду нам подстроить, но мы их сами подловим. Наша задача снять их снайперов. Там тоже ребята тертые, таджики. Полные отморозки. У себя дома русских детей резали как цыплят. Но мы им не цыплята. Засадим по самые помидоры. И по домам. Ты решил насчет переподготовки?

— Нет еще.

— Ну темнила, смотри, не перетемни. Я ведь не каждому предлагаю. Ты кем вышел, капитаном, майором?

— Генералом.

— Да мне на твою анкету насрать. Мне просто интересно, чем на тебя давить можно. Вроде с бабками у тебя нормально, если в командировку «Свисс Арми»¹⁹ берешь. Зато у нас ты как бы снова в армию попадаешь. У нас порядок, дисциплина, все как в армии, только без тупорылых замполитов. И личный состав — считай, все прапорщики или лейтенанты. Типа белая гвардия.

— Всю жизнь мечтал в армию вернуться, — сказал Зубов. — Ну ночей не спал просто.

— Так, — сказал Камыш. — Значит, до майора ты не дорос. Рассуждения лейтенантские. Пошли дальше. Тебе что, уже другие предложения были? Азимов, что ли, подкатился? Отсылай его подальше, Рома. Ихний «Туранбуран» скоро накроется, и останешься ты у разбитого корыта.

— Я думал, вы в одной конторе.

— Контора одна, кабинеты разные. Мы их просто содержим, ну и помогаем иногда. Они ведь сами-то ничего не умеют. Посредники. Открывают турфирму, набирают специалистов разовыми контрактами. Кого на месяц, кого на полгода. Открывают охранное агентство — то же самое. И так все время. У людей нет перспективы.

— Братишка, ты же сам меня вербовал в этот «Туранбуран», — напомнил Зубов. — Как раз перспективу и обещал.

— Так то вчера было, — Камыш махнул рукой, — и при посторонних. Это я не тебя вербовал, а того придурка, Нури. С тобой-то сразу все было ясно. А таким как Нури самое место у этих туранцев. Это же турецкая лавочка. Весь прикол в том, что в Турции они под запретом. Типа экстремисты. А в России им полная воля. Пока. Вербуют народ толпами, прямо как ленинский призыв. Все сразу турками оказались, и чеченцы, и башкиры, и якуты. Ну и сколько это может продолжаться? Ну год, ну два. А потом будет обвал, типа МММ. Но до этого еще далеко, и мы их пока что содержим.

— Если не туранцы, тогда на кого ты работаешь?

— У нас международная организация, — солидно ответил Камыш. — Сам все увидишь. Очень серьезная организация.

— Серьезная организация серьезно копает, — сказал Зубов. — Я не люблю, когда меня просвечивают.

— Не волнуйся, Рома. Твое прошлое никого не колышет. От тебя требуется только

¹⁹ марка швейцарских часов

одно. Чтоб ты был профессионалом. А партийность, национальность, судимость — это все херня. Говорю тебе, у нас нет замполитов. У нас вместо них финансисты. Они людей ценят. Таких, как ты, например. Которые дают результат. Вот пока туранцы дают результат, мы им платим. А как только москали их прихлопнут — выкинем на помойку. Так что думай, Рома, думай.

Зубов рассеянно смотрел в окно. Он успел кинуть взгляд на запыленную приборную панель, когда машина разворачивалась. Прибыв на место, он кинет второй взгляд и узнает пройденное расстояние. Может быть, возвращаться придется уже без конвоя, и эта информация не помешает.

Он приучился запоминать только нужную информацию. А все, что рассказывал ему Камыш, могло быть враньем, необходимым для нормального контакта. Обещание перспектив, легенды о мифической международной организации. Если такая организация существует, и если она способна содержать такую ораву «туранбуранцев», то вряд ли об этом можно рассказывать постороннему, даже с целью вербовки.

А может быть, этому Камышу поговорить не с кем, вот он и болтает. Может, я ему просто понравился, подумал Зубов, опасливо отодвигая колено от руки Камыша, лежавшей на рычаге передач.

А ведь это плохой знак, подумал он чуть позже. Если он не боится со мной болтать, значит уверен, что я не проболтаюсь.

Почему уверен? Потому что мне отсюда уже не выйти.

Стандартная схема. Набирают одноразовых исполнителей. После работы их устраняют.

Ну, это мы еще посмотрим, кто кого устранил, решил Зубов и снова глянул на приборы.

Сорок два километра вдоль моря по укатанному песку, иногда по разбитому асфальту, иногда по лужам. Справа сверкало зеленое море, слева белели низкие дачные домики, прикрытые желтой и бурой пеной осенних садов. Показались кварталы пятиэтажек, затянутые дымкой смога. Через окно врвался острый запах химии, от него щекотало в носу и резало глаза.

Машина остановилась у придорожной шашлычной. Здесь уже стоял знакомый автобус с серыми занавесками. Рядом зеленый «транспортёр» и полицейская «шестерка».

— Не высовывайся, — сказал Камыш. — Сделай вид, что тебя здесь нет. А я пойду боевую задачу получать.

Через час похоронный автобус в сопровождении трех машин направился по размытой дороге вдоль моря. Мимо города, мимо промышленной зоны, вдоль трубопроводов, перебираясь через рельсы, процессия наконец добралась до сточного канала.

На позиции Камыш разводил бойцов по одному. Все они были на этот раз одеты в замызганные спецовки. Зубов насчитал четверых стрелков с «кипарисами» и двоих со снайперскими винтовками. Одного из них он узнал сразу — это был Щуплый. Зубов приметил место, где тот пристроился: на насыпи за котлованом, под половинкой бетонного кольца.

— А мы с тобой, как белые люди, будем работать в человеческих условиях, — сказал Камыш, пытаясь завести машину. — Салабоны пускай пашут. Старая гвардия имеет право на льготы.

Он переехал через мост и остановился на обочине. Отсюда не было видно ни автобуса, ни стрелков. Зато отлично просматривался другой берег канала.

— Не вижу таджиков, — сказал Зубов.

— Рано еще, — сказал Камыш, разматывая тряпку, из-под которой появлялся «Винторез» с каким-то нестандартным прицелом. — Подними капот и поставь сзади ведро. Типа у нас авария. Осмотрись. Как тебе позиция?

— Херовая позиция, — сказал Зубов. — Машины ездят. Завод какой-то вонючий. А если сейчас толпа с работы повалит? Зачем такие спектакли? Что за война в черте города? Нельзя было вытащить этих козлов куда-нибудь в горы, в лесок?

— Ну, не бухти, не бухти, — сказал Камыш и распечатал коробку с патронами. — Все

продумано. Сегодня выходной, людей здесь нет. В нужный момент дорогу перекроют. Козлов положим, как в тире. Тук тук-тук, и все дела. Главное, не зацепи группу досмотра, когда они налетят за грузом. Похоронная команда — раз, и всех в автобус подобрала, их там всего-то трое-четверо, не больше. И все дела. Останется только тачка на дороге, да и хрен с ней, некогда возиться.

Он положил перед собой рацию. Оттуда донесся шелест эфира, и голос Азимова произнес:

— Я первый. Всем постам. Ждем, мальчики, ждем. Десять минут ждем.

— Он тебе заливал про сына? — спросил Камыш.

— Достал просто.

— Да он всех тут достал. А пацан его подставил. У тебя есть дети?

— Не знаю.

— Значит, нету. И это правильно, Рома. Какие, на хрен, дети? Всю жизнь на них корячишься, а они тебя потом так подставляют. Если пацан свинтил, Азимову кранты. И даже ты его не спасешь.

— Так его за пацана хотели замочить? — спросил Зубов.

— За пацана тоже.

— Так значит, ты знал, что я с ним под расстрел попадаю?

— Но ты же не попал, — спокойно сказал Камыш. — Все от человека зависит, Рома...

Изредка по шоссе проносились машины, обдавая их волной тугого горячего воздуха, и поднятый капот скрипел, раскачиваясь.

Справа простиралась степь. Зеленели полосы травы, чередуясь с пятнами выжженной черной земли. Мартовское солнце пригревало по-летнему, и ветер приносил запах разогретой степи, и силуэты далеких синих гор дрожали в теплом мареве. «Да нет, — понял Зубов, — это марево не от тепла, а оттого что из земли испаряется какая-то химическая дрянь. Вот ведь нашли местечко».

Слева за дорогой высились над забором колонны и резервуары, поблескивали переплетения труб на эстакадах, и где-то по территории завода, урча и завывая, катался туда-сюда невидимый тепловоз, и лязгала сцепка вагонов.

Отсюда хорошо было видно дорогу вдоль заводского забора, по которой должна была проехать белая «книва» с грузом. Стрелков на другом берегу канала Зубов не мог разглядеть, но половинка бетонного кольца, под которой залег Щуплый, все время лезла ему в глаза.

«Кажется, все здесь, и Граф остался без охраны там, на даче», рассчитывал Зубов. «Двое на огневых позициях. Четверо в досмотровой группе. Восемь остались в автобусе, будут следы замечать. Засада как засада. Откуда только здесь взялись таджики? Да ладно, мне-то какая разница. Вот если бы сорваться отсюда незаметно. Почему обязательно незаметно? Было бы патронов побольше. Перебить стрелков, вывести из строя транспорт. Обратную дорогу я знаю. Ну и кто ж меня туда пустит, на дачу? А я еще раз позвоню в угрозыск, может, объединимся. Там же бандитское логово, осиное гнездо. Еще неизвестно, что у них в том сарайчике, куда трупы складывают. Может, там такое найдется... Ну да, а как потом от ментов отделаться? Как доказать, что я хороший мальчик? Без документов, с оружием, и вообще иностранец. Расстрельное дело».

Зашипела рация.

— Внимание всем постам. Я первый. Они едут. Повторяю, они едут. Пятый, зайди ко мне в автобус, поговорить надо.

Камыш выругался.

— Он так и будет открытым текстом эфир засорять? — сказал Зубов. — И почему это мы стали «постами»?

— Потому что он баран, — сказал Камыш. — Последний раз с ним работаю. Последний раз.

Камыш ушел, оставив ключи в замке. Зубов смотрел ему вслед. Со спины Камыш еще больше напоминал ему прапорщика Федотова. Вот он остановился на обочине, пропуская

летающий грузовик, вот перебежал шоссе и вразвалочку спустился с насыпи. Его голова то показывалась, то исчезала за кучами земли и бетонных обломков.

Это был тот самый момент. Другого не будет. Зубов опустил капот и пересел на водительское место. В конце концов, у него под рукой две винтовки. Они тоже могут пригодиться, чтобы проникнуть на дачу.

Дорогу до шашлычной он запомнил. От шашлычной сорок два километра — по этому счетчику. Датчик бензина не работает. Градусник тоже. Двигатель глохнет на холостых. Доедет ли старушка до дачи? У них рации. Свяжутся со своими, перехватят. Шансов — ноль. Точнее — ноль целых, хрен десятых. Но выбирать не приходится.

Он повернул ключ. Двигатель зачихал, зачирикал, закашлял, но так и не завелся с первой попытки. Придется подождать с минуту, чтобы не посадить аккумулятор.

Снова зашипела рация.

— Я первый. Проверка готовности. Нури?

— Готов.

— Закир?

— Всегда готов.

— Рамазан?

Зубов поднял рацию и нажал кнопку:

— Готов.

— Насратулла?

— Э, готов, да...

Такая манера переговоров раздражала Степана Зубова, как раздражало любое проявление глупости начальства. Может быть, это и не глупость, а просто неумение работать в эфире. Но сейчас он должен был не ругать Азимова, а благодарить. Потому что когда переключка закончилась, Зубов имел полные сведения о составе и расположении сил противника.

На шоссе показался Камыш. Он бежал к машине.

— Заводи, заводи, — кричал он на ходу, — дуй сюда!

Машина завелась сразу, и Зубов подобрал его на мосту.

— Куда ехать?

— Еще сам не знаю, но отсюда подальше.

— А что за пожар-то?

— Бараны, они и есть бараны, — сказал Камыш. — Разведка на нуле. Планировали разобраться с одной машиной. А их едет целая колонна. Хорош, тормози, вот здесь и встанем, за веселым автобусом. Да нет, дальше, чтоб не видно было, что мы вместе. Вот, за деревом тормози.

Со стороны города по шоссе катились три длинных крытых «камаза». Когда они проехали мимо остановившейся «тройки», Камыш сказал:

— Эти тоже решили придти на свидание пораньше. И где они взяли столько народу? Кажется, Рома, работы будет много.

«Камазы» переехали через мост, и один остановился перед поворотом, а два свернули на дорогу вдоль канала.

Включилась рация.

— Я первый, я первый. Отбой, отбой. Всем собраться у меня. Повторяю, всем собраться у меня. Отбой, отбой, отбой.

Глава 30

Чемоданы ждут хозяина

Не в свои сани не садись. А сел — так гони со страшной силой.

Отступать было некуда. Вадим Панин понимал, что сейчас слишком многое зависит от его способности уверенно держаться и веско говорить. Легко было строить из себя умника на высоких совещаниях перед московскими начальниками. Здесь посложнее будет. Во-первых, противник опытен и коварен. Во-вторых, союзники ненадежны. В-третьих... Черт возьми, это не «в-третьих»! Это-то самое главное. Самое главное то, что он никогда в жизни не видел того заложника, которого собирался освободить. Не видел, не слышал и даже имени не знал.

Но держался он уверенно и говорил веско. Потому что больше ничего и не оставалось.

Прокурор невольно помог ему в телефонном разговоре. Наверно, он смог подготовиться и говорил как по писаному, торопясь высказать все, пока их не разъединили. Так и получилось. Вадим успел только спросить: «Как вы себя чувствуете, не нужны ли лекарства?» «Нет, не нужны», подумав, ответил прокурор, и трубка перешла к Азимову. «А как себя чувствуют наши чемоданы?» спросил Азимов. Махсум открывал и закрывал чемоданы, а Панин описывал их содержимое. Азимова очень огорчило отсутствие видеокамеры и кассет, и он долго с кем-то совещался, пока снова не вышел на связь. Иногда Азимов просил описать подробнее. «Какого цвета клавиатура? Есть там цветные кнопки? Нажми на зеленую клавишу Эс. Как это нету? Ну, Си английское, нажми. Что-нибудь видишь? Какого цвета лампочки загорелись?» В трубке был слышен и другой голос, который подсказывал Азимову. У подсказчика был американский акцент — певучий, носовой и с мягкой картавинкой.

Ох, как не хотелось капитану Панину отдавать аппаратуру этому картавому невидимому подсказчику. Поковыряться бы в ней нашим электронщикам, выкачать из портативного компьютера всю информацию, а потом можно и вернуть, можно с незаметной закладкой, а можно и с тротилowym эквивалентом грамм на двести. Но не мог он воплотить свои коварные планы в жизнь. Не та была жизнь, не та.

Чемоданы придется отдать, чтобы взамен получить прокурора. Обидно. Ковальский тоже считал, что это неравноценный размен. Прокуроров много, и пользы от них — никакой. А эти чемоданы, может быть, окажутся страшнее атомной бомбы. Может быть, это и есть то самое психотронное оружие.

— Психотронного оружия нет, — уверенно и веско, чтобы не выходить из образа, заявил Панин. — Пока только ведутся испытания.

«Похоже, что я и сам в этих испытаниях участвовал» — мысленно добавил он.

Это было здесь, в Сумгаите, во время событий. Поначалу ведь никто не ожидал, что дело развернется именно так. Ну митинги, ну демонстрации, ну отдельные нападения. Ясно было, что как только подтянутся силы из Баку, народ разбежится по норкам. И вдруг на всех накатила какая-то волна. Кто-то оцепенел от ужаса, кто-то начал панически метаться, а кого-то захлестнула истерическая ярость.

Вадим подтянулся к друзьям в горотдел как раз в тот момент, когда от «наружки» посыпались тревожные сообщения. В разных концах города в толпе начали раздаваться призывы штурмовать проклятый КГБ. Не потому, что кто-то рвался к власти. А потому что власть была безоружна и бессильна перед толпой.

Оружия не было ни у кого. Солдатики стояли в оцеплении с черенками от лопат. Милиционеры могли сколько угодно размахивать пистолетами без патронов. И оружейный сейф в горотделе КГБ был надежно заперт, ключ у очумевшего начальника, начальник в горькоме, а горьком в панике, бреде и лихорадке.

Самым правильным было бы рассредоточиться по укромным местам и дожидаться ввода войск. Но эта простая мысль никому не пришла в голову. Наоборот, в конторе остались даже те, кому вовсе не полагалось здесь быть. Например, Панин просто обязан был находиться в своем военном городке, пресекая панику и не поддаваясь на провокации. Вместо этого он примчался к своим друзьям, грубо попирая устные распоряжения невидимого руководства. Наверно, и он попал под загадочное облучение.

Чекисты принялись готовиться к отражению штурма подручными средствами. К

примеру, «набатовец»²⁰ Виктор, прибывший из столицы *на усиление*, был, естественно, без оружия. Но ему хватило минуты, чтобы исправить это упущение высокого московского начальства. Он огляделся, обнаружил на вешалке полевой китель, отделил от него портупеею, привязал к ней замок от штанги, которую немислимым образом заметил за сейфом — вот же глаз-алмаз! — и крутанул этот кистень над головой, приноравливаясь к бою в коридоре.

Добродушный великан Михалыч ворвался в кабинет, где Панин дописывал последние агентурные справки. Вырвал из-под Вадима стул. Критически хмыкнул, поставил на место. Но Панин не спешил сесть, и правильно сделал. Потому что в следующую секунду Михалыч вырвал из-под него стол. Дубовый сталинский стол. Оторвал дубовую сталинскую ножку. Постучал по ладони и остался доволен. И до самого утра уже не выпускал свою четырехгранную сталинскую дубину из рук. А стол потом пришлось списать. Война все спишет.

Сами погромщики рассказывали, что им вдруг стало очень страшно, и от страха они не могли покинуть толпу. Это был самый пик погромов. Рушили все подряд, неудержимо и бессмысленно — переворачивали трамваи, выдергивали скамейки из бульварного асфальта. И самые кровавые часы тоже пришлось на этот пик. И казалось, что за ночь город просто утонет в крови — но вдруг словно щелкнул выключатель, и все остановилось. На следующий день продолжались митинги и демонстрации, продолжались погромы, но как бы по инерции. Не было ужаса и отчаяния, не было паники. Было чувство страшной опустошенности. Было равнодушие. По городу раскатывала бронетехника, а во дворе кучка безумцев забивала камнями старика, и его соседи равнодушно смотрели на это с балконов.

И ведь что интересно. После событий в город нахлынули журналисты со всего мира. Некоторые из них — установленные разведчики. И все как один интересовались, как бы между прочим, одной деталью — как распространялась паника? Что чувствовали горожане во время событий, независимо от степени участия в них?

— Вообще-то не верю я в это психотронное оружие, — оборвал сам себя Панин, испугавшись, что сболтнет лишнее.

Махсум заверил, что аппаратура в чемоданах никак не повлияла на психику окружающих. Они с друзьями многократно включали эти приборчики, но психом никто не стал. Вообще было непонятно, для чего они нужны. Бакинский барыга, у которого хранилась добыча, тоже включал компьютер, и тоже ничего. Но раз уж они так нужны, черт с ними, пускай забирают. Все-таки живой человек, даже прокурор, лучше бездушной железки.

Чтобы вызволить живого человека, пришлось привлечь дополнительные силы. По данным разведки, противник готовил засаду. Такой вариант вполне логично вытекал из предшествующих действий «туранбуранцев», ведь до этого, договорившись о размене, они уже попытались устроить засаду в аэропорту.

Когда Фикрет узнал, что остаток ночи ему придется провести за рулем, объезжая своих друзей-шоферов, выдержка ему изменила. Он зажмурился и, кусая губы, несколько минут ругался страшными словами, загибая пальцы, чтобы не пропустить никого из самых дальних родственников основателей гуманитарного фонда «Туранбуран», а также их родителей, и наконец лично основателей в рот.

Тем не менее к назначенному времени «камазы» армейского вида стояли у выхода из бомбоубежища, и группа Муртазанова незаметно погрузилась в них с аппаратурой и оружием. Группа Ковальского отправилась на рассвете, чтобы проникнуть на заводскую территорию с утренней сменой. Связь обеспечивалась двумя трофейными радиотелефонами. Аккумуляторы в них подсели и могли отключиться в любой момент, поэтому была разработана система условных звонков. Кроме того, говорить по этим трубкам вообще не следовало из-за возможного перехвата.

Последний штрих в подготовке размена — все участники были одеты в черные

²⁰ «Набат» — одно из антитеррористических подразделений КГБ СССР.

комбинезоны гражданской обороны и везли с собой чемоданчики с приборами радиационного и химического контроля. Это тоже придумал Панин, чтобы придать мероприятию вполне благопристойную видимость. Ведь Фикрет занимал очень уважаемую должность начальника штаба ГО завода. И почему бы ему не провести, наконец, давно запланированное занятие?

Головной грузовик остановился перед поворотом. Два других объехали его и свернули на дорогу вдоль канала, и тогда головной подался вперед и заблокировал поворот. Теперь никто не смог бы свернуть с шоссе в эту сторону.

Второй «камаз» проехал дальше и перекрыл поворот с приморской дороги. Там уже стояла «нива» Фикрета, который должен был привезти Балабека.

— Круговая оборона, — сказал Махсум, спрыгнув с подножки грузовика. — Грамотно получилось, четко.

— Четкость сестра таланта, — сказал Панин.

Все пока шло по плану, но что-то уже тревожило его. Он не сразу понял, что в «ниве» виднелась только одна фигура вместо двух. Фикрет вышел, раздраженно хлопнув дверью.

— Убежал, сволочь!

— Как убежал?

— Под светофором. Развязался, сволочь, и убежал.

— А ты?

— А что я? Там люди, что я мог сделать?

Махсум понимающе засмеялся:

— Поторопился ты, брат. Зачем зарезал? Как мы теперь чемоданы передавать будем?

— Никого я не резал. Убежал, сволочь, — сказал Фикрет твердо.

— Плохо дело. — Панин почесал затылок, оглядывая берег.

— Ну хочешь, я эти чемоданы отнесу? — сказал Фикрет.

— Сами отнесут, — решил Панин.

Глава 31

Размен

Судьба Балабека была решена еще тогда, когда он подставил их под пули. Его нельзя было отпускать. И он исчез. Фикрет, конечно, не убивал его. Он просто по дороге завез его к своим друзьям. Каждый должен заниматься своим делом. Кто-то ловит рыбу. Кто-то ловит тех, кто ловит рыбу. А кто-то стоит между ними и замечает следы.

Однажды Фикрет уже воспользовался помощью тех, кто умеет замечать следы. Во время событий, затесавшись в толпу и запоминая приметы зачинщиков, он видел, как зверствовал один из погромщиков. Он называл его Уродом. Урод убивал сладострастно и изощренно. Фикрет постарался, чтобы его схватили одним из первых. И как же он был потрясен, когда спустя месяц Урод снова ходил по улицам, блаженно улыбаясь.

«Он больной, псих он», мрачно объяснил Панин, «у него все справки в порядке».

«Но я сам видел!» возмутился Фикрет.

«Свидетелей нет», сказал Панин.

«Значит, он может всех спокойно резать?»

«Слушай, давай сначала со здоровыми разберемся».

«Он притворяется», настаивал Фикрет. «Я за ним посмотрел немного. Когда со своими говорит, лицо нормальное. Они что-то готовят. Давай его хотя бы в дурдом засадим».

«Да пойми, не до него сейчас. Работы — море, никто не будет отвлекаться на безнадежного психа».

Но Фикрет не мог успокоиться и продолжал следить за Уродом. И однажды доложил: «Он за тобой ходит. Утром и вечером крутится у твоего дома. Вчера с ним еще двое были,

вечером, когда ты на генеральском БРДМ приехал. Что будем делать?»

«В моем доме еще сто человек живет, с чего ты взял, что он за мной ходит?»

«Эти сто человек его не допрашивали. Ты допрашивал».

«Хорошо, я уточню его адрес. Ментам позвоним, пусть займутся профилактикой».

Фикрет покачал головой. Назавтра к Панину пришел его человек, которого он направил незаметно сверить адрес Урода. Агента трясло. Оказывается, выходя из двора, он столкнулся с каким-то психом (агент, естественно, понятия не имел о человеке, которого *устанавливал*). Псих, ласково улыбаясь, спросил: «Дядя, зачем ты меня ищешь?». Через неделю милицейский опер сообщил, что профилактику делать невозможно по причине отсутствия профилактируемого. Урод исчез.

«Может быть, он к родным уехал, в район», предположил Панин. «Ты не видел его на автовокзале? Может быть, послать за ним ребят?»

«Не надо никого посылать», сказал Фикрет. «Занимайся здоровыми уродами».

Прошло больше десяти лет, но Панин и сейчас помнил, как легко и насмешливо звучал тогда голос Фикрета. Точно так же, как и сейчас.

В план размена придется внести небольшие поправки. Но это дела не меняет.

Он оглядел противоположный берег. Горы ржавой земли и бетонного боя, опоры высоко поднятых трубопроводов отражались в застывших лужах. Уютное местечко. На самой высокой земляной куче белело бетонное полукольцо. Готовое пулеметное гнездо.

Нет, они не начнут стрелять в такой ситуации, подумал Вадим Панин. Нас слишком много, а им еще неизвестно, здесь ли аппаратура. Будем ждать.

— Ты засек их машины? — спросил Махсум. — Синий «Жигули» третий модель. Два человека. Потом «пазик», занавески закрытые. И какой-то зеленый микрик, типа «транспортёр», далеко стоял, плохо видно.

— «Пазик» похоронный, — сказал Вадим. — Здесь кладбище недалеко. Он может здесь стоять по своим делам. Может быть, заправляется левым бензином.

— Хохол его держит. На всякий случай. Пока другой мишень не появился. Надо народ держать в полной боевой готовности.

— Надо, — согласился Вадим Панин. — Только рано еще. Могут устать, перегореть. Или нервы не выдержат.

— У Хохла нету нервов, — сказал Махсум. — Пойдем в карты сыграем.

— Я не играю.

— В дурака. В простого дурака. На маленький интерес.

— Иди, поиграй со своими, — сказал Панин. — Я здесь похожу, покурю. Подумаю.

— Не обижай меня, — нахмурился Махсум. — Если ты отказываешься со мной играть, значит, не доверяешь. Значит, я козел, да?

— Разве я отказался играть? — сказал Панин, пытаясь понять, зачем чеченец затевает ссору. — Я сказал, иди поиграй, я пока покурю.

— Но ты будешь играть, конкретно?

— Отчего же не сыграть. Можно и сыграть. Только не на деньги. Мне еще до дому добираться.

— Денег мы вам дадим, — ухмыльнулся Махсум. — Много дадим. Так я тебя жду.

Целый час Панин ходил вдоль канала, зачарованно глядя на сплетение зеленых и бурых струй. Солнце садилось за далекие горы, заливая небо остывающим розовым светом, и вытянутые перья облаков отсвечивали снизу золотом.

Наконец, полог тента в грузовике приоткрылся, и Махсум нетерпеливо махнул ему. И тут засвиристел телефон. Раз, два, три. Едут.

Он подбежал к грузовику.

— Ну давай садись, быстро прокатаем картишки, — сказал Махсум, потирая руки. — А то скоро друзья приедут.

— Уже едут, — сказал Вадим. — Все по местам.

— Не надо командовать, — сказал Махсум недовольно, продолжая тасовать колоду. —

Ладно, потом сыграем.

Еще не стемнело, но над заводским забором, под которым стоял Панин, уже загорелись прожектора. Красные огоньки светились на макушках колонн, гирлянды лампочек протянулись зигзагами, обозначая лестницы и переходы.

На другом берегу канала сгустилась темнота. И только на трубопроводах горела нестройная цепочка ламп, их тусклый желтый свет лучился, пересекая струйки пара, бьющие кое-где из труб.

В темноте замелькали фонарики.

— Идут, — сказал Махсум. — Давай, действуй, я прикрою.

«Сергеич меня прикроет, а не ты», подумал Вадим. Он подошел к эстакаде и поморгал фонариком. В ответ на другом берегу тоже моргнули, и он пошел через канал. Под ногами скрипели доски, предусмотрительно уложенные группой Ковальского сегодня утром. Внизу шумела и плескала вода.

— Митя, ты? — услышал он голос Азимова.

— Я. Где наш человек?

— С нами. Не бойся, можешь его пощупать.

Он спрыгнул на землю. Его окружили, и сразу несколько фонариков ослепили его.

— Где наш человек?

— Не торопись, Митя, — сказал Азимов. — У нас так не принято. Давай поговорим, давно не виделись.

Казалось, он не переодевался после их встречи в аэропорту. Белая сорочка, галстук, шляпа.

— Чего это ты весь в черном? — насмешливо спросил он, оглядывая Вадима. — У тебя кто-то умер? А что у тебя в кулаке?

— Вот, полюбуйтесь, — Панин разжал ладонь.

— Это что? Патрон? Ну и что? Обычный патрон.

— Это не обычный патрон, — веско произнес Вадим. — Это бронебойный. Таким патроном можно из трубы дуршлаг сделать.

— Что ты несешь? Из какой трубы?

— А вот из этой, под которой вы стоите. А там хлор. Одна очередь, и вы умрете в страшных мучениях. Так что давайте как-то обойдемся без резких движений. Покажите мне нашего человека, а то у моего пулеметчика уже палец сводит.

Он поднял руку над головой.

— Что за детский сад, Митя, — раздраженно сказал Азимов и выключил свой фонарик, и все остальные фонари погасли тоже.

— Подсветка не нужна. — Вадим продолжал держать руку над головой. — Так даже лучше. У нас отличный ночной прицел. Прокурор здесь?

— Давайте сюда прокурора, — скомандовал Азимов. — Я думал, имею дело с серьезными людьми, а оказались какие-то просто бандиты, беспредельщики. Смотри, мы все безоружные, мы к тебе с уважением, а ты нас под пулеметом держишь. Ну что ты руку поднял, опусти уже.

— Если я опущу, вам же хуже будет, — сказал Панин, глядя на изможденного человека, которого подвели к нему из темноты. — Ярослав Ильич, как вы себя чувствуете? Все нормально, сейчас мы вас заберем отсюда.

— Хорошо, хорошо, у меня все хорошо, — устало зачастил заложник.

— Минуточку, молодой человек! — сказал Азимов. — Вы нас проверили, теперь мы вас проверим. Откуда я знаю, что вы привезли то, что нам надо?

— Все правильно, — кивнул Вадим. — Кто идет со мной?

— Абдулгафар, — позвал Азимов, и из темноты показался низкорослый бородач. — Иди проверь чемоданы. Давай, Митя. Если все нормально, действуем, как договорились.

«Что? Абдулгафар? Хозяин записной книжки? — вспомнил Панин. — Тот самый, которого расстреляли на чеченской дороге? Неистребимое племя...»

— Только одна поправка, — сказал он. — Ваш водитель, Балабек, сбежал. Но это ничего не меняет. Чемоданы легкие, их донесет любой. Вот, например, сам Абдулгафар и донесет.

— Ну что опять за детский сад, — Азимов немного растерялся. — Да черт с ним, с этим бараном, только скорее.

Вадим забрался на эстакаду и подал руку своему спутнику. Вдвоем они перешли на другой берег, и Абдулгафар скрылся в кузове грузовика, чтобы проверить аппаратуру.

В «камазе» слышались голоса, и Панин заглянул внутрь.

— Какие проблемы?

— Да вот, — смеялся Махсум. — Ему не нравится, что на компьютере какая-то игра появилась.

Вадим увидел, что на откинутах экране ноутбука мелькают разноцветные фигурки тетриса.

— Он включил для пробы, а там это. Наверно, барыгины дети записали. Толковые пацаны, слушай, — чеченец восхищенно качал головой. — Да ладно тебе, работает машина? Работает. Что тебе еще надо? Все нормально. Скажи спасибо, что она вообще еще дышит.

— Спасибо. Все нормально. Очень все нормально, — сказал Абдулгафар, и Панин узнал голос, который подсказывал Азимову.

«Скрутить бы его сейчас, — подумал он, — да и сорваться домой со всем этим барахлом».

С того берега поморгали фонариком, и на эстакаде между трубами показалась фигура человека. Человек неуверенно двинулся вперед, но его окрикнули сзади, и он остановился.

Панин поморгал своим фонариком, и Абдулгафар с двумя чемоданами через плечо взобрался на эстакаду.

Все фонари теперь светили на эстакаду, и «камаз» включил все свои фары, так что было хорошо видно, как заложники встретились на середине моста и замялись, расходясь.

Абдулгафар уходил к своим, цепляясь чемоданами за трубы. Прокурор приближался, пошатываясь. Махсум и Панин помогли ему спуститься на землю.

Все кончилось. Впереди еще трудная дорога домой, и много других трудностей, но с одной задачей покончено.

— Вот теперь я готов играть в карты, — сказал Панин, — а также пить, курить и шататься по бабам.

— Уже поздно играть в карты, — сказал Муртазанов. — Я и так все выиграл, без карт. Не обижайся. Ты нормальный мужик, и Сергеич нормальный мужик. Но у нас тут свои дела. Короче, прокурор теперь мой.

Глава 32

Последняя удача

Зубов поставил на свою винтовку ночной прицел. Камыш приложился к «Винторезу» и осматривал через оптику потемневшую степь.

— Что у тебя за прицел? — спросил Зубов.

— Американский, «Литтон». Красота. На километр берет.

— На хрен тебе километр? У тебя рабочая дистанция двести-триста метров, не больше.

— Завидуешь? На твою дуру, может, переставить? Ты, я смотрю, не только темнила, но и мудрила, — сказал Камыш.

Незнакомый голос зазвучал в эфире:

— Я второй. Пятый и Рамазан, выдвигайтесь на запасную. Закир, на основную. Работаете по второму варианту. Как поняли меня, прием.

— Я Закир, уже пошел.

— Я пятый, понял вас, второй.

— Это кто? — спросил Зубов.

— Это Мишаня Питерский, — с уважением сказал Камыш. — Дело началось, Рома. Дело. Выдвигаемся.

Он завел двигатель, вырулил на дорогу и с погашенными огнями медленно подкатил к мосту. «Камаз» стоял на обочине, перекрывая поворот, и они рассматривали его через прицелы. Рассмотреть удалось не много, картинку засвечивали прожектора на заборе.

— Я второй. Закир, видишь, по эстакаде идет один?

— Вижу. Снять?

— Я тебе сниму. Я тебе так сниму... Держи его.

— Держу.

Прошло минут пять.

— Насратулла, готовь мужика по второму варианту.

— Понял, да.

— Пятый, осмотри высокие точки.

— Понял, уже ищем.

— Что мы ищем? — спросил Зубов.

— Прикрытие. Снайпер должен прикрывать того, кто идет к нам. Я же говорил, таджики ребята тертые, — говорил Камыш, обводя прицелом линию заводского забора. — На заборе нет, не видно. Специально, что ли, прожектора врубили? Не видно ни хрена. На крыше? На колоннах этих?

— Зря ты так высовываешься, — сказал Зубов. — У них тоже могут быть ночники.

— Тогда нам писец, — спокойно сказал Камыш. — Торчим тут как мандавошки на лысине. Наши спокойно свалят, а нам писец полный. Особенно если там пулемет.

Зубов сменил прицел и обвел свой сектор. В черноте вспыхивали пятна света, но вот он поймал фигуру, стоящую в лучах фонариков. Поднятая рука мешала разглядеть лицо. А когда человек опустил руку, прицел дрогнул, потеряв его. Зубов перевел дыхание и снова поймал лицо Вадима Панина в сетку прицела.

Димка! Живой, гад. Значит, и Котяра где-то рядом. Ну теперь держитесь, уроды. Ну теперь вы за Ромку ответите.

— Что ты сказал, Рома? — спросил Камыш.

— Вижу одного на нашем берегу.

— Да я его и без тебя вижу. Его Закир держит. Ты колонны, колонны обшарь, я бы на их месте там пулемет поставил. А что? Красота, не спрячешься. А если кто и спрячется, так одной дырки в этих трубах на всех хватит. Так что у нас с тобой еще не самое плохое место под солнцем, Рома. Оп, поймал! Есть! Ну-ка, глянь, центральная колонна, второй пролет сверху! Видишь силуэт?

— Ну, вижу, — сказал Зубов, стараясь не выдать волнение: он легко узнал фигуру Кота. — Вижу силуэт рабочего. А говорил, что выходной день.

— Это непрерывное производство, здесь всегда кто-то ошивается. Что он делает на такой верхотуре?

— Стоит. Смотрит в нашу сторону. Ушел.

— Не ушел. Видишь? Он спустился на пролет ниже. Ага... Приехали. Там еще один. Так, держим обоих. Ты мелкого, а я большого.

— Большой-то непохож на таджика, — сказал Зубов, мысленно приказывая Коту хотя бы присесть, чтобы слиться с колонной и не маячить на фоне неба.

— Много ты видел таджиков, — сказал Камыш и включил рацию. — Я пятый. Нашел парочку. Держим их.

— Я второй. Держать до самого конца. Глаз не спускать.

— Вас понял.

Человек не может долго смотреть в оптический прицел. Но Камыш, наверно, имел какие-то нечеловеческие способности. А может быть, американский прицел был на то и

рассчитан, чтобы смотреть в него непрерывно. Зубов закрыл правый глаз, чтобы не утомлять его оптикой. Все равно он не собирался стрелять, хоть и не отрывался от винтовки.

Из кармашка двери торчала рукоятка отвертки. Он незаметно вынул ее и ощупал. Хорошее крестовидное жало, острое и короткое.

Если поступит команда на поражение, Камыш не успеет выстрелить — отвертка пробьет ему висок. Степан еще раз мысленно примерил траекторию удара. Нормально.

А пока он прислушивался к рации.

«Наш вышел. Груз на нем. Пошел. Пускайте мужика. Мужик пошел. Встретились. Разойтись, бя, не могут. Еще свалятся. В этой речке утром рано утонули два барана. Так, все. Груз принял».

Слышно было, как взревел мотор, и какая-то машина вырулила на шоссе. Зубов оглянулся. По фарам он понял, что это была полицейская «шестерка». Она быстро удалялась в сторону города.

— Есть! — сказал Камыш. — Есть червончик!

— Что?

— Да ничего. Ну, премию выпишут за этот груз, — голос звучал довольно и расслабленно, напряжение отпускало его с каждым словом. — Обещали десять тысяч. Могли бы и накинуть, конечно. Года два они его искали, а мы — раз, и все дела. И без единого выстрела. Вот так надо работать.

— Что за груз? Наркота, что ли?

— Нет. Да нам-то какое дело? Ты держи своего, держи. Еще не все. Еще уйти надо. Таджики могут просечь ситуацию.

— Что тогда?

— Тогда работаем по первому варианту, как и договорились. Кладем всех. И все дела.

— Там целая толпа.

— Кладем целую толпу. Тебя что-то смущает?

— Ну, например, куда их потом девать?

— Не наша забота, — сказал Камыш. — Вообще, не отвлекайся. Держи своего, держи. Задача-то элементарная. Наши отходят, мы прикрываем. Потом догоним, уже в горах.

— В каких горах?

— В красивых горах. Там-то вся и работа, Рома. А это все игрушки. Ты не отвлекайся, держи. Что-то ты много вопросов задавать стал.

— Я еще самое главное не спросил, — сказал Зубов. — Десятка на всех больно мало за такую работу. Вот если каждому...

— Каждому, кто останется. — Камыш хмыкнул и добавил: — Шутка. Кончай базар. Твое дело держать таджика на мушке.

Зубов не мог оторваться от винтовки, нацеленной на Кота, но в правой руке уже была зажата отвертка. Он слышал, как загудели моторы, и длинные «камазы» начали разворачиваться. Слышал, как шипела рация, и голос «второго» отдавал непонятные команды: «Первый, работаешь по доставке. Встречаемся у вертушки. Завтра поспишь, завтра. Вторая вертушка уйдет утром, все привезет. Пятый, дальше по первому варианту».

— Я пятый. Второй, слышу вас слабо, повторите.

— Пятый, я второй. Повторяю лично для тупых. Дальше. По. Первому. Варианту.

— Они там чем думают? Все же тихо, никто не лезет. Нам нельзя стрелять, — сказал Зубов. — Один выстрел, и они ответят, а нам некуда деваться.

— Некуда, — ответил Камыш. — Такая работа.

— Понятно, почему нам дали такую старую машину.

— Отставить разговоры. Держи своего. Заметишь шухер, стреляй первым. И все дела.

Зубов отвернулся, растирая глаз, и незаметно поглядел назад. По шоссе удалялись красные спаренные огоньки похоронного автобуса.

— Вот теперь все, — сказал Камыш. — Отбой. Давай ружье. Переходим на уровень мирных жителей.

— Ты в Чечне был? — неожиданно для себя спросил Зубов.

— Был, — легко ответил Камыш, обматывая винтовку полотенцем. — А ты?

— Проездом. На уровне туриста.

— Все мы туристы. Иди пока, позови этих салабонов, Нури и Закира. Вместе поедem.

Зубов вышел из машины, с удовольствием распрямляя затекшее тело. «Камазы» «таджиков» стояли у поворота, но не трогались. Больше всего на свете ему хотелось сейчас броситься к ним. Там Кот, там Димка. Вместе они такого натворят. Например, сейчас же скрутят этого гада. А с ним еще парочку уродов. Вот только соберем их в одну кучку...

Он увидел две темные фигуры впереди.

— Нури? Закир?

— Нет, Пушкин и Лермонтов, — ответил раздраженный голос.

— Пошли со мной в машину. Сейчас поедem.

Щуплый по-хозяйски плюхнулся на переднее сиденье, вытянув ноги и отодвинув спинку. Грузный Седой с трудом протиснулся на заднее сиденье, а Зубов остался стоять у машины.

— Садись, — сказал Камыш, возившийся в багажнике. — Сейчас поедem. Вот только бензин залью.

— Тебе помочь?

— Сам справлюсь.

Зубов увидел, что три винтовки были увязаны в сверток, но «Винторез» висел через плечо Камыша. Если сейчас рвануть через дорогу, не добежишь даже до обочины. Нет, не сейчас. Главное — не сорваться раньше времени. И сам пропадешь, и ребят подставишь.

Он сел на заднее сиденье, захлопнув дверь. И тут же незаметно отжал рычаг, оставив дверь открытой. Сейчас Камыш сядет за руль и, значит, отложит свой «винторез». Надо успеть вывалиться, когда машина развернется. Несколько секунд хватит, чтобы добежать до «камазов», а там уже его прикроет Сергeич.

— Тебя тоже на переподготовку звали? — повернулся к нему Щуплый. — Мы тут все, оказывается, такие супер-пупер-спецы, будем бабки лопатой загребать, ни хрена не делать.

— Звали, — сказал Зубов.

Ему захотелось сразу же вывалиться из машины, потому что он все понял. Счет пошел на секунды.

«Вот так, Степа, — подумал он, — похоже, сейчас вас всех повезут на бойню. Оружие отобрали, собрали в кучку. Отгонят машину в степь, да там и расстреляют. Значит, так. Не ждать, пока машина отъедет. Как только тот сядет за руль, надо рвать отсюда».

— Лично я согласился, — сказал Седой. — Все ж таки инструктором спокойнее.

Остро запахло разлившимся бензином.

— Ну, а я только закурить нацелился, опять двадцать пять, не курить, не плевать, не...

Щуплый не договорил. Громкий хлопок перебил его. Со вторым хлопком страшная сила ударила Степана в лоб, и горячая волна плеснула в лицо. Тяжелое тело соседа навалилось сверху, придавив его к сиденью. Седой хрипел и вздрагивал, и каждый новый толчок был слабее, и вот он затих, и что-то твердое больно давило на ребра Зубова.

Он пошевелил пальцами левой руки. Работает. Рука протиснулась под телом Седого, чтобы убрать эту твердую боль, и нащупала рукоятку пистолета. Старый солдат не расстался с верной «тотошкой».

Опоздал, подумал Зубов. Слишком долго рассчитывал. Просчитался, наконец. Обидно. Не так я хотел. Не в такой компании. Не так быстро. Не так дешево. За что ж ты меня так-то? Сколько раз можно было погибнуть героически, в неравном бою, на глазах у ребят...

А может и к лучшему? Ребятам не придется надрываться, тащить мои девяносто кило под огнем. Какой огонь? Какие ребята? Это не Афган...

Башка пробита, а я еще соображаю. Значит, это еще не конец. Ну, спасибо и на том. Глаза видят. Руки работают...

Он хотел переложить пистолет в правую руку, но оказалось, что правая отключилась.

Ничего, мы не зря учились работать с двух рук. И взводить одной рукой. Одна рука — это очень много.

Он услышал голоса и легкое тарахтение мотора. Понятно — Камыш был не один. Подкатилась вторая машина, и там были стрелки. Они-то нас и ликвидировали.

Запах бензина становился все сильнее. Камыш ходил вокруг машины, выливая бензин из канистры. Зубов прислушивался к голосам. Противников было трое.

Он чувствовал, что висит на ниточке, и ниточка вытягивалась в паутинку, но что-то не давало ей оборваться. И она не оборвется, пока он не сделает свое дело.

Боль в голове разрасталась и пульсировала. Глаза были залиты горячим и липким, он хотел вытереть их, но боялся пошевелиться и спугнуть противника. Пусть подойдет. Тогда и глаза распахнутся, и рука вскинется, и он не промажет.

Но Камыш не подошел. Загудел огонь, и в закрытых глазах стало красно и жарко.

Опять просчитался? Это уже слишком, возмущился он. Вместо безболезненной пули в затылок — заживо сгореть? Я живой или уже нет? Или уже начался ад?

Тот, к кому он обращался, помог ему в последний раз. Дверь машины вздрогнула и приоткрылась сама. В салон ворвались языки пламени и дым. Странно, но Зубов не ощущал жара или удушья. Пламя не обжигало лицо, только заставляло шипеть и стягиваться ту липкую жижу, которая заливала глаза. Теперь глаза распахнулись, и в свете огня, за лужей горящего бензина он увидел удаляющуюся фигуру с винтовкой в руке. На плече Камыш держал длинный сверток.

Чуть дальше отблески огня отражались в стеклах какой-то темной машины, и там стояли еще две фигуры.

Степан попытался выбраться из-под Седого, но ноги не слушались его.

— Эй, ты! — закричал он, почти не слыша себя. — Ты, салабон! А как же контроль? Салабон! Контрольный забыл!

Камыш остановился, оглядываясь. Было ясно, что он не понимает, откуда донесся голос. Да и не голос это был, а невнятный вой и стон.

Порыв ветра прибил пламя к земле, и Степан отчетливо разглядел цель и успел навести ствол. Он выстрелил — и услышал, как вскрикнул и замолк Камыш, захлебнувшись собственной кровью.

Двое других присели у машины, вытянув руки с пистолетами и водя их по сторонам. Им и в голову не могло прийти, что выстрел раздался из горящей машины.

Пламя вдруг стало ярче, что-то затрещало, машина качнулась. Но Степан успел выстрелить два раза, и обе фигуры повалились у машины. Он продолжал стрелять по лежащим, чтобы добить их наверняка, и тело Камыша дергалось после каждого выстрела.

Степан Зубов выронил пистолет, ставший невероятно тяжелым, и опустил простреленную голову, уже не слыша оглушительного треска и рева огня.

Глава 33

Граф идет по лагерю

Повар Фейзулла сказал, что все охранники уехали, но это было не совсем точно. Уехали, похоже, только боевики, которые вчера так громко занимались строевой подготовкой. Поэтому по дорожкам дачи никто не слонялся.

Клейн выбросил через окно свернутый ковер, затем вылез сам и принял на руки сначала Эльдарчика, а потом и Рену. Фейзулла неловко переминался рядом, держа на плече стремянку.

— Ковер хороший взял, э! — Повар жалостливо поцокал языком. — Тряпка-мряпка никакой не был? Ковер порвем, жалко, да.

— Он твой? — спросил Клейн.

— Все равно жалко. Хороший вещь.

Они подошли к забору, и Фейзулла приставил лестницу. Клейн поднялся на несколько ступенек и расстелил ковер поверх края забора, густо усеянного битым стеклом.

— Рена! — Он оглянулся. — Дай, пожалуйста, какую-нибудь свою вещь. Расческу там или губную помаду.

Рена распустила волосы и протянула ему заколку.

— Подойдет?

— Надеюсь, они ее заметят, — сказал он и бросил заколку через забор.

— Пошли быстро в машину, быстро-быстро пошли, — сказал Фейзулла, оглядываясь.

Клейн еще немного задержался, глядя на узкую дорогу между серыми высокими заборами и на крыши приземистых домиков, придавленные камнями от ветра. Все это было так похоже на какой-нибудь афганский кишлак... Только гораздо чище. И солнце здесь не такое жесткое. И наверно, идти по этой улочке не так опасно. Вполне можно дойти до своих. Так что когда охранники обнаружат пропажу, у них не возникнет никаких сомнений, что пленники перебрались через забор и убежали вот по этой улочке...

Но они не полезли через забор. Фейзулла провел их к своей кухне, где уже пофыркивал мотор серого «мерседеса». Он дал Рене черный платок, и она окутала им голову и плечи. Эльдар забрался на заднее сиденье.

— На пол садись, — приказал ему повар. — Накройся, чтоб плохой человек не видел.

— На КПП не будут машину досматривать? — спросил Клейн.

— Э, зачем? Я каждый вечер с сестрой так еду, никто никогда не смотрит. Кому надо машин смотреть? Сидят, телевизор смотрят.

— Мама, а где мой конструктор? — спросил Эльдар из машины. — Ты взяла?

— Взяла, взяла, — ответила Рена, растерянно взглянув на Клейна. — Кажется, взяла.

— Я принесу, — шепнул он, усмехнувшись, и побежал к барaku.

Ему повезло. Он успел увидеть, что на крыльце барака стоит охранник с ведром, отпирая замок.

«Обед принесли! — подумал Клейн, присев за куст. — Сейчас поднимет тревогу. Хоть бы у него замок заело...»

Охранник открыл дверь и вошел в барак. Клейн метнулся за ним. Осторожно перешагнув через скрипучие ступени, он рывком потянул дверь — и увидел спину охранника прямо перед собой. Тот достал из ведра хрустящий пакетик с конфетами и переложил к себе в карман.

«Жадность фраера сгубила», подумал Клейн. Он набросился сзади, обхватив локтевым сгибом горло противника и, отклонившись назад, приподнял парня над полом. Ведро с грохотом упало, парень захрипел, суча ногами и пытаясь лягнуть Клейна, но тот держал его цепко и все сильнее сжимал удушающий захват. Наконец, тело охранника обвисло.

Клейн живо связал его дугой — руки и ноги за спиной. Из полотенца, которым было прикрыто ведро, получился отличный кляп. В кармане охранника нашлись ключи, и Клейн отпер комнату, в которой остался конструктор Эльдара.

Когда он вернулся к машине, Рена благодарно сложила ладони перед грудью:

— Какой ты хороший! Ты не думай, это не каприз. Просто Эльдарчик так любит заниматься с этим конструктором...

— Сиди на кухне тихо-тихо, — сказал ему повар. — Я тебя закрою. Будут искать, здесь не посмотрят. А когда полиция приедет, я открою.

— Спасибо, не надо, — отказался Клейн. — Здесь есть где спрятаться.

— Гера, тебе совсем немного придется потерпеть, — сказала Рена. — Новруз поднимет на ноги всех своих людей. Самое позднее — завтра утром здесь уже будет полиция. Или солдаты. Посиди на кухне, мне так будет спокойнее.

— Кухня самый лучший место! — горячо добавил повар.

— Нет, Фейзулла. Если начнут искать, везде заглянут. Вдруг найдут? А тебе еще тут работать...

Талыш отчаянно хлопнул себя по щеке:

— Зачем так говоришь! Я тут всю жизнь работал, и отец тут работал! Пока Белый Голова не приехал, можно было работать. А теперь — нельзя. Плохие вещи делают. Лучше я в Ленкорань уеду, лучше помидоры возить буду!

— Отвези сначала нас, — с мягкой улыбкой сказала талышу Рена, закутываясь в черный платок. — Я похожа на твою сестру?

— Если лицо закрыть, похожа.

Она села в машину.

— Гера, не прощаемся. — Из под платка виднелись только глаза. — Веди себя хорошо. Обещай, что никуда не выйдешь из кухни.

— А если пожар? — спросил он. — Ладно-ладно. Сажу на кухне, грызу семечки.

Чтобы она не волновалась, Клейн у нее на глазах закрылся на кухне. Он смотрел через окно, как серый «мерседес», проехав по дорожкам дачи, скрылся за бараками. Он услышал, как завыли, открываясь, ворота. Через двадцать две секунды ворота с таким же воем закрылись. Значит, машина выпущена. Значит, все в порядке.

Он вытер взмокший лоб. Первая часть операции «Побег» завершилась.

Мишаня Шалаков, затеяв похищение, не знал, что Эльдарчик — не просто пацан, а внук уважаемого человека. А уважаемых людей на Кавказе нельзя обижать. Закон такой. Похитив Эльдарчика, Шалаков поставил себя вне закона, и теперь ему придется туго.

Но пока туго приходилось Клейну. Он не собирался отсиживаться в кухне. Во-первых, потому что не любил сидеть взаперти. Хватит, насиделся. А во-вторых, у него были намечены мероприятия, о которых он не собирался рассказывать Рене.

Клейн вернулся к своему барaku. Он и в молодости-то не был великим драчуном. А сейчас и подавно разучился бить по живому. Поэтому его беспокоило то, что охранник до сих пор не пришел в сознание.

Еще раз проверив, надежно ли затянуты узлы на руках и ногах охранника, Клейн плеснул ему в лицо воды. Никакой реакции. Тогда он приложил пальцы к мокрой шее и нащупал пульс. Жизнь еще билась в этом крепком молодом теле.

Сам очухается, подумал Клейн, разглядывая связку ключей. Магазин в «кипарисе» оказался пустым, и полковнику очень хотелось его заполнить. Где-то должна быть оружейная комната. Пирамида с автоматами, сейф с патронами. Здесь все было как в армии. Это и была маленькая армия. С обычными армейскими порядками. И обычным бардаком: часовые спят, кладовщики воруют, а личный состав строит дачу командиру.

Почти все комнатки в этом корпусе были забиты коробками и тюками. Не использовались как склад только два помещения — кабинет, где его допрашивал турок, и маленькая комната в торце здания.

Там валялся драный матрас на полу, стены были разрисованы рядами крестиков. Здесь уже держали кого-то взаперти, и не один раз — у каждого пленного свой календарь. Клейну показалось, что он видел когда-то эти стены, и этот матрас. Он застыл, потирая виски. И вспомнил. Все это он видел на видеокассете, присланной похитителями прокурора.

Он не нашел в этом корпусе то, что хотел. Надо было перебираться в другой, и желательно, чтобы это был не склад, а штаб.

Порывшись в коробках, он подобрал себе спортивный костюм и кроссовки. «Кипарис» легко маскировался под просторной курткой, а карман не жалко было прорвать внутри, чтобы кисть обхватила рукоятку.

Небрежной походкой, держа руки в карманах, он пошел по дорожке сада. Среди однотипных корпусов выделялся флигель с антеннами на крыше. Там мог быть штаб. Но там могла быть и охрана.

Проходя мимо штаба, он замедлил шаг и увидел в окне троих охранников. Они развалились на диване перед телевизором и потягивали вино. Пара пустых бутылок валялась в углу. «Кипарисы» висели гроздью на вешалке.

«Куда спешить», подумал Клейн. «Пусть выпьют еще по бутылочке, а мы пока

прогуляемся».

Он прошел мимо и поднялся на крыльцо соседнего корпуса. Подергал дверь. Заперто. Из связки ключей один подошел, и Клейн снова оказался на складе. На стеллажах стояли сумки и чемоданы. Это была камера хранения.

Одна из сумок, самая крайняя, была похожа на сумку Степана Зубова. «Таких сумок миллион», подумал Клейн, вытягивая ее со стеллажа.

Молния была разорвана. Сверху лежал пушистый белый свитер. Зубов надел его в Питере и снял уже в самолете.

Он приложил свитер к лицу. Колочая длинная шерсть пахла сигарным дымом.

Степан Зубов никому не доверял свои вещи. Даже лучший друг Ромка не мог выпросить у него, например, кипятильник на полчаса. В поездках он никогда не сдавал сумку в багаж. И уж, конечно, в жизни не пользовался камерой хранения.

Все ясно, сказал себе полковник Клейн. На Степана можно не рассчитывать.

Косметички с кольцом не было. Зато остались консервы: сгущенка, кофе, тушенка. Клейн открыл баночку кофе и высыпал на ладонь патроны. На дне сумки лежал толстый дорожный атлас. Из него Граф извлек маузер.

Теперь можно обойтись без пустого «кипариса». Он немного поупражнялся с непривычным оружием. Маузер не приспособлен для скрытого ношения, но очень удобен в прицеливании, особенно двумя руками.

Патроны были сухие и новые на вид. Он выбрал несколько пуль с подпиленными носиками и перезарядил пистолет. Первые выстрелы будут самыми важными. Если стрелять, то валить наверняка.

Было немного досадно оттого, что придется нарушить такой хороший план Рены. Но ситуация изменилась. Клейн уже не мог просто спрятаться где-нибудь, ожидая подмоги. Теперь все стало гораздо проще.

Он закинул зубовскую сумку на плечо и, держа руку с маузером внутри нее, пошел к штабу. Дверь была приоткрыта, и он видел двоих охранников, развалившихся на диване. Третий сидел в кресле, спиной к входу, и Граф видел его бритый затылок с двумя макушками, рука его свисала до пола, и пальцы нервно постукивали по автомату, который лежал на полу. Два других автомата все так же висели на вешалке.

Краем глаза он видел экран телевизора, там двигались голые задницы, кто-то стонал, имитируя животную боль. «Только не сюда, только не сюда!» жалобно провыла женщина, и охранники заржали. Клейн отвлекся на секунду и глянул на экран внимательнее. В углу кадра высвечивались цифры и буквы. Охранники смотрели не дешевую порнушку, а видеозапись.

Как быстро меняется ситуация, подумал Граф. Она становится все проще и проще. Теперь не надо никого класть на пол, связывать, возиться с ними. Не надо рисковать.

Тот, что сидел в кресле, получил пулю под затылок. Двое на диване — по пуле в грудь. Потом он подошел и добавил каждому в висок.

Комната наполнилась пороховым дымом. Он проверил магазины их автоматов — опять пусто.

На экране скулила женщина. Клейн повернулся, чтобы выключить телевизор, и увидел в кадре знакомые стены, те самые, в крестиках. Два голых волосатых мужика в масках насиловали женщину на том самом драном матрасе. И чей-то голос за кадром произнес: «Ну что, нравится картина? Мы горячие чеченские парни. Вот так мы с ней будем делать каждый день, пока бабки не отдашь, козел».

Присев у подоконника, он осторожно глянул в окно. На дорожках сада никого не было. Выстрелы не встревожили оставшихся на даче.

В тумбе под телевизором было еще несколько кассет, и он сложил их в сумку. На одной из них была надпись: «Прокурор. В Питер». Он не удержался, вставил ее в видеомэгнитофон и вытер кровь с экрана.

Для начала назовите себя.
Кузнецов Ярослав Ильич.
Это по матери фамилия. А настоящая какая?
Хорошо, Бронштейн Ярослав Ильич.
Интересно. Дальше.
Что говорить?
Ну, типа как вы здесь оказались?
Оказался я здесь как последний мудак. Захотелось горным воздухом подышать напоследок.

Почему «напоследок»?
Война. Война разгорается на Кавказе. И скоро мы забудем, что это курортная зона. Это надолго. Не одно поколение вырастет в этой войне.

Короче, вы можете записать обращение к своим близким.
Хорошо. Мои близкие, это, вероятно, брат мой. А также мои товарищи по работе. Хорошо, я обращаюсь к вам.

Смотрите в камеру.
Хорошо. Я обращаюсь с такими словами. Меня захватили, когда я вышел из гостиницы после телефонного звонка. Мне позвонил работник холдинга «Мировой Океан» по фамилии Шалаков. Он сказал, что у него есть сведения чрезвычайной важности по одному делу. Неважно, по какому конкретно. Важно, что этот Шалаков был в курсе дела, находящегося под особым надзором прокуратуры.

К родным обращайтесь, сказали же вам.
Хорошо. Итак, я вышел и был схвачен вооруженными людьми в серой камуфлированной форме. Меня несколько раз пересаживали из машины в машину, и, наконец, посадили в вертолет. Часы у меня отняли сразу, но перелет занял два часа. Сели мы на большом аэродроме, там меня пересадили в автозак и доставили сюда. Человек, назвавшийся по телефону Шалаковым, присутствует здесь, я узнал его по голосу.

Что он несет, что он несет? Не обращай внимания. Мы все это вырежем. Говорите по существу, поберегите свое время.

Хорошо. Говорю по существу. Во-первых, я надеюсь, что эта кассета каким-то образом попадет в руки моих товарищей по работе. И, прежде всего я хочу сказать, что ключи от маленького сейфа хранятся у моей соседки, Валентины Мигуэлевны Ивановой-Рамирес. Дальше... Итак, меня захватили заложником. Я часто сталкивался с этим явлением в последние годы. И в результате своих наблюдений я пришел к выводу, к жестокому и неутешительному выводу. Захват заложников будет процветающим бизнесом. Государство и общество не могут противопоставить этому преступлению ничего, кроме усиления ответственности. Есть только один способ остановить этот безумный поток. Общество людей не должно говорить на языке зверей. А слово «заложник» — это слово из языка зверей. Не надо выкупать заложников. Не надо обменивать заложников. Надо просто вычеркнуть слово «заложник» из нашей речи. Другого способа нет. Следует считать мертвым любого, взятого в заложники. Соответственно те, кто захватывают заложника, являются убийцами. Итак, забудьте обо мне. Считайте, что я умер. Я прошу прощения у всех, кого обидел в своей жизни. У каждого обвиняемого, которого я отправил за решетку. Я честно делал свое дело, простите меня. Я прошу прощения у своего брата. Я был к нему несправедлив. И слишком мало помогал ему. Мог бы больше, но не хотел прослыть коррупционером. Глупо. Простите меня. И прощайте. А сейчас я хотел бы воспользоваться предоставленной мне возможностью... (Начинается драка, в кадре мелькает Шалаков, которого прокурор держит за горло. Их растаскивают, съемка остановлена. На следующем кадре прокурор уже связан по рукам и ногам. Он лежит на матрасе, и его пинают ногами).

Дальше можно было не смотреть, потому что эту часть записи Клейн уже видел. Его еще удивило тогда, что у прокурора заклеен рот. Обычно похитители используют голос заложника для усиления воздействия на родственников. Они вообще стараются

воздействовать на психику всеми средствами. Например, обстановкой в кадре. Голый пол, ободранные стены, решетка на окне.

Решетка? Когда Клейн заглядывал в комнатку с матрасом, там не было решетки на окне. А на записи она появлялась в кадре. Куда делась? Кстати, а куда делся прокурор?

Если Шалаков сам его похитил, то зачем он же его и освобождал? Чтобы содрать деньги с холдинга? Так ведь денег не просили. Просили освободить чеченца. Зачем Шалакову чеченец?

Он отбросил все эти мысли, потому что сейчас надо было думать о другом. То, что увидел Клейн, снова изменило ситуацию. Сегодня утром он готовился к новой жизни — подлой и грязной, но жизни. Это было непросто, и он не знал, удастся ли ему переломить себя. После обеда, проведив Рену, он стал готовиться к смерти, и это было легко и даже приятно, потому что такие сборы случались у него в молодости, и сейчас он ощущал себя молодым.

Но теперь он обязан был выжить. Не для того, чтобы прислуживать Шалакову, турку и их хозяевам. А для того, чтобы, если им повезет, засадить их за решетку.

Да, у них в руках бумажка с его подписью. Им придется ее съесть.

И не забыть бы — надо обязательно найти Валентину Мигуэлевну с ее заветным ключом от маленького сейфа.

Голос прокурора, твердый и монотонный, все еще раздавался в его памяти. Заложник — слово из языка зверей. С этим можно и поспорить. Звери не берут заложников. Да нет, просто есть разные звери. Самые страшные звери носят одежду и говорят человеческим голосом. Они прекрасно знают человеческие слабости. Люди слишком любят свою семью. Больше, чем себя. Ради своего ребенка, ради матери или жены люди могут пойти на любую жертву. А зверю ведь много не надо. Не требует он любых жертв. Брось ему денег побольше, он и отстанет. Он потратит эти деньги на свою звериную семью, на свою пещеру, на своих самок. Кончатся деньги — он поймает еще кого-нибудь из слабого племени людей. И снова принесет в пещеру свою добычу.

Неужели прокурор прав, и людям надо просто вычеркивать пропавших из списка живых? Перестать страдать из-за них? Перестать быть людьми? Может быть, есть какой-то другой путь?

Например, ждать, когда звери начнут превращаться в людей? Или, наоборот, перебить их всех?

Это больше понравилось полковнику Клейну. Но по каким признакам отличать тех, кого надо перебить?

Очень просто, сказал себе Граф. Есть же формула: «Поднявший меч — от меча и погибнет». Убийц надо убивать. Похититель заложников — тот же убийца. И ему не следует оставаться среди живых. Русский или нерусский, богач или бедняк, философ или дебил, исполнитель или соучастник, виноват или не виноват — значения не имеет. Как говорил Маузер? Судить их я не собираюсь. Пусть они пораньше предстанут перед Высшим Судом...

Граф вставил в маузер новую обойму. Ситуация становилась все проще и проще. Все, кто сейчас был на даче, подлежали уничтожению.

Но он думал слишком долго. За спиной раздали шаги, и парень в камуфляже трясущимися руками навел автомат на Графа. Это он утром выводил их на прогулку. Сейчас лицо у парня было серое, в крупных дрожащих каплях пота.

— Руки... Это самое... руки вверх... — просипел он.

— Ты что, своих не узнаешь? — спокойно сказал Граф. — Видишь, что натворили по пьянке.

— Рэкии! — заорал охранник, подняв «кипарис» на уровень лица. — Рэкиверр!

Граф кинулся за диван в то же мгновение, как ствол «кипариса» начал плясать и выплевывать вспышки и струйки дыма.

Пули смачно молотили по трупам на диване, с хрустом вгрызались в штукатурку.

Граф видел ноги охранника. Но как только он навел ствол на колено, охранник

перестал стрелять и выбежал из комнаты.

Ругая себя последними словами, Граф кинулся за ним. Парень бежал по дорожке между деревьями. Он оглянулся на ходу, поднял автомат и выпустил очередь в сторону Графа. Пуля прошелестела сбоку, остальные простучали по стене.

Граф распластался на земле и долго ловил на мушку удаляющуюся спину в серо-голубых пятнах. Нажал на спуск, и маузер сильно подбросило. Спина исчезла.

Пригибаясь, он пробежал под окнами соседнего корпуса и занял позицию за углом, держа под прицелом крыльцо. Но никто не выбежал. Наверно, здесь было пусто. Граф подкрался к лежащему противнику. Тот хрипло матерился и скреб землю пальцами.

Отброшенный автомат зарылся в листву. Граф отцепил магазин. Тот был уже пуст. «С патронами у нас плохо», подумал Граф, вынимая из ножен противника охотничий нож. Нож был острый, лезвие впивалось в ноготь. Он схватил раненого за волосы, задрал ему голову и полоснул ножом под челюстью.

Четверо готовы, подумал Клейн. Скоро на дачу вернутся остальные. Знать бы, сколько их осталось.

Глава 34

В дураках

Кот долго спускался с колонны, долго ждал, пока Курд спустит ему на веревке пулемет. Наконец, перебравшись через забор, он застал непонятную картину. Вадим Панин бродил туда-сюда между двумя «камазами», а Махсум вертелся вокруг него, размахивая руками и что-то горячо доказывая.

— Что за шум, а драки нет? — спросил Кот.

— Сейчас начнется, — вяло усмехнулся Панин. — Кстати, ты не хочешь заработать десять тысяч баксов?

— Прямо сейчас?

— Не совсем. Надо позвонить Клейну и сказать, что прокурора мы нашли, но за него просят сто тысяч. Он привозит деньги, мы их по честному делим. Десять тебе, десять мне, остальное ребятам. Кстати, Махсум, Клейн тоже в доле. Но ему хватит и пятерки.

— Вы что, обкурились? — спросил Кот.

Он не удивился такому повороту. Раз уж чеченец стал им помогать, значит, был у него какой-то свой интерес. Это естественно. Нельзя было рассчитывать, что эта шайка будет работать только из признательности за то, что их главаря выпустили на свободу. И все же было немного досадно. Кот уже успел немного сдружиться с «курдистаном» и Талышом, которые были в его команде. Они беспрекословно выполняли его приказы, действовали толково и сноровисто, из них могли получиться хорошие бойцы. Да они и были хорошими бойцами. Но, как выяснилось, бойцами противника.

— Да ладно тебе, Сергеич, — сказал Муртазанов. — Свои же ребята. Сто тысяч для барыг не деньги. Просто я должен что-то заплатить мужикам. Нам тоже жить надо.

— Мы так не договаривались.

— А мы никак не договаривались, — сказал Махсум жестко. — Мы не договаривались, что вы меня, как барана, будете сдавать этим собакам. Мы не договаривались, что ваши самолеты будут нас бомбить. Мы не договаривались вообще никак.

— Так, понятно, — сказал Кот. — Ты, я смотрю, уже все решил.

— Да. Да, я все решил.

— Ну, тогда действуй, — вздохнул Кот. — Димка, пошли отсюда.

— Фикрет, поехали домой, — сказал Панин.

— Давно пора, — сказал Фикрет. — Зачем стоим? Нельзя здесь стоять. Те уже уехали все. Садитесь, поехали, Минара не спит, ждет тебя. Пожалей меня, она ругаться будет...

— Только без посторонних, — сказал Кот. — Мы не договаривались возить бандитов.

— Кто бандиты? Мы бандиты? — спокойно уточнил Махсум, тыча в грудь пальцем. — Хорошо, мы бандиты. А вы кто?

— Э, хватит, да, демагогию не разводи, — сказал Фикрет. — Пускай твои вылезают. Это не такси.

Муртазанов свистнул, и вся его команда высыпала из кабин «камазов». Хохол с гранатометом под мышкой, Курд с пулеметом на груди. Остальные были с пистолетами. Они встали плотным кольцом.

— Хотел все по-хорошему сделать, — сказал Махсум. — Мужики, сами подумайте. Прокуроры все козлы. Вот отдадим мы его, он вернется в кабинет. Помоемся, побреемся, отдохнет. Потом как начнет снова людей сажать. Какая мне от него польза? А так хоть немного пользы будет. И вам хорошо, и мне хорошо.

— Разве я против? — сказал Кот. — Пускай тебе будет хорошо, только без нас. Вот и все.

— Сергеич, я серьезно. Вы же меня заложите, — сказал Махсум. — Я вас отпустить не могу.

— Не надо нас отпускать. Мы сами уйдем.

Махсум криво улыбнулся и поднял руку, поворачиваясь к Курду. Видимо, по его сигналу вся шайка должна была привести оружие в боевую готовность и навести стволы на новых заложников. Об этом надо было позаботиться раньше, но кавказский этикет не позволяет разговаривать, держа собеседника на мушке.

А Кот не разбирался в тонкостях этикета. Он шумно выдохнул и выбросил ногу по дуге, угодив носком Махсуму под ложечку. Шаг вперед, и вторая нога сбила Курда. Панин метнулся к пулемету, но его остановили, на свою беду, Лезгин с Хохлом. И пошел мордобой. Кот даже не уклонялся от ударов. Просто подставлял одну руку, а второй наносил размашистую оплеуху. Ковальский работал в щадящем режиме, и когда через несколько минут он остановился, все были живы, хоть и не вполне здоровы.

— Так, — скомандовал он, — всем лежать и не шевелиться. Димка, оружие собрал? В воду его.

— Что?

— Бросай все в воду. Мы мирные люди. Хватит, навоевались. Фикрет, посмотри, как там Махсум, что-то он нехорошо лежит.

— Живой. Дышит.

— Ну, пусть дышит. По машинам.

— А мы? — спросил Лезгин, выползая из-под грузовика.

— А вы своим ходом.

— Это по честному, да? — подал голос Муртазанов. — Мы тебе помогли, а ты нас кинул, это по честному?

— Скажи спасибо, что живой, — ответил Кот. — Мы с Димкой не любим, когда нас окружают ребята с оружием.

— Спасибо. Спасибо большое. Теперь у вас все, а у нас ничего. Аппаратуру могли продать за хорошие деньги. Отдали бесплатно. «Муху» купили, деньги тратили, ты ее утопил в этом говне. Спасибо большое.

— Ты не представляешь, как мне стыдно, — сказал Ковальский.

Они стояли на площадке между грузовиками. Вдруг небо в стороне шоссе осветилось огнем. Все замерли, повернувшись в ту сторону. Отчетливо ударил пистолетный выстрел, и Ковальский первым бросился на землю. Но стреляли куда-то в сторону. Он насчитал восемь выстрелов подряд, а потом было слышно только гудение и треск пламени, и вдруг раздался взрыв, и наступила тишина.

Кот выглянул из-за грузовика. На обочине догорала легковушка. В свете огня он увидел человека, лежащего на земле неподалеку. Дальше на дороге стояла еще одна машина с погашенными огнями.

Панин оттеснил Кота и, пригибаясь, перебежал дорогу. Наклонился над лежащим, перевернул, всматриваясь в лицо. Выпрямился и огляделся. Подобрал с земли что-то длинное, еще какой-то длинный и тяжелый сверток, и так же пригибаясь, перебежал обратно.

— Ничего себе трофеи, — завистливо сказал Ковальский.

— Надо было по сторонам смотреть, а не разборки устраивать. — Панин любовно отряхнул «винторез». — Смотри, с чем люди ходят на размен. Нас могли перебить, как котят.

— Что там было?

— Снайперы, вот что. Наверно, должны были прикрыть отход. Кто-то их положил. От души. У первого четыре дырки. И еще два трупа у «пятерки», я их не разглядывал, но там тоже на совесть сработано.

— Может быть, они не уехали? — Махсум настороженно оглянулся.

— Уехали, — сказал Панин. — Но не все.

— Выдвигаемся, — скомандовал Ковальский. — Все грузятся в переднюю машину. Димка, в кабину. Прокурора в кузов. Задняя прикрывает. Я в ней поеду. Ну, что встали?

— В кузов там нельзя, — сказал Фикрет. — Места нету.

— Найдем место, залезайте быстрее!

— Я прикрою. — Панин снял с плеча «Винторез» и опустил длинный сверток на землю.

— Давай сюда, — Кот отобрал у него винтовку безболезненным, но эффективным приемом. — Не время спорить, Димка. Все, по машинам!

Он лежал на земле между колесами грузовика и осматривался. В серо-зеленом круге ночного прицела тянулось пустое шоссе. Пара собак перебегала по степи с места на место, пригнувшись и зигзагом приближаясь к догоревшей машине.

Можно было уезжать, догонять своих, но что-то удерживало его здесь. Наверно, потревоженная память. Все это было когда-то. Оружие в руках, дымящиеся обломки, трупы. Отходим, скомандовал он себе.

Дело сделано. Заложник освобожден. Димка наверняка уже придумал, как доставить его домой. Только не надо спешить. Пару дней назад казалось, что все так просто. Слишком просто. Кот еще тогда, при первой встрече с Графом почуял, что за этой простотой прячется ловушка, и не одна. Так и вышло. Но если дело началось с засады, то оно и закончиться не может без приключений. Значит, не будем спешить. Не надо лететь сломя голову, а надо затаиться и оглядеться.

Его грузовик догнал остановившуюся колонну уже на береговой дороге.

Причина для остановки была довольно серьезная. Фикрет не зря предупреждал, что в кузове нет места. Шестиметровое пространство было занято зачехленной лодкой. И людям пришлось стоять по углам. Махсум и здесь устроился удобнее остальных — он не мог стоять после драки и просто лег в лодку поверх брезентового чехла. Рядом стоял прокурор. Машину качнуло на повороте, и прокурор оперся ногой о борт лодки. Несколько минут Махсум разглядывал его башмак, а потом вдруг вскочил и принялся барабанить по кабине. Грузовик встал.

Когда Кот выпрыгнул из кузова, прокурор с понурым видом стоял в лучах фар на дороге.

— Ну давай, гражданин прокурор... Расскажи трудящимся, как ты дошел до жизни такой, — говорил Махсум, небрежно привалившись к капоту «Нивы» и морщась от боли при каждом вздохе.

— Я вышел из гостиницы, — монотонным срывающимся голосом заговорил прокурор. — Меня схватили, посадили в машину. Долго везли. Потом пересадили в вертолет. Привезли сюда.

— И как с тобой обращались?

— Обращались нормально. Немного побили в первый день.

— Как кормили?

— Нормально кормили.

— Как одевали?

— Что? Никак не одевали. Вот, в чем вышел, в том и хожу.

— Гражданин прокурор, — вкрадчиво заговорил Муртазанов, постепенно вскипая. — Сука! На какой бакинской барахолке ты купил свои туфли, собака?

Прокурор оцепенел. Наконец, он с трудом наклонился и посмотрел на свои ноги. Выпрямиться он не смог, так и стоял, разглядывая пыльные носки стоптанных туфель.

«Ну вот и все, — подумал Кот. — Вот и освободили заложника. Все впустую. Все напрасно.

Еще можно догнать гадов, чтобы расплатиться сполна. Да только нечем. Все оружие лежит на дне сточного канала. Нет, кажется, мы еще не скоро отсюда уедем».

— Ну, и что теперь с тобой делать, собака? — спросил Махсум. — Куда дели настоящего прокурора?

— Я настоящий прокурор, — ответ прозвучал еле слышно, но твердо.

— Ярослав Ильич, — обратился к нему Панин. — Эту проблему можно решить очень легко. Назовите домашний телефон вашего отца.

— Триста двенадцать четырнадцать сорок, — быстро ответил прокурор.

Панин подошел к Махсуму и пожал ему руку.

— Поздравляю. Помнишь свои слова? Ты сказал, прокурор теперь твой. Он твой. Делай с ним что хочешь.

— Не имеете права! — окрепшим голосом сказал прокурор. — Вы должны доставить меня в Ленинград.

— Ага, должны.

— Немедленно позвоните в холдинг!

— Наверно, шмотки они на него надели, а про туфли забыли, — сказал Муртазанов, не обращая внимания на крики прокурора. — Я так думаю, настоящего они просто кончили. Поэтому все так и получилось. И засаду делали поэтому. А зачем ты телефон спросил?

— Они его хорошо подготовили, — сказал Панин. — Наверно, знали, что мы блефуем. Знали, что и в глаза не видели прокурора. Ему, главное, надо было отвечать уверенно. Он хорошо справлялся до сих пор. И номер назвал четко. Мы же не знаем ни черта, а кто тут проверит... Только вот папаша прокурорский сейчас проживает не в Ленинграде, а в Штатах.

— Так, — сказал Кот. — Если вы все такие умные, то что мы делаем тут? Где вы были раньше? О чем раньше думали?

— Эх, Сергеич, чего по пьянке не бывает, — махнул рукой Панин.

— Один-один, — сказал Курд, — ничья. Мы дураки, и вы дураки. У вас ничего нет, и у нас ничего нет.

— И один придурок на всех, — сказал Махсум. — Ну что, брат, хватит нас дурить. Давай поговорим по серьезному.

— С чего начать? — «прокурор» тяжело вздохнул и обвел взглядом собравшихся.

— С самого главного, — сказал Панин. — Где настоящий прокурор?

— Это не самое главное. Заложников держат на ахундовской даче. Я могу показать дорогу, только вы туда не попадете. Там все перекрыто. Но это не самое главное.

— А что главное? — спросил Махсум.

— Сначала скажите... Что вы сделаете со мной?

— Шашлык сделаем, — сказал Кот с кавказским акцентом. — Я думаю, торг здесь неуместен.

— Вы из Питера, да? Ну конечно, я забыл, конечно, из Питера. Из холдинга, да? Так вот. Ваш человек... Я слышал разговор... Один человек из вашего холдинга вместе с женой и ребенком сейчас тоже там, на ахундовской даче. Он тоже заложник. У него немецкая фамилия. Кажется, Клейст.

— Не знаю такого, — сказал Кот. — У Клейна нет жены и детей, и он сейчас в Питере.

— Он ни разу не подошел к телефону, — напомнил Панин. — Не факт, что он в

Питере. А про жену ты мог не знать.

— На даче сейчас мало охраны, потому что все уехали на базу в горы, — торопливо продолжал «прокурор». — Сейчас вам надо обратиться в полицию и сделать официальное заявление. Пусть произведут обыск дачи. Там склад награбленного. Банда чистила челноков. И еще там тюрьма для заложников. Надо освободить людей, которые там остались.

— Красиво получается, — сказал Ковальский. — Слишком красиво. Вот мы сейчас все бросим и пойдем освобождать заложников. А там засада.

— Да нет там никакой засады, поверьте! Вы что, не видели, в какую сторону все уехали? Они уехали в Насосную, на аэродром, там их ждет вертолет, чтобы перебросить на базу в горах. А на даче никого не осталось!

— Зачем же всем лететь в какие-то горы, да еще ночью? — спросил Панин.

— Да там у них между собой чуть до драки не дошло, кому везти эту аппаратуру на базу. Я так понял, что там будет расчет, кто привезет аппаратуру, тот и деньги получает. Вот они все и рванули туда.

— Красиво излагаете, но детали хромают, — сказал Кот. — Ночью вертолеты не летают. Димка, подтверди.

Но Панин не поддержал его.

— Знаешь, Сергеич, есть такие места, куда летают только ночью. Особенно с таким грузом интересным... Так что все это очень правдоподобно.

— Слишком правдоподобно, — отмахнулся Ковальский.

— Я понимаю, что вам трудно мне поверить...

— Сергеич, так ты что, против налета? — спросил Панин. — Ахундовская дача. Это же совсем рядом.

— Я знаю это место, — вмешался Фикрет. — Ахундов был хороший человек. Мой отец ему рыбу возил. Можно с моря подойти, там берег хороший.

— Что мы стоим? — сказал Махсум. — Поехали брать дачу.

— Нет, вы должны обратиться в полицию...

— Слушай, ты кто такой?

— Я? Какое это имеет значение... Я несуществующий корреспондент несуществующей газеты. Задержанный в несуществующей зоне боевых действий. На территории несуществующего государства... — он говорил, постепенно оживляясь, и явно собирался рассказать свою душераздирающую историю людям, которые, скорее всего, хотели его убить. Но подняв глаза, он увидел их лица. И осекся. Его история никому не нужна. Да и он никому не нужен.

— Нет, земляк. Ты, наверно, все-таки прокурор, только другой, — сказал Махсум. — Какая такая полиция? Мне все ребра сломали, я и то не кричу «полиция, полиция!» Разберемся сами.

— Черт с вами. Налет так налет. — Ковальский хлопнул по прикладу винтовки, висевшей поперек груди. — Все равно других вариантов нет.

— Но теперь давайте договоримся, — предупредил Панин. — Прокурор, живой или мертвый, наш. Клейн, если он там, тоже наш. Все заложники выходят на свободу.

Муртазанов резко повернулся к нему и скривился от боли, держась за бок:

— Какой хитрый! Всех на свободу? А мой интерес какой?

— А тебя, в общем-то, никто и не приглашает.

— Вдвоем идете?

— Да я и один схожу, — сказал Кот, — а Димка подстрахует. У тебя есть другие предложения?

— Сергеич, зачем ты так, — миролюбиво улыбнулся Махсум, — свои же мужики. Вместе хлеб кушали, слушай. В общем, я с вами. Таких козлов надо наказывать, вот мой интерес. Вот и все. Ну, если что-нибудь подберу со склада, не обижайтесь.

— Олды, — сказал Панин, и Фикрет хлопнул по его подставленной ладони, а потом по ней ударили Махсум, курд, лезгин, хохол, Али и Вели, талыш, и последним приложился

Ковальский.

Хлопнули двери машин, взревели моторы, и скоро на дороге осталась только одинокая фигура. «Прокурор» долго смотрел вслед удаляющимся красным огонькам. Потом бессильно опустился на песок и застыл, обхватив голову. Сколько раз сегодня он прислушивался к дыханию смерти за спиной? Когда его вывели из камеры и переодели в чужую одежду, он решил, что его убьют, а тело подбросят. Банальная операция, когда покойника опознают по одежде и антропометрическим признакам.

Но белобрысый мент объяснил, что его приняли за пропавшего прокурора, и надо поддерживать эту версию, потому что иначе ему из тюрьмы не вырваться. Как только он окажется в России, обман раскроется, но это уже не страшно. Страшнее сгнить в карцере.

Он почти поверил им, но трупный запах, которым он надышался на карабахском фронте, преследовал его. И обостренным слухом он уловил разговоры своих «освободителей». Если размен сорвется из-за того, что обнаружится подмена, то будет открыт огонь, и никто не уйдет. Никто? Значит, и я? То, что он подслушал чуть позже, уже не оставило места для вопросов. Если размен будет удачным, все равно никто не уйдет. Гасим всех на месте.

Поработав в комиссии по массовым захоронениям, он мог бы привыкнуть к виду и запаху смерти. По крайней мере, пытаясь заглянуть в свое будущее, он видел только бурую рыхлую массу, из-под которой проглядывала гармошка ребер, видел волосы, склеенные черной жижей, видел развороченный перламутровый пах, облепленный мухами... Его вырвало. Встав на четвереньки, и шатаясь, как больная собака, он добрался до прибою и рухнул лицом в воду.

Когда он поднял голову и рукавом вытер глаза, в ночи еще были видны красные огоньки, удалявшиеся по дороге вдоль моря...

Жителям апшеронского побережья было запрещено иметь моторные лодки. Разрешалось иметь удочку. Но осетра на удочку не поймает, и браконьерам приходилось приспособливаться к жестоким правилам игры с государством. Одним из достижений подпольной браконьерской науки стали лодки, хранившиеся в длинном кузове грузовика. Грузовики пока еще никто не запретил. И они могли беспрепятственно подъехать к прибою на каком-нибудь достаточно диком берегу, и даже заехать задними колесами в воду. Это тоже не запрещалось. Что происходило потом, никто не видел. А кто и видел, не рассказывал. А происходило вот что.

Из кузова выкатывалась лодка. Не простая, а золотая. Титановый корпус, аргоновая сварка, японские движки, рация «Сименс». Лодка почти бесшумно уходила за горизонт, а грузовик уезжал в свой гараж. Через несколько часов грузовик возвращался к прибою, и из-за горизонта показывалась лодка. Ее цепляла мощная лебедка, и лодку, со всем ее содержимым, затачивало в кузов.

Отец Фикрета пользовался КраЗом. У Фикрета в команде было три «КамАЗа». И сейчас он предоставил свои лодки в распоряжение Вадима Панина, даже не задумываясь, чем может кончиться эта новая безрассудная затея...

Вот это называется друг, думал Кот. Его не надо просить о помощи, он сам ее предлагает. И ему не надо ничего объяснять, он сам все понимает. Интересно, чем же мог Димка Панин заслужить такую дружбу? Наверно, тем, что и сам помогал когда-то, и сам не требовал объяснений.

Пока доехали, пока выбирали место, пока готовили лодки, начало светать. Над морем протянулась серая полоса, и стали видны далекие волны.

— Не опоздать бы, — сказал Панин, укладывая в лодку сверток с винтовками и какой-то грязный рюкзак.

— Ничего, сейчас самое время, — сказал Кот. — Если охрана есть, то она сейчас спит. А если придется стрелять, то солнце им будет мешать.

— Давай все-таки не будем ждать солнца, — сказал Махсум. — Что, стрелять по очереди будем из одной винтовки, да?

— Не стрелять, только не стрелять, — попросил Панин, развязал рюкзак и принялся раздавать бойцам их пистолеты.

— Ты что? — грозно спросил Кот. — Я же приказал выбросить.

— А я вот вспомнил одного моего знакомого, — сказал Панин. — Он, как бросает пить в очередной раз, так выливает в унитаз все оставшееся спиртное. А через недельку тратит деньги на новую выпивку.

— А пулемет где? — засмеялся Махсум.

— Ты зря радуешься, — сказал Панин. — Пулемет на дне канала. Гранатомет тоже.

— Ничего, потом достанем, — сказал Курд. — Совсем чистый ствол будет, как после химчистки.

Фикрет вел переднюю лодку, Талыш заднюю. Боковая волна раскачивала лодки, и соленые брызги заливали примолкших бойцов. Моторы, прикрытые массивными ящиками, работали почти бесшумно. Громко клокотала вода под винтами.

С каждой минутой становилось светлее. Кот увидел, что лодка Фикрета заворачивает влево, в море, огибая заграждение. Между последними столбиками уже не видно было решетки, но Фикрет обогнул и их, а потом развернул лодку к берегу и приглушил мотор. Лодки коснулись бортами, медленно покачиваясь на спокойной волне. Кот оглядел берег в прицел «винтореза».

Над крутым обрывом виднелись деревья, за ними угадывалась стена невысокого здания с плоской крышей. Заграждение тянулось из моря на берег и поднималось по обрыву до самого верха, а вдоль него по обрыву в три пролета легла деревянная лестница с покосившимися перильцами. Ох, и громко же заскрипят эти доски, подумал Кот. Надо будет подниматься по обрыву вдоль лестницы, придерживаясь за нее. Так медленнее, но надежнее.

Когда обе лодки выкатились на плоский песчаный берег, Кот выпрыгнул первым и сразу лег, чтобы не маячить на фоне воды.

— А теперь слушай мою команду, — Кот говорил тихо, и все сгруппировались вокруг него. — Делимся на две группы. Со мной идут Курдистан, Лезгин и Вели. Вторая группа — Махсум, Али, Хохол и Талыш. Димка, ты с Фикретом. Остаетесь на лодках. Я поднимаюсь по берегу первым, вторая группа нас прикрывает. Потом вы поднимаетесь, мы вас прикрываем. Дальше действуем по обстановке.

— У меня живот болит, — сказал лезгин, слегка застонав для убедительности. — Не могу дальше идти. Я на лодке останусь.

— Оставайся, — сказал Панин.

— Насчет лодок, — продолжал Кот. — Отведете их подальше и дрейфуйте вдоль берега. На веслах. Якорь не бросать.

— Какой вдоль берега? — сказал лезгин. — Тогда пускай талыш остается, я с мотором не умею командовать.

— Быстро твой живот прошел, — сказал Махсум.

— Плавать не умею, да, — сказал лезгин. — Лучше пускай живот болит, чем утонуть.

— Все, разобрались, — Кот оборвал разговор. — Димка, ты на лодках или с нами?

— Талыш с лодкой справится, — сказал Панин. — А я лучше пойду в первой группе. Все-таки немного имею представление о местности.

— Ладно, идите первыми, — согласился Кот. — Не стрелять. Если что, я вас бесшумкой прикрываю, не забывайте.

Они оттолкнули лодки от берега. Панин бесшумно двинулся вдоль забора к лестнице, ступеньки которой уже угадывались в утреннем сумраке. Махсум со своими шел за ним, о чем-то договариваясь на ходу: «Костюмы не надо брать, дешевка... Магнитолы возьмем для Фикрета и его шоферов... золото искать надо, турецкое золото говно, но все равно золото...»

Кот хотел крикнуть им вслед, чтоб замолчали и рассредоточились, но сдержался. Он лег на песок и прильнул к прицелу, оглядывая непроницаемую стену деревьев, чернеющую над обрывом.

Глава 35

Налет

Охранник, которого Граф вырубил и связал первым, остался жив и смог отвечать на вопросы. Теперь полковник Клейн знал почти все.

Чистые бланки контрактов, заготовки для удостоверений, рекламные проспекты и брошюры вводного инструктажа — все это в изобилии хранилось в канцелярии. Граф не смог подобрать ключи только к сейфам. Возможно, там хранились более серьезные документы. Но и без них картина вырисовывалась вполне понятная.

Существует базовая структура — гуманитарный фонд «Туранбуран». Никакой коммерции, чистое просветительство, помощь угнетенным мусульманам в отпращивании их религиозных потребностей. На эту благую цель работают и вспомогательные подразделения. «ТБ — Круиз» занимается доставкой миссионеров к страждущим, «ТБ — Телеком» обеспечивает спутниковую связь миссионеров с центром, а «ТБ-Протект» охраняет туранбуранское имущество. В свободное время эти подразделения выполняют отдельные заказы. Например, туранбуранский Боинг, забросив агитатора в Якутию, на обратном пути вывозит новоиспеченных якутских туранцев на экскурсию по их исторической родине. Причем в том же салоне размещаются и не-туранцы, но их билеты дешевле. Наверно, это первый урок туранского патриотизма. Кстати, оранжевый вертолет, севший на спортплощадку, тоже принадлежал «ТБ — Круизу» и выполнял чартерные рейсы в воздушном пространстве Кавказа. А туранбуранские связисты, если верить рекламе, успешно восстанавливали телефонную связь в районах Чеченской Ичкерии, наиболее пострадавших от российской агрессии.

И, наконец, самое главное, охранное агентство «ТБ — Протект» располагало большим количеством квалифицированного персонала для охраны жизненно важных объектов. Этот персонал охранял самолеты и машины общества, его офисы и склады. А в свободное время персонал был готов выполнить любой заказ организаций и частных лиц.

Какие именно заказы выполнялись персоналом, было хорошо видно на видеокассетах. А то, чего не было видно, полковник Клейн узнал, *квалифицированно* поспрашивав пленного.

Наверно, отцы-основатели гуманитарного фонда не рассчитывали, что местный персонал сможет приспособить святую идею этнического единства под свои корыстные цели, к тому же отвратительно космополитические.

Под прикрытием охранного агентства действовала международная банда. Для них не было границ. Их базы были разбросаны по райским уголкам бывшей державы, расположившись на бывших партийных дачах, арендованных гуманитарным фондом. Их мишенью мог стать средней руки бизнесмен, или просто удачливый челнок, или достаточно наворочавший чиновник. Они похищали детей, жен, а то и родителей, записывали видеокассету со своими требованиями и условиями и обычно без проблем получали то, что требовали. Не только деньги. На одной из кассет он услышал подробные инструкции передачи акций какого-то завода. Методика была отработана до мельчайших деталей. На видеокассетах, имитируя чеченский акцент, звучал один и тот же голос, повторяя один и тот же текст, написанный специалистами.

Обычное явление. Зачем менять налаженный механизм, который дает конкретные результаты? It works... В руки Мишани Шалакова попал отлично действующий механизм, и он смог применить его в нужный момент.

Эти ребята далеко пойдут, подумал Граф. Как быстро развивается наш дикий капитализм. Двадцать лет назад эти люди не отличали кетчуп от йогурта, компьютер от дистрибьютора. Пять лет назад они научились пользоваться сотовой связью. А сегодня они могут в Интернете забить стрелку на Лазурном берегу. Но все это игрушки по сравнению с

механизмом охранного предприятия.

Мишаня мог собрать в нужном месте в нужное время примерно сотню квалифицированных специалистов из нескольких городов. В чем они уступают силам государства? У них нет танков. Но есть танкисты. А танк они угонят, или купят, причем самый распоследний, каких не было еще даже на выставке в Абу-Даби. У них нет авиации, а у государства есть. Но не всякое государство решится применить авиацию в густонаселенном районе. Так что армия сторожей, вахтеров и привратников вполне способна по приказу своих хозяев продолжить их политику другими средствами.

Но пока от них это не требуется. Пока у них много свободного времени, и они выполняют заказы частных лиц и организаций.

«Наверно, я напрасно вмешался», подумал Клейн. Можно было бы просто подбросить одну из видеокассет в штаб-квартиру фонда — вполне в стиле Шалакова. И содрать с гуманитариев хорошие деньги. А они бы потом сами разобрались с Мишаней — своими гуманитарными методами.

Или наоборот, вообще ничего не надо было делать. Просто ждать. Со временем Мишаня обязательно добрался бы и до отцов-основателей. И это было бы справедливо. Это было бы для них хорошим уроком. Надо знать, кого зовешь под крышу общей родины. Мишаня еще ангел по сравнению с какими-нибудь ваххабитами или непримиримыми таджиками.

Но все получилось так, как получилось. Если удастся отсюда выбраться, кассеты попадут куда надо. Президент «Мирового Океана» легко отрестится от Шалакова, а вот «Туранбуран» уже не отмоется никогда. Скорее всего, этот гуманитарный фонд не станет дожидаться большого шума и просто растает в тумане. Но ведь останутся его хозяева...

И чего ради они к нам лезут? С чего они решили, что могут просвещать нас? Неужели их хозяева всерьез полагают, что «гуманитарного» прикрытия достаточно для серьезной подрывной работы? А может быть, у нас просто не осталось никаких сил, чтобы противостоять даже такому противнику?

А может быть, они как раз и проверяют — остались ли силы...

К исходу ночи он смог осмотреть все помещения дачи. Нашел капитально забетонированные подвалы с замаскированными бойницами. Нашел крытые ходы сообщения. И сейф нашел с видеокассетами, и не поленился просмотреть каждую хоть по паре минут, и зафиксировал голос Шалакова за кадром. Но главное открытие ждало его в подzemелье. Это было горькое открытие.

В холодном подвале домика с запахом хлорки он нашел своего друга Гасанова. Славный и бесстрашный опер лежал на каменном полу с тремя дырками в спине и ямой в виске.

Рядом оказалось тело прокурора. Обескровленное, оно казалось мраморно-серым. Полковник Клейн знал, что прокурор покончил с собой, выломав оконную решетку, разбив стекло и разорвав осколком сонную артерию.

Что же, брат президента не бросался словами. Полковнику хотелось верить, что кто-то там, наверху, сейчас следит за ним и скрупулезно фиксирует все его действия. И прокурорская душа слышит по внутренней трансляции, как Граф расправляется с теми, кого прокурор призвал убивать.

Покойников вывозили с дачи по ночам на похоронном автобусе и подкладывали в заброшенные склепы на старых кладбищах. Автобус придет утром, и у него будет много работы. Граф сложил всех убитых на крыльце штабного флигеля.

Троих охранников на КПП он не тронул, и они продолжали мирно спать, не догадываясь, что утром их никто не сменит. Не тронул он и вертолетчиков, вспомнив, как Эльдарчик сидел с ними в кабине. Он только замотал проволокой двери их комнаты, чтобы они не выбежали на случайный шум.

За железным забором соседнего корпуса тревожно подвывали псы. Они замолкали, когда Граф подходил к забору, и снова начинали скулить, когда уходил. «Боятся», —

подумал Клейн. Их тоже не мешало бы прибить: на одной из кассет он видел, как эти собаки кидались на голого человека, привязанного к дереву в саду.

Он устроился на плоской крыше крайнего корпуса, под ветвями высокого тутового дерева. Крыша была густо усеяна засохшими ягодами, он разгреб их и лег на мягкий застывший битум, вдыхая сладкий и острый запах. Хорошее место для игры в прятки, но плохое для обороны. Рена все сделает быстро. Она успеет прислать помощь. Он незаметно для себя заснул, а когда, дрожа от холода, открыл глаза, сквозь голые ветви виднелось серое рассветное небо. В саду кто-то двигался.

Граф перевернулся на живот и подполз на край крыши. Он разглядел между деревьями две черные фигуры. Они по очереди перебежали по саду, приближаясь к штабному флигелю.

В утренней тишине слышалось равномерное дыхание моря. Где-то хрустнула ветка. Граф повернул голову и увидел третью фигуру в таком же черном комбинезоне. «Ну, прямо ниндзя», презрительно усмехнулся он.

Из флигеля донесся дребезжащий звонок телефона, и полковник Клейн с досадой вспомнил, что не перерезал провода.

Черные фигуры уже дошли до флигеля и сейчас оглядывали сложенные на крыльце трупы. Собаки принялись яростно, взახлеб, лаять, и Граф догадался, что на дачу проникли чужие.

Возможно, этих людей прислала сюда Рена. Что-то больно скоро.

Он услышал, что они вполголоса переговариваются по-русски. Рена не могла прислать сюда русских ниндзя.

Из открытого окна корпуса полетели коробки, баулы и сумки. Грабь награбленное? Значит, это какие-то другие бандиты. Граф взял на мушку самого крупного, который жестами отдавал команды. Из-за деревьев показывались все новые и новые фигуры. Он насчитал семерых. У него еще оставались две полные обоймы по десять патронов. Хватит на всех, если полезут.

Телефон во флигеле все надрывался. Один из черных перешагнул через трупы и вошел во флигель. Телефон замолчал. Через пару секунд все бросились врассыпную и залегли, а на дорожке сада показался охранник с КПП.

«Ага, — усмехнулся полковник Клейн, — это они звонили в штаб, требуя смены. Заработались ребята, переутомились».

В этот момент дверь флигеля распахнулась, и на крыльцо вышел «ниндзя». Он остановился, оглядываясь. Он не видел своих и не мог сообразить, куда они подевались. Зато охранник на дорожке видел его вполне отчетливо. Он сорвал с плеча автомат, присел на одно колено и выпустил длинную очередь.

«Вот так, — подумал Граф, — сначала стреляем, потом будем разбираться».

«Ниндзя» согнулся, и так, переломившись пополам, свалился на крыльцо, поверх трупов.

Граф отвлекся и не видел, что случилось с охранником, но тот почему-то всплеснул руками и повалился на спину.

На дорожке показался еще один охранник. Заметив черные фигуры, поднявшиеся с земли, он круто развернулся и побежал обратно.

Сейчас они будут штурмовать КПП, подумал Граф. Самый удобный момент перешелкать их всех под шумок.

Трое в черном, пригибаясь, побежали в сторону КПП. У них были снайперские винтовки. Командир остался на месте, оглядываясь по сторонам. Вдруг он приложил ладони рупором к губам и заорал на весь сад:

— Кле-е-е-ейн! Ге-е-е-ра!

Граф осторожно опустил ствол: оказывается, он все время держал на мушке Кота.

Он свистнул по-своему, и Ковальский повернулся в его сторону.

— Гера! Ты где?

Граф спрыгнул с крыши.

— Вот он я. Кот, ты мне такой план испортил...

— Ты как? Цел? — Кот подбежал и принялся тискать его плечи.

— Полегче, полегче. Это твои люди? Где ты их набрал?

— Потом расскажу. Ты-то как тут очутился?

— Потом расскажу, — ответил Клейн. — Степан с вами?

— Нет.

— Понятно, — сказал Клейн. — Он был где-то здесь.

— Я так и знал, что вы рванете за нами, — радовался Ковальский. — А Ромка где?

— Убит.

— Плохо.

— Скажи своим, чтобы не убивали больше никого. Сейчас появится полиция, им лишние трупы не нужны.

— Посиди тут, я распоряджусь, — сказал Кот. — Эх, Рома, как же так...

Черные комбинезоны сновали между корпусами. Клейн узнал Муртазанова. Тот, похоже, был тут за главного. Знал бы он, что за него обещали двести тысяч долларов... Наверно, обиделся бы. Мало. Но у компании «ТБ — Телеком» была крайне жесткая смета расходов. К тому же это вознаграждение они пообещали тому, кто найдет пропавшую аппаратуру. Муртазанов мог бы и сам заработать, если бы состоял в туранбуранцах. Шалаков вот состоял — и наверно, таки заработал. Хоть бы одним глазом взглянуть на эту аппаратуру...

К сидящему на земле Клейну подошел Вадим Панин.

— Герман Иванович, здесь есть еще заложники?

— Больше никого.

— А ваша жена, ребенок?

— Какая жена? Я и забыл... Нет, они уже не здесь. Их удалось вывезти, — сказал Клейн.

«А какая могла быть сцена, — подумал он с легкой ревностью. — Какая могла быть встреча. Интересно было бы поглядеть».

Ему пришло в голову, что можно дожидаться Рену здесь. С бандитами покончено. У местных властей к нему нет никаких претензий. Новруз Расул-заде накроет стол в честь освобождения внука. Да, было бы приятно увидеть старика. Обязательно надо будет сходить вместе с ним на могилу Вагифа...

«В следующий раз, — решил Клейн. — Сначала надо рассчитаться с Шалаковым».

— У нас мало времени, — сказал он, вставая с земли и отряхиваясь. — Я приготовил все, что нужно отсюда вывезти. Сейчас заявится полиция. Надо уходить.

— Внизу стоят лодки, — сказал Панин. — Мы зашли с моря, уйдем по морю. Говорят, дороги здесь перекрыты. А где прокурор?

— Он убит.

— Как и следовало ожидать.

— Покончил с собой, — поправился Клейн. — Пока оставим его здесь. Родственники заберут, если захотят.

— Ну, тогда нам нечего здесь больше делать, — решил Панин. — Пошли к лодкам.

— Минуточку, — сказал Клейн. — Сколько отсюда до российской границы?

— Километров триста.

— Вы видели вертолет? Экипаж жив. Баки заправлены. Они собирались сегодня утром куда-то вылетать. Насколько я понимаю, у летчиков нет желания сейчас говорить с полицией. Я попрошу командира подбросить нас до Дербента.

— А они согласятся?

— Станный вопрос, — сказал Клейн.

У экипажа не возникло никаких вопросов.

Вопросы возникли у людей Муртазанова.

Их товарищ был убит. Они стянули с него комбинезон и завернули тело в ковер.

Дальнейшие действия остановились из-за споров. Одни предлагали увезти его отсюда на лодке. Другие говорили, что лезгина можно оставить здесь. Если спустить тело в подвал, можно считать, что он был похоронен до заката, как и подобает мусульманину. А место в лодке лучше занять добычей: тюками, коробками и сумками.

Муртазанов постановил: лезгина оставить в подвале. Но его часть добычи передать родственникам. И, прекращая обсуждение, поволок два клетчатых баула.

Проводив его взглядом, Клейн подумал, что операция по освобождению заложника закончилась. Впрочем, заложников было двое, и один из них остался жив. Так что операция удалась ровно на пятьдесят процентов.

Вертолет уже раскрутил свои лопасти, когда со стороны КПП прибежал Ковальский.

— Понаехали, — доложил он, запрыгнув в люк. — Менты в касках. С матюкальниками. Приказывают открыть ворота. А те придурки их посылают. Они уже завелись, настроились биться до последнего патрона. Им терять нечего, будут отстреливаться.

— Забросают гранатами с газом, — сказал Клейн. — Разберутся без нас. Командир, поехали.

— Ах ты, досада какая, — Панин сокрушенно ударил себя кулаком по лбу. — Я же с другом не попрощался. Обидится на всю жизнь. Командир, можем мы зависнуть над берегом?

— Попробуем, — мрачно сказал пилот, и вертолет пошел вверх.

Панин сидел у бокового люка, и ветер трепал его короткие седые волосы. Клейн видел в проеме, как резко ушли вниз крыши корпусов и кроны деревьев, и встала над садом синяя стена моря в блесках волн. Машина накренилась в развороте, и стало видно дорогу, и ворота дачи, и множество машин перед ними.

Потом показался берег. Две лодки уходили в море, вскидывая и роняя нос. Вертолет описал круг над ними, и Панин высунулся из проема, размахивая рукой, и рулевой с передней лодки махнул ему в ответ.

Глава 36

Вынужденная посадка

Вот и слетал на юг, горевал Ковальский, глядя в иллюминатор. Пропаивался безвылазно в каком-то подземелье. Подышал химией. Ну, на лодке покатался, и то — ночью. Отдохнул на все сто.

Он приложил голову к вибрирующей стенке и снова задремал. Салон вертолета был отделан в восточном стиле. На иллюминаторах трепетали занавески с бахромой. Железная дверь пилотской кабины была оклеена красотками, как будка сапожника. Сиденья в «вертушке» были мягкие, с подлокотниками, но без спинок, и опираться приходилось на стенку.

Рядом сидел Панин, напротив — Клейн. В своем перепачканном спортивном костюме он был скорее похож на бандита, чем на начальника службы безопасности. Но так он больше нравился Коту.

Он вспомнил, с каким понтом Граф перехватил его тогда во дворе на своем роскошном джипе. Кот не мог позволить себе ездить на чем-то дороже «восьмерки», а тут — «Лексус». И этот важный тон... Хорошо он тогда его осадил насчет билетов и премии. Ящик шампанского. Кстати, уговор остается в силе, или как?

Ковальский открыл глаза, чтобы уточнить это важное обстоятельство, и увидел, что Димка, наклонившись вперед, что-то горячо доказывает Клейну.

— Это же историческое место, Сумгаит, — говорил Панин, стараясь перекрыть рев двигателей. — Думаю, о нем будет написано во всех учебниках по диверсионной подготовке. Надо обязательно раздобыть американские инструкции, составленные после восьмидесят

восьмого года. На тему «Организация беспорядков». Раньше мы только теоретически представляли, как могут действовать ребята, внедренные в толпу. А тут такой богатый практический материал.

— Как их могли внедрить, по-вашему?

— Перешли турецкую границу, в Армении смешались с азербайджанцами, которых выселяли. У беженцев никто не спрашивает документов, а если и спросят, ответ простой — все сожгли проклятые армяне.

— А почему они так далеко ушли от армянской границы? Могли бы затеять беспорядки в Кировабаде. Или, еще лучше, в Мингечауре — там ГЭС, там база ПВО, это был бы серьезный удар по всей системе.

— В Мингечауре их бы живо придавили. Хватило бы комендантской роты. А в Сумгаите не было войск. К тому же им не нужен был удар по нашей обороне. Они метили выше. Разорвать Союз.

— Может быть, — согласился Клейн. — После Сумгаита Союз уже не выбрался из агонии.

— Вот именно! Здесь все началось. Бакинские события тоже начались здесь. А Таджикистан с чего начался, помните? Антиармянские выступления в Душанбе, против беженцев из Баку, которым якобы квартиры без очереди будут раздавать. Уже на следующий день про армян все забыли, и появился так называемый «народный комитет», и он до сих пор рвется к власти. Эта пороховая бочка там давно была готова взорваться, но спичку-то, спичку из Баку подбросили, а значит, из Сумгаита. А сценарий тот же самый, и действующие лица одни и те же. Возмущенный народ, безоружная власть, криминальный элемент, плюс несколько профессионалов-зачинщиков.

Клейн что-то спросил, и Панин прокричал в ответ:

— А просто мои друзья были в Таджикистане, и я знаю все не из газет. Так я вам больше скажу. Сумгаит, он ведь и Москву задел рикошетом. Там были ребята из отряда «Витязь». Если бы нам разрешили применить оружие, может, и не было бы ничего. То есть можно было сорвать им сценарий. Но не получилось. В тот раз не получилось. А потом эти же ребята в 93-м охраняли Останкино. И применили оружие. И все. Нарушили сценарий. И «народный фронт» остался не у дел. Может быть, «витязи» тогда просто остановили гражданскую войну.

— Вы считаете, что у нас сейчас нет гражданской войны?

— По крайней мере, московские танки еще не рвутся к Питеру, — сказал Панин. — И если гражданская война идет, то по другому сценарию.

— Вы же летчик. Интересно, какое оружие вы могли применить против митингующих? Напалм?

— Хватило бы мотострелкового взвода со штатным оружием.

— А я вот был в Нахичевани, был на иранской границе, и тоже видел митингующие толпы, — мрачно сказал Клейн. — Так я вам скажу, хорошо, что мы не применяли оружие. Это бесполезно. Бессмысленные жертвы, и все. Идет исторический процесс. Границы трещат и рвутся не только у нас. Во всем мире. Сопротивление бесполезно. Время все сделает за нас. Ну, снесли они заграждение, ринулись в родной Иран, и что теперь? Теперь насмотрелись на прелести свободного мира, успокоились. И границу не только восстановили, но и укрепили. И так будет везде. Время все сделает за нас.

— Вы были только в Нахичевани?

— В других местах тоже, но там мы уже применяли оружие. И что мы имеем? Республику Ичкерия. И ее союзников — Ингушетию и Грузию.

— Хватит вам галдеть, — заворчал Ковальский. — Кружок юных геополитиков. Пospали бы лучше.

Но он и сам уже расхотел спать и пересел поближе к Графу. Им тоже было о чем поговорить.

Они попали в переделку. И выбрались из нее. С потерями, но выбрались. Еще

неизвестно, что ждет их в Питере, да и добраться туда тоже будет непросто. Но, по крайней мере, теперь они были вместе. И Кот, не найдя слов, просто ударил в плечо друга своим пудовым кулаком, сияя улыбкой.

— Чему радуешься? — спросил Клейн, потирая плечо.

— А что? Все нормально. Ведь что интересно — водки было выпито было немереное количество. И никаких последствий. Вот что значит здоровый климат. Дома меня после таких загулов неделю надо откачивать.

— Что, много выпиваешь?

— Приходится. Производственная необходимость. С тем выпей, с этим, потом похмелиться надо, потом лечиться от похмелья... — Кот поскреб подбородок. — Так и загнешься когда-нибудь под капельницей. Или вообще под забором. Уж лучше как Ромка ... Я тут вспомнил кое-что насчет девяносто третьего года. Вадим, говоришь, «Витязь» сорвал сценарий? А может, кроме основного сценария был еще и запасной? Снайперы-то били и по тем, и по другим. Чтобы завести народ. Кровь, она яркая, ее сразу видно. И кто увидел, уже не забудет. Нам кровь пускали, Димка, вот что они делали. Стравить хотели. И ведь стравили.

— Кстати, о танках, — перебил его Клейн. — Я знаю, что танкисты, которые стреляли по Белому Дому в октябре девяносто третьего, через год въехали на Т-72 в Грозный, и там их всех пожгли. Уцелели немногие. Это, наверно, не предусматривалось сценарием.

Панин принялся изучать карту, валявшуюся на откидном столе в салоне. Он так увлекся топографией, что, казалось, не слышал, о чем говорили Кот с Графом. Но стоило Ковальскому сказать, что надо бы выбросить винтовки, когда будем лететь над морем, как Панин повернулся к нему и прокричал, перекрывая грохот:

— Все бы тебе выбрасывать. Прилетим в Дербент, сдадим их в особый отдел. Пусть установят, откуда они.

— Не хотите? Тогда я сам, — сказал Кот. — Обожаю ходить по особым отделам и писать объяснения. Кстати, а где море?

— Справа, — крикнул Панин.

Но в просветах между облаками тянулись только зеленые склоны гор и бурый курчавый лес.

Панин отложил, наконец, карту, и пробрался к кабине. В салоне не было слышно, о чем он говорил с летчиками, но вернулся он озабоченный и снова развернул карту.

— Есть проблемы? — спросил Граф.

— Дербент не принимает. Они идут на запасную площадку.

— Ну и что? Лишь бы в Россию, — сказал Ковальский, двумя ударами ножа вскрывая консервную банку.

В зубовской сумке даже хлеб не зачерствел. Кот намазывал толстые ломти паштетом. Все страшно проголодались, и готовы были сжевать даже растворимый кофе, но Граф запрятал эту банку поглубже.

— Что-то здесь не так, — сказал Панин. — Герман Иванович, а куда уехала эта банда с дачи?

— Повезли аппаратуру устанавливать куда-то в горы.

— Отлично, все совпадает. Тогда все понятно. Я вам могу сказать, куда все уехали. Вы не слышали про такое место, Казачи?

— Нет.

— Вот оно, — Панин показал на карте. — Здесь Грузия, здесь Чечня, вот Дагестан, вот Азербайджан. Вот это место. Оно было обведено карандашом, карандаш стерт. И следы прокладки курса стерты, но если вот так посмотреть, то видно. Видите?

— Ну и?

— Ну и похоже, мы летим туда, а не в Дербент. По всей видимости, там у них еще одна база.

— Еще чья-то дача? — спросил Граф.

— Нет. Это дикие места. На старых картах называлось Пост Казачий. Это еще в ермоловские, наверно, времена казаки сюда выдвинулись. Закрепились, начали строиться. Потом политика изменилась, и крепость строить перестали. Потом были землетрясения, дороги поносило, и место это забросили.

— Что вы там шепчетесь? — крикнул Кот, пересаживаясь поближе к карте.

— Я понял, о чем речь, — сказал Граф. — Это высота 1945. Когда я служил в Лагодехи, мы там лазили. Развалины. Часовня каменная, даже крест тогда еще был. Хороший был ориентир. Ну что, самое подходящее место для базы.

— Наверно, там сейчас все. Всё начальство, все боевики, — сказал Панин. — Раз они не вернулись на дачу после размена, значит, они там. Все сходится. Подтверждается версия одного ненадежного источника. Там их ждет премия. А вместо премии будем мы. Значит, экипаж и не собирался в Дербент. Экипаж не меняет хозяина.

— Что, у нас проблемы? — спросил Ковальский.

— Трудно сказать, — ответил Панин. — Похоже на то.

— Нас везут не в Россию, — сказал Граф. — Поймали нас, Кот.

Он сказал это с довольной улыбкой. Несколько минут назад Граф выглядел подавленным и усталым, а сейчас настроение у него резко поднялось. Панин тоже казался радостно возбужденным, вертя карту и заглядывая в иллюминатор.

Кот понимал их. Граф еще не вышел из боя, еще не расстрелял боезапас. Димка радовался, что раскусил противника. Кот понимал ребят, но ему очень не хотелось сегодня еще воевать. Он так хотел скорее оказаться дома...

— Пойду поговорю с экипажем, — Кот встал.

— А зачем? — спросил Панин. — Все идет по плану.

— Мне твои планы уже вот здесь, — Кот провел ладонью по горлу.

— Хватит шуметь, — сказал Граф, доставая из сумки тяжелую кофейную банку.

Панин перебрался к нему, а Кот опять развязал сверток с винтовками и принялся набивать магазины. В «винторезе» осталось только четыре патрона. В бою от него будет мало пользы. Да и снайперки — не для боя. Он предпочел бы сейчас АКМ, побольше рожков, полные карманы патронов россыпью. Пяток гранат на пояс. Рубенса с пулеметом. Маузера на фланге. Эх, Рома, Рома...

Но хорошо, хоть Граф рядом, удобно привалился плечом к переборке и чистит свое допотопное оружие.

— Сергеич, все будет нормально, — сказал Панин. — При посадке командиру ствол в ухо, штурману другой, техника выпустим на переговоры. Штурмовать нас они не будут, себе дорожке выйдет. Такую «восьмерку» на базаре не купишь.

— А нельзя прямо сейчас ствол в ухо, и домой? — спросил Ковальский.

— Поздно. Долго летим, горючки мало. Можем грохнуться, если сейчас отвернем.

— Ну, сядем, и какие наши требования?

— Еще не знаю, — сказал Панин. — Главное, инициативу перехватить.

— Условия простые, — сказал Граф. — Дозаправка и свободный взлет. Наглеть не будем.

— Вот смеху-то будет, если мы сядем на нормальную площадку.

— Ничего, посмеемся вместе, — сказал Панин. — Герман Иванович, а откуда у вас такая роскошь?

— Степан купил перед вылетом, — сказал Граф, вытягивая жгутик из ствола маузера. Жгутик вылез белоснежным. — Для коллекции. Вы видели его коллекцию?

— Меня блевать тянет от вашей интеллигентности, — не выдержал Ковальский. — Ну-ка, резко перешли на «ты».

— Вадим, ты видел его коллекцию? — спросил Граф. — Да, кстати, чуть не забыл. У тебя есть где записать? Запиши номер телефона в Баку, там ждут твоего звонка.

— В Баку? Говори, я запомню.

— Нет, давай блокнот, это очень важно.

Клейн придавил блокнот к коленке и аккуратно вывел крупные цифры. Панин прочитал, почесал затылок и спросил:

— А ты-то... Откуда ты знаешь этот номер?

— Потом расскажу.

— Лучше бы сейчас. Ладно, не успеем. Кажется, мы заходим на посадку. — Панин схватился за сиденье, и в следующий миг вертолет сильно накренился.

— Кстати, о посадке, — сказал Ковальский. — Те придурки на КПП все время висели на рации. Ясно, что они не девочкам звонили. Если они связались с этой базой, где все начальство собралось, нам ведь могут и не дать добро на посадку. Я бы лично не дал. А вдруг на борту спецназ? С земли-то не видно.

— Не все же такие бдительные, как ты, — сказал Граф.

Вертолет шел по дуге с сильным креном. Дверь в кабину громко лязгнула, захлопнувшись, и Граф с Паниным переглянулись. В правых иллюминаторах белело небо, в левых прыгали скалы и щерились ущелья.

Панин, цепляясь за стенку, добрался до кабины и подергал ручку. Дверь приоткрылась, и выглянула красная физиономия техника.

— Всем сидеть, бля, садимся! Без команды никто не встает!

Вдруг что-то случилось. Порыв ветра ворвался в салон и взметнул карту со стола. С визгом пролетели какие-то осколки. Вертолет дернулся и круто пошел вверх.

Кот и Граф свалились на пол и покатались в корму. Кот успел подхватить ремень винтовки. Он увидел, как Панин перешагнул через упавшего техника и скрылся за переборкой кабины. Вертолет пошел вниз, и дверь кабины снова захлопнулась.

Машину качало, как лодку в шторм. Она то проваливалась вниз, то скользила в сторону. Моторы грохотали вразнобой, и что-то пронзительно свистело. Кот перебросил тело к боковому люку и смог открыть его. Снизу набегала земля. Так быстро, что он зажмурился от страха и сказал себе: «Всё. Молитесь, пан Ковальский. Урод, ни одной молитвы не знаешь»...

Падение вдруг замедлилось, слаженно взревели моторы, и вертолет перестал раскачиваться. Машина теперь не падала, а плавно скользила вниз над каменистой осыпью склона. Добрался Димка до руля, понял Кот. Ну, летчик, вспоминай чему учили. Вытаскивай нас... Удар! Зажурчали камни под колесом. Еще удар! Вертолет сильно накренился, и со страшным звоном лопасти ударили в склон, переламываясь и разлетаясь осколками. Осколки крутились в полете, словно еще не зная, что это уже бессмысленно. Они не знали, что нет больше вертолета под ними, и не надо тащить эту махину по воздуху. Они даже не знали, что они осколки, и каждый еще был частью винта — и старательно крутился, пока не замер в камнях. Все это Кот видел, уже лежа на осыпи.

Он видел, как из люка вылетели сумки, за ними выскочил Граф с двумя винтовками в руках, а вертолет сползал все дальше вниз, дымясь всеми щелями, и вдруг вспыхнул, и черный дым потек из люка, а Димки все не было. И вдруг вертолет опрокинулся на бок, задирая белое брюхо в черных потеках — и исчез.

Через секунду из-за края обрыва донесся звонкий удар, и осколки еще долго визжали на дне ущелья.

Глава 37

В чужих горах

— Димка! — заорал Кот, привстав на руках. — Димка!

Выше по склону кто-то зашевелился, мелкие камни покатались, подпрыгивая и догоняя друг друга, и послышался голос Панина:

— Сергеич, ты чего?

— Черт! Ты когда выскочил?

— Меня через блистер выкинуло, — сказал Панин. — Наши все целы? Летчиков порубило всмятку. Наши-то целы?

— Гера! — крикнул Ковальский, оглядываясь.

— Да иду я, иду, — издали отозвался Граф, стоя на коленях и сдувая грязь с маузера. — Ну что, Кот, доволен? Накаркал?

— Я засек, откуда стреляли. — Панин глядел из-под ладони. — Отсюда не видно. Вон с той скалы за гребнем. Вспышки белые, как сварка. Но это точно не «стингер».

— Да уж понятно, что не «стингер». — Кот поднялся на ноги. — Это, брат, ДШК. Вот же придурки. В упор расстреляли. Так, все в сборе? За мной. Димка, твой сектор справа, Граф — слева. Двигаемся вон к той зеленке.

Они добежали до голых кустов под скалой и попадали, задыхаясь. Ковальский отполз выше и в прицел «винтореза» осмотрел скалы.

— Ага, там уже народ выдвинулся, — доложил он. — Граф, глянь, тебе будет интересно.

По тропе спускалась разнородная команда. Крепкие выбритые ребята в серо-голубом камуфляже шли среди бородачей в длинных халатах и круглых чепчиках.

Пока Граф неотрывно смотрел в прицел, Ковальский оглядывался, рассчитывая дистанции и углы обстрела.

То, что случилось с ними, было довольно обыденным событием для войны. Ничего особенного. Вертолет сбит. Сейчас к нему выдвинулась досмотровая группа. Большая группа, слишком большая — шестнадцать штыков. Пулеметное гнездо, похоже, осталось пустым — неподвижный ствол задран в небо. Все кинулись подбирать добычу.

— Знакомые все лица, — проговорил Граф.

— Все, как раньше, — сказал Кот. — Только наоборот. Теперь мы у себя дома, а духи — ограниченный контингент. Вот оно все и вернулось.

— Я не об этом, — сказал Граф. — Ты видел, один с М-16? Это их инструктор, иностранец. То ли турок, то ли пак.²¹ Он меня вербовал. На все руки мастер. Вот бы его сейчас взять, а? С оружием, в составе банды...

— Как бы он сам нас не взял, — отозвался Панин.

— Так, — сказал Ковальский. — Они нас не видят, идут открыто. Пусть так и идут. Пропускаем их книзу. Пусть повозятся с вертолетом, а я пока поднимусь по их дорожке. Под видом мирного туриста. Если что, придержите их здесь. Гера, дай поносить пистолетик. Димка, прикрой.

— Сам прикрой. Лучше я пойду. — Панин отполз вверх. — Ты и без оружия человека испугаешь.

— Не надо, ребята, — попросил Граф. — Уйдем незаметно.

— Незаметно уже не получится, — сказал Кот. — Если они своих сбивают, значит, им есть что скрывать. И обшарят они теперь каждый камешек.

— Да, кстати, — Панин оглянулся. — Так откуда ты знаешь телефон? От Рены?

— Да, — сказал Граф.

— Ну, нашли время, — проворчал Кот.

— Обязательно позвони ей, — сказал Граф.

Панин бесшумно полз вдоль скальной стенки, и ни один камушек не выскочил из-под его цепких и быстрых рук. Он выбрался на гребень и сполз чуть ниже. Теперь его не могли увидеть снизу, но зато сверху могли не только увидеть, но и накрыть очередью.

Он встал во весь рост, отряхнул плащ и спокойно пошел по тропинке вверх, к пулеметному гнезду. Его городская фигура нелепо выглядела на фоне диких скал. Он смотрел под ноги, чтобы не сбить случайный камень, и медленно приближался к черному

²¹ «пак» — пакистанец

провалу пещеры. Ковальский прицелился по брустверу, по краю плотно уложенных плоских камней. Длинный ствол торчал над ними, глядя в небо. Неужели прислуга тоже сорвалась на досмотр?

Нет, не сорвалась. Над бруствером выросла обритая голова с длинной жидкой бородой. Дух вылез по пояс и что-то сказал Панину, показывая рукой в сторону ушедшей группы. Ответа дух не услышал, потому что Кот нажал на спуск.

Димка осторожно заглянул в пещеру, держа маузер двумя руками. Потом он выглянул из-за бруствера и махнул рукой.

Когда все собрались в пулеметном гнезде, Граф заметил деловито:

— Как они тут устроились. Прямо евростандарт.

В пещере за нейлоновым маскировочным пологом на деревянном полу аккуратно разместились три одинаковых спальных мешка. Газовая плитка. Ящики с консервами. Переносной телевизор. Мощная радиостанция. Зеленые ящики. И множество упаковок с питьевой водой. Не сговариваясь, каждый схватил по бутылке.

— Я вот думаю, — сказал Кот, вытирая губы ладонью. — Три мешка, значит, номер рассчитан на троих. Откуда взялись остальные гаврики? Предлагаю прогуляться по их тропинке дальше за горку.

— У меня другое предложение, — сказал Граф. — Забираем все, что можем, и скрываемся в неизвестном направлении.

— Нет, — отрезал Панин. — Нам нельзя выходить на дорогу. Перехватят. А карту я не взял.

— Без карты обойдемся, — сказал Кот. — Вниз по ущелью. Выйдем на речку, пойдем по ней.

— И куда мы придем? — спросил Панин.

— А здесь все реки впадают в Каспийское море. Рано или поздно, но все. Но как же база? Вы же так хотели посмотреть на базу? Они там новую аппаратуру поставили. Димка, неужели тебе неинтересно, как она работает?

— Интересно. Это очень дорогая аппаратура. И крови на ней много. Но лучше мы сюда как-нибудь потом заглянем, — сказал Панин. — С хорошей компанией. Отсюда им уже никуда не смыться, а место мы запомним.

Но оказалось, что уйти отсюда другим путем было невозможно. Отвесные стены и каменистые осыпи окружали их, и Ковальский первым пошел по тропе, держа винтовку наготове.

Граф задержался ненадолго, и с трудом догнал их уже на гребне.

— Сюрприз оставил ребятам. Не пропадать же добру.

Перевалив через гребень, тропа уходила вниз, к ровной площадке, окруженной лесом. Над деревьями возвышался ободранный каркас купола старой часовенки, и торчал покосившийся крест. Сквозь сетку голых ветвей виднелась покатая крыша длинного барака. На дальнем краю площадки, уходя в лес, белели руины, густо заросшие зеленью.

— Вот и Казачий Пост, — сказал Панин.

— Ну что, обойдем? Или все-таки заглянем? — спросил Ковальский. — Ну, на секундочку заглянем, и сразу уйдем.

— Что-то не видно никого, — сказал Граф. — Все ушли на фронт. Вадим, ты как?

— А все равно другой дороги нет, — сказал Панин, и они пошли дальше по тропе.

Через час, когда они уже лежали под деревьями, разглядывая базу, по горам раскатился взрыв.

— Сработала растяжка, — прошептал Граф.

— И очень кстати, — отозвался Панин.

Кот поднял ладонь, и все притихли. Подчиняясь его жестам, каждый брал на мушку свою цель. Цели выбежали из барака и стояли, прислушиваясь. Их было как раз трое. Маленький чернобородый с «калашниковым». Белобрысый в рыжем пиджаке. Третий был в шляпе.

— Батарей, огонь, — сказал Ковальский и бережно потянул спусковой крючок.

Нестройно ударили выстрелы. Цели повалились. Но один из упавших, белокрысы, тут же вскочил и побежал к барaku.

— Димка, ты что, не стрелял? — недоуменно спросил Кот.

— Да.

— Осечка?

— В башке у меня осечка, — глухо сказал Панин. — Не смог.

— Так, — сказал Кот. — Ничего, бывает. Что, никогда не стрелял по человеку? Прикрой нас.

Он рывком перебежал пустое пространство, подхватил с земли АКМ и упал под стенку барака. Никто не выстрелил в него, пока он бежал. Внутри барака что-то упало, что-то заскрежетало, что-то тяжелое двигалось.

Рядом плюхнулся Клейн, задыхаясь после пробежки.

Кот показал ему один палец, Граф пожал плечами. «Он там один? Не знаю».

Вот так Димка, подумал Ковальский. Вот так инструктор по стрельбе. Понятно, тяжело выстрелить в живого человека. Тем более из кустов. Не всякий сможет. А вот товарищей прикрыть — совсем другое дело. Зная, что Панин сейчас следит за ним, Кот вытянул руку вверх и коснулся согнутым пальцем оконного переплета.

Димка все понял. Пуля ударила в раму, стекла со звоном осыпались. Кот вскочил, нырнул в проем и услышал, как зазвенели стекла соседнего окна. Он перекатился по полу.

Из дальнего конца барака ударила очередь, пули простучали по стенам. Граф, стоя в простенке между окнами, выжидал. Очередь оборвалась, и он шагнул вперед, вытянул руку с маузером и выстрелил, шагнул в сторону и еще раз выстрелил.

— Мишаня, бросай оружие! — приказал он спокойно. — А то разнесем твою халабуду по досочкам.

Ковальский прополз вперед. Барак был перегорожен дощатой стеной, в дверном проеме сгрудились зеленые длинные ящики. Из-за них донесся слабый голос:

— Сейчас придет моя бригада, и тебя самого разнесут.

— Твоя бригада уже никогда не придет, — сказал Граф, опустившись на одно колено и тщательно прицеливаясь. — Взорвали мы твою бригаду.

— У нас много бригад, — донеслось из-за ящиков. Металлический щелчок означал, что вставлен новый магазин.

— Бригад много, а жизнь одна, — сказал Граф. — Мишаня, жить-то хочется?

— А-а па-а-шел ты-ы... — закипая, взметнулся голос, и выстрел маузера оборвал его.

— Ты чего тянул? — спросил Кот. — Каждая минута на счету.

— Там щелка вот такусенькая, — показал Граф, оправдываясь. — Я ждал, пока он башку подставит.

Они растащили ящики. Белокрысы Мишаня повалился поверх стола, на котором громоздилась аппаратура. Бежали зеленые синусоиды в черном круге осциллографа, мерцал дисплей ноутбука, медленно проворачивались бобины магнитофона.

— Ты его знал, что ли? — спросил Ковальский.

— По холдингу, — кивнул Граф. — И правда, все сюда слетелись. Непонятно только, зачем. Не наблюдаю я новых лиц. Кто-то же должен с ними рассчитаться за аппаратуру.

— Ну, с этими-то мы рассчитались, — сказал Кот.

— Боюсь, что мы залезли вперед. — Граф осторожно провел пальцами по клавиатуре. — Настоящие хозяева еще не прилетели. И похоже, что уже не прилетят. Наверняка с дачи сюда дали тревогу, потому-то нас и приняли так грубо.

— А я предупреждал.

— Ну и черт с ними. Зато аппаратура теперь наша. Все-таки результат. Ты смотри, все работает.

— Надо Димку позвать, — сказал Кот. — Это по его части.

Пока Панин разбирался с аппаратурой, Ковальский залез на крышу барака, прихватив и

новое оружие. АКМ побывал в хороших руках. Резиновый затыльник на прикладе. Рычаг предохранителя обмотан леской, чтобы не щелкал. Отличное оружие для засады. Он поставил предохранитель на одиночный и передернул затвор.

Лежа на крыше, он слышал, как Панин приговаривал в бараке:

— Вот это да, вот это да... Вот за этим компьютером они и гонялись. Без него вся система просто набор железок. А это мозги. Да за такие мозги... Любые деньги отдадут. Любые жертвы. Список частот, номера воинских частей, позывные. Система управления перевозками. Значит, все маршруты, все колонны под прицелом. А это что? Вот суки! Авианаводчики. Ты представляешь? Они же могут садиться на нашу волну и наводить нашу же авиацию куда им надо! Ну-ка, ну-ка... Меню на русском. Перехват, запись, глушение. Глушить все? Лихо! Так, дискеты все забираем. А куда ведет этот кабель?

— Это только пульт управления, — сказал Граф. — Где-то должна быть антенна, какой-нибудь генератор помех, я не знаю.

— Так вот же она, антенна, в часовне!

— Вы там побыстрее давайте, — прикрикнул Кот, прислушиваясь к шуму леса. — Народ уже на подходе.

— Сейчас, сейчас...

— Димка? Ну как тебе аппаратура? На орден тянет?

— Тянет, тянет.

— Значит, не зря заглянули?

— Очень даже не зря.

Ковальский держал в прицеле тропу, по которой сам недавно спускался. Если мы не наследили, духи пойдут там же, решил он.

— Граф! Чего вы там копаетесь?

— Не говори под руку, — раздраженно ответил Клейн. — А то сами на своих сюрпризах взлетим. Когда слезать будешь, ничего тут не трогай.

Они выбежали из барака с длинным зеленым ящиком, держась за него с разных концов, и потащили его к часовне.

— Вы куда?

— Взорвем, и уходим.

— Нашли время.

— Ну, потерпи еще минутку.

Ковальский услышал тревожный птичий крик и оглянулся. Среди голых стволов по склону горы спускались духи. Одиннадцать фигур.

Он поднял «винторез». Два последних патрона. В прицеле скользнули одно за другим одиннадцать лиц, то появляясь, то исчезая за стволами деревьев. Ну, кого выбрать? Вот этого, самого здорового, с пулеметом на груди? Нос картошкой, жидкие светлые усики — Ванька, зачем ты связался с «духами»? Или вот этого, с густой черной бородой — словно пчелиный рой облепил красную блестящую морду и колышется на ходу. Чалма сбилась на затылок, обнажив серую полосу бритого черепа. Ага, да у него плечо забинтовано — привет от «растяжки», оставленной Графом. Одиннадцать, а было шестнадцать. Пятерых оставили по дороге. Раненых или убитых, но оставили. «Уже легче, — подумал Кот. — Уже просто нечего делать».

Иностранный инструктор шел в конце колонны, и американская винтовка висела у него за спиной — из-за плеча торчал ствол с высокой мушкой. Все остальные шли пригнувшись и с оружием наперевес. Иностранец не собирался стрелять. Не для того он сюда приехал. «Да он вообще гражданский, — подумал Кот. — Военному и в голову не придет носить М-16 за спиной, когда у нее такая удобная рукоятка. Вот придурок. Его бойцы только что подорвались на растяжке, а он шагает себе, как на пикник. Идет по чужой земле, и ничего не боится. И кто только учит таких инструкторов?» Иностранец остановился, пропуская колонну, остался один на тропе и вытянул антенну рации. «Нет, говорить я тебе не дам», — извинился перед ним Кот. Кровь плеснула во все стороны из перебитой шеи. Готов!

Ковальский нашел прицелом того, кто шел предпоследним. Остальные еще ничего не заметили, а этот уже начал оглядываться, видимо, услышав странный шум сзади. Выстрел заставил его переломиться пополам и скорчиться на тропе. Третьего пришлось валить из СВД, в ее прицеле противник стал казаться дальше и безопаснее. Кот увидел, как «Ванька» остановился после выстрела, как подогнулись его колени, и тело мешком повалилось между деревьями. Этот пулеметчик уже не встанет.

Трое готовы. Оставшиеся исчезли, но Кот знал, что сейчас они расползаются в стороны. Вот мелькнула чья-то сгорбленная спина и упала под дерево. Сейчас будет перебегать. Сейчас вылетит из-за ствола. Вылетит вот сюда. Встретим... Кот навел прицел на правый край ствола и начал выбирать свободный ход крючка, и как только что-то показалось в поле зрения, он довел. Фигура в камуфляже рванулась, рухнула в кусты и больше не шевелилась. Четыре, сосчитал Кот. Пора менять позицию.

Он оставил пустой «винторез» на краю крыши, чтобы ствол было четко видно издалека. А сам перекатился на другой край барака. Димка и Граф все еще колдовали в часовне.

Противника тоже не было видно. Это большая удача — увидеть противника. Четверых он положил — считай, подарок. Остальные семеро сейчас берут нас в кольцо. И возможно, они уже вызвали подмогу — если рация была не только у инструктора.

Поздно, не уйти, понял Кот. Даже если рванем сейчас, уже не оторваться. Они здесь дома. Догонят.

А никто и не собирается убегать, сказал Ковальский, заметив дрогнувшие ветки справа. Он выстрелил в пятно пониже куста, и ему тут же ответили с трех сторон. Ну что, пятый?

Стреляли одиночными, но очень часто. Так же привык стрелять и Кот. Он перекатился по крыше и спрыгнул на землю, держа в одной руке винтовку, в другой — автомат.

Оставалось только перебежать поляну и упасть под деревья, а уж там можно и в прятки поиграть. Пули вспарывали воздух над головой. Давно он так быстро не бегал. Сильный толчок в поясницу чуть не сбил его с ног. Но не сбил, и он побежал еще быстрее, словно пуля прибавила ему скорости.

Еще одна пуля вырвала винтовку из руки, когда он уже вбежал в лес.

Кот проломил собой куст, упал, перекатился и тут же поймал на мушку духа, который высунулся из-за барака. Шестой? Готов — вон его ноги дергаются за углом.

Выстрелы прекратились, и он понял, что они его не видят. Это были не те ребята, которые выпускают полмагазина по любому кусту.

Поясница горела. Справа в бок пульсировала рана, и он подвинулся так, чтобы прижать ее к стволу дерева. Придавил бок сильнее, и пульсация прекратилась. Какое хорошее дерево. Лучшее средство от сквозных ранений.

Пуля громко ударила в ствол. Еще одна, пониже, так, что Коту показалось, будто кто-то дернул его за одежду. Засекли. Он не шевельнулся.

Третий выстрел мог стать для него последним, но снайпер, наверно, решил, что хватило и двух. Не шевелясь, Кот скосил глаза и слева среди тонких деревьев увидел троих. Или двоих? Он почти не различал их, глаза застилала розовая пленка. К тому же он лежал, не поднимая головы, под щекой шевелилась какая-то придавленная букашка, а эти двое, да, двое, все приближались, наведя на него автоматы и оглядываясь.

Их научили хорошо стрелять, но в прочесывании они были профаны. Придурки, надо смотреть туда, куда направлен ствол. Нельзя держаться кучкой. И самое главное. К лежащему противнику нельзя подходить слева. Когда они приблизились, Коту ничего не стоило ожить и выпустить по ним очередь.

Он выпустил очередь, потому что не мог прицелиться — он почти не видел их. Слышно было, как они падают, один за другим. Седьмой и восьмой. Снова наступила тишина.

Потом опять ударили выстрелы, но это было где-то далеко-далеко. Ребята вступили, понял Кот. Надо бы к ним подтянуться, да только никак не оторваться от этого дерева...

Лес наполнился треском веток, шорохом и тупыми ударами пуль. Лес шумел, но в голове его шумело еще сильнее. Да что нам будет с одной-то пули, бодро сказал себе Кот. И что это такое липкое под щекой, во что это я вляпался? Он не видел, как расплзается лужа крови вокруг него, впитываясь в листву.

Холодный обруч сдавил голову, и ему почудилось, что это наушники. И в шуме эфира он различил далекие голоса. «Кот, я Рубенс. Отходи, я прикрываю. Маузер на связи. У меня народ собрался. Я Граф, понял тебя, подтягиваемся. Все, кто меня слышит. Идем вытаскивать Маузера. Кот, ответь Графу. Кот, ответь Графу. Кот...»

Ледяной порыв ветра вдруг ударил в лицо, пронизал все тело ознобом. Дрогнула земля, и что-то посыпалось сверху. Это был взрыв, но капитан Ковальский его уже не слышал.

Глава 38

Пост Казачий

На базе не нашлось пары приличных лопат, зато в изобилии имелась взрывчатка. Гексоген, селитра, алюминиевая пудра были расфасованы в маленькие пакеты. Наверно, в учебных целях. Судя по найденным конспектам, здесь учили взрывать, а не копать. Пришлось потревожить покой казачьего кладбища. Клейн заложил тол, выкопав шурфы ножом, и после взрыва появилась вполне приличная воронка. Туда и опустили Сергеича. Могилу тщательно заровняли, а сверху положили замшелую плиту с остатками когда-то выбитых букв.

Панин пометил на своей схеме это место звездочкой. Место захоронения боевиков он пометать не стал — их стянули за ноги к развалинам барака и просто завалили обломками, предварительно засняв видеокамерой.

У Клейна тоже была своя схема. На всякий случай они разделили между собой самые ценные материалы. Хотя бы один из них обязан добраться до своих. И передать информацию.

— Бесплезно все это, — сказал полковник Клейн, зашнуровывая рюкзак. — Никому это не нужно.

— Это нужно мне, — сказал Панин. — И я сюда вернусь.

— Зачем? Оградку покрасить?

Клейн закинул рюкзак за спину, подтянул лямки и попрыгал.

— Я готов, — доложил он.

— Без компаса, без карты, — покачал головой Панин. — Туристы. Так, слава богу, часовня не обвалилась. Ты помнишь, как ориентироваться по кресту?

— Перекладины показывают север-юг, — сказал полковник.

— Нам на север, — сказал Панин и пошел первым.

— Постой.

— Ну, что еще?

— Я с одного фляжку снял, а там водка. Надо же попрощаться. Мы уходим, а он тут один...

Они постояли над могильной плитой. Клейн отвинтил колпачок блестящей фляжки и протянул ее Панину:

— Скажи что-нибудь.

— Ну, — голос Панина звучал скорее озабоченно, чем печально. — Сергеич, прости, что уходим. Надо рвать когти. Прости. Живые всегда виноваты. Ты уж прости. Но мы вернемся. Ну...

Панин отпил пару глотков, вытер рот рукавом и вернул фляжку Клейну. Тот выпил молча, вылил остаток на могильную плиту и зашвырнул фляжку в кусты.

Они спускались по склону по еле угадывающейся тропинке. Уже давно скрылась

часовня за лесом, когда Клейн вдруг сказал, словно продолжая разговор:

— Да нет, не вернемся мы. Слишком много мест, куда надо вернуться. Лагодехи. Там стояла наша бригада. Ее больше нет. А Ромка никогда не вернется в Вильянди. Возвращаться, чтобы выпить на могилах? Выпить можно и дома. Был бы дом.

Панин ничего на это не ответил. Тропинка вела под уклон, и надо было внимательно смотреть под ноги, чтобы не зацепиться за корень. Воздух стал сырым, сильнее запахло прелой листвой, и мох на стволах здесь был уже светлее. Все отчетливее становился шум текущей где-то впереди речки.

— А вот и река, — сказал Панин. — Все идет по плану.

Он скинул рюкзак и шагнул на огромный голубоватый камень, иссеченный трещинами. Встал на колени, наклонился и принялся пить из реки, зачерпывая воду ладонью. Речка была здесь не шире трех шагов. Валуны, покрытые изумрудным мхом, сгрудились на крутых берегах. А за ними из бурого склона тянулись к небу голые серебристые стволы. Листва давно опала и успела пожухнуть среди камней и мха. И только одинокий куст, выросший прямо среди валунов, пламенел яркими желтыми гроздьями листьев на тонких ветвях.

— Иногда приходится возвращаться, чтобы дела доделать, — сказал Панин, любуясь кустом.

— Мы свое доделали.

— Не совсем.

— Ты лучше Рене позвони, когда вернешься, — сказал Клейн. — Она сейчас одна осталась. Вагиф погиб. Сын у нее растет. Позвони, она будет рада.

Панин вместо ответа зачерпнул еще воды и долго, слишком долго, цедил ее. Потом вытер ладони о свои короткие седые волосы и сказал:

— Я вот думаю... Надо бы навестить другие базы. Радиоперехват — это сеть станций. Одну мы закрыли. Но остальные работают.

— Размахнулся, — сказал полковник, садясь так, чтобы привалиться рюкзаком к валуну. — Сейчас бы лучше самим на эти базы не напороться.

— Есть у меня друзья в Москве, — сказал Панин. — Давно они меня подбивали на такое дело. Надо будет к ним заглянуть.

— А раньше не мог?

— Раньше? Раньше не мог. Раньше у меня были другие планы. Надо было деньги зарабатывать. А у друзей денег не заработаешь. Сами на голодном пайке.

— Друзья такие же летчики, как и ты?

— Такие же, как и я, — сказал Панин. — Но не летчики. Кто моряк, кто инженер, кто журналист. Ты что же думаешь, в Комитет с пеленок записывались, как при царе в гвардию? Человек должен определиться, состояться в этой жизни, а только потом его приглашали. И начиналась новая жизнь.... Ладно, сейчас не об этом речь. Все эти жизни в прошлом.

— Ничего не в прошлом. Видал я вашего брата чекиста. Не знаю, кем ты был раньше, но чекиста ты уже из себя не выгонишь.

— А я и не выгоняю, — Панин подсел, просовывая руку под лямку рюкзака. — Это уже до конца. Национальность — военнослужащий. Место рождения — Минская школа, образование — Высшие курсы КГБ СССР.

— Так мы земляки, — сказал Клейн. — Слышал про Марьину Горку под Минском? Записывай: место рождения — Пятая бригада, образование — спецназ ГРУ. Семейное положение — командир батальона.

— Очень приятно.

— Ты не договорил, — напомнил полковник. — Так что тебе предлагали друзья-то?

— А вот примерно то, что мы сейчас делаем, — сказал Панин, обведя взглядом склон над рекой. — Гулять по красивым местам в приятной компании. И выполнять небольшие поручения. О которых даже по пьянке никому не расскажешь.

— Это мы умеем. Выполняли мы разные небольшие поручения.

— Мы тоже.

— Кошмары потом не снились?

— Не помню.

— А я вот помню, — признался Клейн. — Снились. Только это никого не волнует. Выполнил поручение — отдыхай. Хорошо, если спасибо скажут. А вот не выполнил — тогда конец. Но мы всегда выполняли. Любой ценой. В том-то все и дело. Любой ценой...

Он машинально стер с приклада автомата мелкие капли воды. Какую цену придется заплатить, чтобы рассчитаться с теми, кто вырвал его из уютной квартиры в центре Питера и бросил сюда, в дикие горы? С теми, кто убил его друзей?

Панин встал и подал руку Клейну. Они пошли по склону вдоль реки, иногда останавливаясь чтобы прислушаться. Но никаких признаков погони не было слышно.

— Так что, на тебя рассчитывать? — спросил Панин.

— Давай сначала отсюда выберемся, — сказал Клейн. — Можно подумать, ты сейчас достанешь из дупла телефон и начнешь звонить своим друзьям.

— Так до ближайшего телефона километров сто, не больше, — заверил его Панин. — Шире шаг, замыкающий.

Глава 39

Четыре капитана

Все, что удалось привезти с собой — диски, кассеты, блокноты — Панин переправил к друзьям в Москву. Позже он и сам наведлся туда, чтобы объяснить непонятные детали. Вернулся Панин с хорошими новостями. Базу «Казачий Пост» посетили и осмотрели специалисты. После боя там, похоже, никого не было. Тела боевиков так и остались под развалинами. Специалисты опознали Шалакова, Азимова и несколько объектов, объявленных в розыск. Нашли они и могилу на старом казачьем кладбище. Вопрос — собираются ли родственники К. С. Ковальского перенести его тело в Питер? Панин ответил, что нет, не собираются. Родственников вполне устроит свидетельство о смерти и справка о захоронении.

А место, где лежит Сергеич, гораздо лучше любого другого. Красивый вид и достойное окружение.

Тогда еще один вопрос — нет ли у Панина знакомых офицеров запаса, желающих поработать в известном вам направлении? Желательно, с опытом работы в горах. На капитанские должности. Я поищу, сказал Панин. Сборы и дорога за свой счет, сказали ему. Я понимаю, сказал Панин. Мы вам позвоним осенью, сказали ему.

До осени им надо было довести до конца все свои прежние дела. Панин незаметно вышел из своего строительного бизнеса, постепенно переложив руководство на подросших заместителей и умело распуская слухи о своем отъезде за границу. Рене он так и не позвонил. После разговора с москвичами в этом уже не было смысла.

Лето пролетело в непривычных хлопотах. Клейну приходилось вставать в шесть утра, чтобы к восьми успеть на работу. Панин пристроил его в бригаду молдаван-облицовщиков. Сначала он был на подхвате, потом научился класть кафель и работал с молдаванами на равных. Они уважительно называли его Мюллером.

Можно было бы и не работать. В кожаном портфеле хранились тугие пачки серо-зеленых бумажек. И вытягивая по бумажке в неделю, можно было безбедно валяться на диване. Или на багамском песке. Но он терпеливо укладывал плитку к плитке, потому что только работа отвлекала его от тяжелых мыслей. Кроме того, эти деньги предназначались для дела.

Он ушел на дно, тщательно обрубив все связи с холдингом. Последней такой ниточкой был звонок президенту. Панин был против. Исчезать так исчезать. Но Клейн сухо заметил: «Не знаю, как у вас, у комитетчиков. Но спецназ обиды не прощает». Он позвонил

президенту.

— Я был на похоронах вашего брата, — сказал Клейн, не представляясь.

— Кто это? Ты? — Президент не сразу, но узнал его по голосу. — Ты мне очень нужен. Был на похоронах? Почему не подошел?

— Хотите знать, как все получилось? Тогда давайте встретимся. — Клейн сделал вид, что не расслышал вопроса. — Записывайте координаты.

Они встретились, и полковник рассказал все. В виде резюме. Картина получилась такая. Президент и Мишаня Шалаков втянули Клейна и его людей в опасное дело. В безнадежно опасное дело. Клейн потерял троих друзей. Это были лучшие и последние друзья. Дальше. Клейн потерял жилье и работу. Он потерял все.

— Ничего ты не потерял, — перебил его президент. — Завтра же выходи на работу, и все будет нормально.

— Итак, я потерял все, — продолжил Клейн, когда президент затих. — Кто за это ответит? Шалакова больше нет. Отвечать вам.

Президент долго молчал, протирая очки кончиком галстука. Наконец, он заговорил.

— Да, отвечать мне. Ты можешь меня презирать, ты можешь мне не верить, но я тут ни при чем. Эта тварь, Шалаков... Мне его навязали из Москвы. У него такие связи были! Кто же мог знать? А дело он делал, результат давал всегда. Кто же знал, какая это тварь! Ты мне веришь? Хотя это теперь неважно. Отвечать мне. Ну, что... Могу ответить только деньгами. Твои потери ничем не компенсировать. Но хоть что-то... Я сам брата потерял, я тебя понимаю. Но ты, может быть, крови моей хочешь? Ты, может быть, на эти деньги киллера для меня найдешь?

— Довольно обидно слышать такое.

— Тогда почему бы тебе не вернуться в холдинг? Я заплачу тебе, сколько ты назначишь, и ты снова получишь все.

— Пока это невозможно, — сказал полковник. — Кроме вас и Шалакова есть еще третий ответчик. Я займусь им на ваши деньги. Кстати, это и в ваших интересах.

— Что за ответчик?

— Не могу сказать. Но на всякий случай, не связывайтесь ни с какими гуманитарными фондами, — посоветовал Клейн.

Президент в тот же день передал ему два кожаных портфеля. Один остался у Панина, другой Клейн держал у матери.

С большим трудом он заставил Марину переехать в зубовскую квартиру. Когда они вошли туда впервые, все вещи валялись по полу, ящики стола были выдвинуты и даже холодильник открыт. Степан так торопился уйти на дно, что не стал наводить порядок. Этим занялась Марина с дочками.

Зубовская машина куда-то исчезла, но Марину это не очень расстроило. Во-первых, на освободившееся место она могла поставить свою «двоечку». А во-вторых, для нее это было лишним доказательством того, что Степан жив (без квартиры он проживет, без машины вряд ли).

Ему не хотелось лишать ее надежды. Но все случилось само собой. Однажды он пришел к ней после работы, чтобы помыться. Да и остался. А наутро она сказала, что Степан не вернется. Она поняла это еще тогда, в ту кошмарную ночь. «Этого можно было ожидать», сказала она. Ей всегда казалось, что он покрыт какой-то защитной оболочкой. Оболочка позволяла ему как-то выжить среди людей, как-то терпеть их, прислуживать ничтожеству, пить с подонками, в общем — жить в обществе. Но оболочка была хрупкая, и в последнее время сквозь трещины иногда прорывалось что-то пугающее. И после этой истории... Бандиты сорвали с него эту оболочку, и он облегченно распрямился. Он просто стал самим собой, и ему нечего делать здесь.

«А ты совсем другой», сказала она, теснее прижимаясь к нему.

Клейн не стал объяснять ей, что она заблуждается. У Степана и у него было много различий, но в одном они были одинаковы. У них была общая война.

И эта война еще не кончилась. Поэтому нельзя рассчитывать, что он засидится в тылу. Его место там, где от него больше пользы. И как только поступит сигнал, он отбросит недокуренную сигарету и пойдет заниматься делом. Пойдет ломать, взрывать и убивать, потому что это он делает лучше многих.

Но сейчас он имел полное право насладиться тыловой передышкой.

Оказалось, что Марина не любит готовить, зато ее девчонки могут не отходить от плиты весь день. И вечером его всегда ждал вкусный ужин. Это был ежедневный ритуал. Обычно он приходил раньше Марины. Дожидаясь ее, потягивал пиво перед телевизором. И вот — долгожданный звонок. Девчонки бежали к двери, раздевали маму, разгружали сумки, подносили домашние тапочки. Только собравшись полным составом, они садились за ужин. Потом они смотрели какой-нибудь сериал, а он мыл посуду и ложился спать пораньше, чтобы встать в шесть утра. Так пролетело лето.

В августе началась война с ваххабитами в Ботлихском районе Дагестана. Клейн сразу вспомнил все, о чем ему рассказывал Панин, и чуть не запил с досады. Опоздали. Опять опоздали. Ведь ясно же было, что они ударят именно там. Ведь предупреждали. Все напрасно.

Его не удивил взрыв жилого дома в Москве. После первого взрыва он каждое утро ожидал сообщения о втором, и дождался. Неужели все повторится? Он позвонил Панину, но тот куда-то пропал.

Появился Димка в конце октября. Примчался среди ночи. Панин долго и цветисто извинялся перед Мариной, она едва успела собрать им термос и сумку с едой в дорогу, и прямо от Почтамта, с нулевой версты, они рванули в Москву на панинской «ниве».

В ту ночь трасса словно вымерла, и даже гаишники куда-то попрятались. Они пролетели свои 750 км, останавливаясь только на заправках, и молчали всю дорогу.

На задворках какого-то рынка, поплутав среди фургонов и складов, они увидели на голой стене небрежную надпись «шашлык» — и неровную стрелку рядом.

Панин уверенно направился к угловому столику, где сидели двое. В другом углу шашлычной четверо азербайджанцев сдвинули три стола. В воздухе густо слоился табачный дым.

Двое за угловым столиком были друзьями панинских друзей. Им тоже предложили работу в известном направлении. Работу, о которой нельзя будет рассказывать даже внукам. Которую никто, кроме них, не сделает. И за которую им даже не заплатят ничего, кроме капитанского жалования.

Двое за угловым столиком обернулись и встали, бесшумно отодвигая стулья.

— С прибытием, — протянул руку скуластый, с раскосыми глазами. — Будем знакомы. Капитан Андреев.

— Капитан Мустафаев, — улыбнулся смуглый восточный красавец.

— Капитан Ковальский, — представился Панин.

— Капитан Зубов, — назвал себя полковник Клейн.